

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Самарский государственный социально–педагогический
университет»

На правах рукописи

Барацков Алексей Валерьевич

КУЛЬТУРНО–ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ
НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

Специальность 07.00.06 – Археология

Том 1

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор А.А. Выборнов

Самара – 2017

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Историография неолита степного Поволжья. Физико-географическая характеристика территории Нижнего Поволжья.....	11
1.1 История исследования и историография неолита степного Поволжья.....	11
1.2 Физико-географическая характеристика региона и палеогеографический фон в неолите Нижнего Поволжья.....	29
Глава 2. Источники по неолиту степного Поволжья и методика их обработки.....	38
2.1 Опорные памятники нижневолжского неолита.....	38
2.2 Методика обработки источников.....	114
Глава 3. Проблемные вопросы периодизации, хронологии и хозяйства	128
3.1 Периодизация и хронология неолита степного Поволжья.....	128
3.2 Проблемы происхождения производящего хозяйства в неолите степного Поволжья.....	172
Заключение.....	181
Список сокращений.....	187
Список использованных источников и литературы.....	188
Источники. Археологические коллекции.....	188
Литература.....	189
Литература на иностранных языках.....	207

ВВЕДЕНИЕ

Неолитический период является одним из важнейших этапов в истории первобытного общества. Проблема перехода от мезолита к неолиту уже давно вызывает повышенный интерес исследователей. Это связано с тем, что, по мнению одних специалистов, в неолитический период появляется производящее хозяйство, другие исследователи считают, что приоритетным является возникновение гончарного производства. Оба этих фактора повлияли на формирование оседлого образа жизни, который стал еще одним компонентом понятия неолит. Для степного Поволжья среди исследователей нет однозначного мнения о наличии производящего хозяйства в неолите. В различных регионах эти инновации появлялись не одновременно, что свидетельствует о своеобразии развития в различных регионах. До сих пор сохранялась проблема хронологии начала неолита, вызванная малочисленностью и противоречивостью дат.

Актуальность работы. До начала 80-х годов XX века эпоха неолита степного Поволжья исследовалась в недостаточной мере. Но в последующие десятилетия в регионе были изучены эталонные памятники от мезолита до энеолита, что позволило выдвинуть первые концепции развития неолита в интересующем районе. Выделенные в результате исследований Васильева И.Б., Выборнова А.А., Кольцова П.М., Мелентьева А.Н., Наумова И.Н., Юдина А.И. во второй половине XX века группы памятников, культур и культурных областей требуют более чётких и проверенных определений. Это вызвано тем, что одни и те же неолитические памятники на интересующей территории исследователи относят к различным культурам или культурным общностям. Необходимость

установления контактных регионов обусловлена как географическим положением степного Поволжья, так и единой речной системой. Неравномерность развития археологических культур на различных территориях в период неолита осложняет ситуацию с созданием целостной картины их культурно–хронологического соотношения. Степное Поволжье в южной части граничит с Кавказом и Средней Азией, где, по мнению ряда исследователей, скотоводство и земледелие появляется раньше. А значит, данный регион, возможно, является контактной зоной между Кавказом и другими территориями не только в географическом плане, но и в распространении новых технологий и идей, которые зарождались в более развитых регионах Ближнего Востока. Что касается степного Поволжья, то у ученых нет однозначного ответа на вопрос, появляется ли производящее хозяйство в неолите или хозяйство продолжает носить присваивающий характер.

Для степного Поволжья, несмотря на полученные серии радиоуглеродных дат, сделанных по различным материалам: уголь, кость, нагар, органика в керамике (Таблица 2), одним из спорных остается вопрос о хронологии. Противоречивость радиоуглеродных дат, а зачастую их отсутствие для ряда неолитических памятников без сохранившегося культурного слоя, остается насущной проблемой для данного региона. Судя по радиоуглеродным определениям, степное Поволжье может являться одним из наиболее ранних очагов распространения керамического производства в Восточной Европе. В целях источниковедческого анализа необходима дополнительная проработка керамических и кремневых комплексов неолитических памятников. Кроме того, полученные новые материалы способствуют более глубокому пониманию и решению проблем культурно-хронологического соотношения памятников неолита.

Созданные исследователями схемы культурогенеза были крайне важны для воссоздания картины развития культурных типов и культур в степном Поволжье. Однако с получением новых данных появилась возможность представить более полную картину и предложить целостную схему развития.

Объектом исследования являются памятники эпохи неолита степного Поволжья, а для решения ряда задач привлекались материалы стоянок мезолита и энеолита данной территории.

Предметом исследования определено изучение культурно–хронологического соотношения памятников неолита степного Поволжья.

Территориальные рамки работы охватывают степное Поволжье. Южную часть региона занимают полупустынные массивы Северного Прикаспия (Астраханская область), а северная часть представлена степными ландшафтами Нижнего Поволжья (Саратовская область). Основная часть рассматриваемых памятников находится в Сыртовом Заволжье – орловская культура, джангарская культура в Северо-Западном Прикаспии (Республика Калмыкия) и каиршакско-тентексорская в Северном Прикаспии.

Хронологические рамки. Согласно значительному массиву радиоуглеродных дат, полученных в последнее время по материалам неолитических комплексов, появляется возможность получить более конкретные хронологические рамки исследования. Начало неолита сопряжено с появлением первых керамических культур. В абсолютном выражении для степного Поволжья это вторая четверть VI тыс. до н.э. Завершение неолитической поры соответствует середине V тыс. до н.э.

Степень изученности. Начало изучения неолита степного Поволжья было положено на рубеже XIX-XX вв. Материалы интересуемого региона накапливались в результате изыскания таких специалистов как: Б.В. Зайковский, Т.М. Минаева, П.С. Рыков, Е.И. Крупнов, И.В. Сеницын, Г.Н. Матюшин, Н.Д. Праслов, В.И. Мамонтов, В.П. Третьяков, В.И. Еремин.

Одним из первых кто начал целенаправленные исследования был А.Н. Мелентьев. В результате этих работ (1968-1975 гг.) было выявлено более 400 стоянок, среди которых выделялись памятники с относительно однородными материалами. Это позволило исследователю обосновать выделение памятников мезолитической эпохи, а так же раннего и позднего неолита. К сероглазовской культуре были отнесены более ста стоянок [Мелентьев, 1976]. Исследование

стоянок Орловка (Мамонтов В.И., 1974), Алтата (Деревягин Ю.В., 1974), Каменка I (Еремин В.И., 1975), Латошинка I–II, позволило выявить своеобразие нижневолжских материалов эпохи неолита.

Начало 80-х годов XX века явилось переломным в истории изучения памятников неолита степного Поволжья. В 80–90-е годы исследовались памятники с сохранившимися культурными слоями и стратиграфией, что дало возможность создания как региональных схем развития неолита степного Поволжья, так и составить картину в целом.

Раскопки поселения Джангар в 1979–1982 гг. позволили П.М. Кольцову кратко охарактеризовать каменный и керамический материал стоянки. Автор, сопоставив находки с кремневыми изделиями сопредельных территорий, сближает каменный инвентарь Джангара с материалами Крымско-Кавказского региона и Восточного Предкавказья, из чего он делает вывод об общих мезолитических корнях [Кольцов, 1984].

В 1981 и 1984 гг. экспедицией под руководством И.Б. Васильева был исследован памятник с сохранившимся культурным слоем – стоянка Гентексор – материалы которого легли в основу выделения нового культурного типа позднего неолита [Васильев, Выборнов, Козин, 1986]. В 1987–1989 годах были изучены стоянки Каиршак III и Каиршак I, которые имели полностью аналогичные материалы, что позволило ученым выделить их в особый культурный тип раннего неолита, названный «каиршакским» [Васильев, Выборнов, Козин, 1989].

В 1987–1993 гг. под руководством А.И. Юдина начались раскопки Варфоломеевской стоянки, материалы которой стали одним из опорных неолитических памятников Нижнего Поволжья, поскольку на нем прослежена достаточно четкая стратиграфия [Юдин, 1995].

В 2013–2014 гг. после продолжительного перерыва в Астраханской области Гречкиной Т.Ю. и Выборновым А.А. проводились раскопки стоянки Байбек. Наличие ям в материке и залегавший в них материал подтверждают наличие культурного слоя. В нем в большом количестве обнаружены керамические и

кремневые изделия, а так же кости животных и рыб [Гречкина, Кутуков, Выборнов, 2014].

В 2014–2015 гг. в Саратовской области Юдиным А.И. и Выборновым А.А. были начаты раскопки нового неолитического памятника с сохранившимся культурным слоем – Алгай. Материалы стоянки схожи с комплексом Варфоломеевской стоянки. Полученные данные позволяют проследить периодизацию стоянки от нижнего горизонта до верхнего, а так же получить новые данные по радиоуглеродной хронологии. Кроме того, обнаружены важные сведения о хозяйстве населения стоянки Алгай [Выборнов, Юдин, 2015].

Целью работы является создание целостной картины культурно-хронологического соотношения неолитических памятников степного Поволжья.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

1. Охарактеризовать степень изученности и источниковую базу исследования.
2. Представить палеогеографическую характеристику региона.
3. Дать общую характеристику керамическим и кремневым комплексам неолитического населения степного Поволжья и определить культурную принадлежность материалов в связи с появлением новых данных.
4. На основе значительной серии радиоуглеродных дат (134) представить периодизацию и хронологию неолитических культур данного района.
5. На базе новейших данных разработать вопрос о времени сложения производящего хозяйства в степном Поволжье.

Источники исследования. Источниковой базой исследования послужили материалы, полученные раскопками И.Б. Васильева, А.А. Выборнова, Т.Ю. Гречкиной, Е.В. Козина, П.М. Кольцова, В.И. Мамонтова, А.Н. Меленьтева, И.Н. Наумова, В.П. Третьякова, А.И. Юдина. Работа опиралась на коллекции с памятников Нижнего Поволжья, Северо-Западного и Северного Прикаспия, хранящиеся в фондах археологической лаборатории Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (ПГСГА), Саратовского областного краеведческого музея, Калмыцкого государственного университета.

В работе использованы результаты полевых исследований автора, проводившихся с 2013 г., благодаря которым получены новые материалы и данные по неолитическим стоянкам степного Поволжья (Байбек, Алгай). Для сравнительного анализа прорабатывались неолитические материалы сопредельных территорий Подонья, Среднего Поволжья. Также использовались отчеты о раскопках, хранящиеся в архивах ИА РАН, ИИМК РАН и ПГСГА.

Автор выражает искреннюю признательность Гречкиной Т.Ю., Кольцову П.М., Юдину А.И., за всестороннюю помощь при работе с материалами коллекций неолитических памятников степного Поволжья.

Методологическая и методическая основа исследования. Исследование построено на принципах историзма, системности и научности. Принцип историзма способствовал конкретизации процессов возникновения, динамики, взаимодействия и дальнейших судеб носителей неолитической культурной традиции степного Поволжья.

Как на стадии исследования памятников, так и в процессе камеральной обработки применялся междисциплинарный подход.

В работе основополагающими методами исследования являлись археологические: типологический, стратиграфический, планиграфический, картографический. Для проработки массового материала применялись статистический и формально-классификационный методы. Кроме того, широко применялись результаты технико-технологического анализа изготовления неолитической керамики. Для определения хронологических рамок культур привлекались результаты радиоуглеродного датирования по различным органическим материалам. Дополнением служили данные, полученные с помощью палинологических и остеологических определений. Для выявления стадийных этапов взаимодействия археологических культур и определения характерных и специфических черт развития неолита степного Поволжья применялся историко-типологический метод.

Научная новизна работы. В работе были проанализированы имеющиеся комплексы памятников Северного Прикаспия, Северо-Западного Прикаспия и

Нижнего Поволжья в едином методическом подходе. Это позволило выйти на новый качественный уровень интерпретации. В диссертации вводятся в научный оборот материалы новых неолитических памятников степного Поволжья – Байбек и Алгай. Учитывая их большую степень значимости, появилась возможность получить новую информацию по культурной принадлежности, периодизации и хронологии, типе хозяйства носителей неолитических культур интересующего региона. На основе полученной развернутой характеристики осуществлено новое обоснование каиршакско-тентексорской неолитической культуры. Новая значительная серия радиоуглеродных дат позволила откорректировать хронологические рамки как эталонных памятников, так и всего неолита степного Поволжья. Проблемы происхождения производящего хозяйства на данной территории были рассмотрены на основании значительных остеологических коллекций новых неолитических памятников.

Практическая значимость работы. Материалы неолитических памятников, рассмотренных в диссертации, составят прочный источниковый фундамент. Полученная значительная серия радиоуглеродных дат послужит обширным банком данных по абсолютной хронологии неолита степного Поволжья. Материалы диссертации могут быть использованы при написании обобщающих работ по неолиту, разработке спецкурсов по археологии для высших учебных заведений и учебных пособий по древней истории степного Поволжья, а также при создании археологической карты Нижнего Поволжья и музейных экспозиций.

Достоверность и апробация результатов исследования. Достоверность исследования определяется значительным количеством источников задействованных в работе. Основные положения исследования были изложены в докладах на XLIII Урало-Поволжской археологической конференции в Оренбурге (2011), на I и II научных конференциях молодых ученых «Новые материалы и методы археологических исследований» в Москве в 2011 и 2013 годах, на международной научной конференции «Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии» в Самаре в 2011 году, на 16-м заседании научно-методического

семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» в Твери в 2012 году, на конференции «Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность» в Самаре в 2013 году, на «IV Международной Нижневолжской археологической конференции» в Саратове в 2013 году, на международной конференции в Байбеке Астраханской области в 2014 году, на международных конференциях в Санкт-Петербурге в 2014–2016 г., на конференциях Самарского археологического общества с 2010 по 2017 г., а также опубликованы в 16 печатных работах и 1 коллективной монографии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) На основе новых материалов, в том числе стратифицированных стоянок Алгай и Орошаемое, фиксируется своеобразие в развитии кремневых и керамических индустрий в разных районах степного Поволжья.

2) Новые материалы свидетельствуют, что кремневая индустрия памятников каиршакского типа является микролитической, так как геометрические микролиты обнаружены в закрытых комплексах совместно с керамикой.

3) Памятники каиршакского типа существуют со второй четверти VI тыс. до н.э. с перерывом от 7500 лет ВР до 7300 лет ВР, вызванным аридизацией, до начала V тыс. до н.э. Стоянки тентексорского типа фиксируются от начала до середины V тыс. до н.э.

4) Памятники джангарского типа существуют с последней четверти VI тыс. до н.э. до середины V тыс. до н.э.

5) Наиболее ранние комплексы орловской культуры фиксируются от 7600 лет ВР до 5800 лет ВР, с перерывом от 7500 до 7300 лет ВР, связанным с неблагоприятной природно-климатической обстановкой.

6) Неолитические материалы памятников степного Поволжья содержат данные исключительно о присваивающем типе хозяйства.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения, включающего иллюстрации и таблицы.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ НЕОЛИТА СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ.

1.1 История исследования и историография неолита степного Поволжья

Эпизодические исследования памятников неолита степного Поволжья были начаты Саратовской ученой архивной комиссией еще в дореволюционное время.

Систематические профессиональные изыскания начались лишь после окончания гражданской войны. В это время были обнаружены находки неолитического времени как на левобережье, так и в Калмыкии у села Басы и Зензели [Минаева, 1929; Рыков, 1931. С.53–59; Сеницин, 1931. С.83–96; Сеницин, 1933. С. 89–102].

Своеобразие обнаруженных материалов исследователи отмечали уже в то время. Большинство обнаруженных памятников в силу отсутствия достоверно однослойных стоянок относились к эпохе неолита, или более позднему времени.

На дюнах находили каменные изделия, которые залегали совместно с глиняной посудой. Так, на стоянке у ст. Сероглазово в один комплекс были объединены микролиты и наконечники стрел с двусторонней обработкой в форме «флажка» или «рыбки» [Минаева, 1929]. Это объяснялось тем, что в содержание неолита помимо других признаков входили и двусторонне ретушированные орудия. Т.М. Минаева не отрицала возможность доживания микролитой

техники до ранней бронзы. Такое мнение для нижневолжского региона у исследователя сложилось на основе материалов, полученных для соседних регионов. На стоянке Захар-Калма на р. Самара, в пограничье Среднего и Нижнего Поволжья, В.В. Гольмстен были обнаружены геометрические микролиты типа сегментов и керамика нескольких типов. На основании этих данных автор делает вывод об одновременности материалов, а стоянку относит к эпохе ранней бронзы [Гольмстен, 1924; 1928]. Эта версия в определенной мере подтвердилась после обнаружения И.В. Сеницыным кремнёвых изделий, залежавших совместно с керамикой позднего облика на дюнах Калмыкии.

Дальнейшее изучение памятников неолита было продолжено лишь после завершения Великой Отечественной войны.

И.В. Сеницын в послевоенные годы активно занимался изучением стоянок с кремневыми орудиями на территории Северо-Западного Прикаспия и Уральской области Казахстана. Благодаря этому исследователь смог сделать выводы на широком географическом фоне [Сеницын, 1947; 1950].

На сопредельных территориях в урочище Яста-Худук (Черные земли) Т.М. Минаевой и Н.И. Басовым были обнаружены находки поздненеолитического времени. Исследователь отнесла данные материалы к позднему неолиту и бронзовому веку, а культурные контакты связывала с кельтеминарской культурой Приаралья [Минаева, 1955, С. 53, 54].

Н.Д. Праслов сделал более определенные выводы о характере ряда неолитических стоянок Калмыкии. Он считал, что материалы памятников Западного Прикаспия и района Узеней имеют ряд схожих черт [Праслов, Посников, Ротшиль, 1969. С. 60].

В результате разведочных работ у с. Ачикулак, Махмуд-Мектебе, Бажиган Е.И. Крупновым был собран значительный материал, представленный сегментами, трапециями, скребками, а также архаичной керамикой, позволявший охарактеризовать наиболее древний этап в развитии данной территории – неолитическую эпоху Северо-Западного Прикаспия [Крупнов, 1954, С.170].

В конце 50-х г., проведя дополнительные работы на реках Б. Узень и М. Узень, И.В. Сеницын смог обобщить все доступные материалы, имевшиеся на тот период для Нижнего Поволжья. Автор пришел к сходным с Т.М. Минаевой выводам, отмечая сходство нижеволжских орудий с приаральскими не только по форме и размеру, но и по технике вторичной обработки. Схожие признаки автор выделял и в орудиях Северо-Восточного Кавказа и Крыма [Сеницын, 1960, С. 133–152].

В данный период исследования неолита Нижнего Поволжья начался переход от обнаружения случайных артефактов до обнаружения отдельных стоянок. Своей основной задачей исследователи считали обнаружение и изучение памятников позднего времени, этому сопутствовало обнаружение памятников с разрушенным культурным слоем более раннего времени, поэтому подобные исследования носили эпизодический характер. Незначительное количество памятников и малое количество находок не позволяли исследователям провести скрупулёзную культурно-хронологическую оценку комплексов.

С увеличением материала исследователи выявили специфику полученных материалов и попытались сравнить их с культурами Кавказа на западе и Приаралья на востоке. При более внимательном сравнении материалов неолитических памятников, исследователи выразили сомнения относительно достоверности информации получаемой с памятников без культурного слоя. Стало понятно, что геометрические микролиты не связаны с посудой постнеолитического облика [Формозов, 1959. С. 97]. В 1966 г. Н.Д. Праслов обнаружил в урочище Цыганица каменные комплексы, в которых были представлены геометрические микролиты: преимущественно сегменты с двусторонней ретушировкой дуги (гелуанской ретушью) и пластины с пологой ретушью на брюшке. Ученый отметил, что эти культурные традиции зарождались и развивались в Передней Азии и на Кавказе. Автор предложил отнести артефакты с Цыганицы к мезолиту или протонеолиту и сделал вывод о том, что совместное залегание архаичных кремнёвых орудий и посуды позднего облика не

свидетельствуют об их одновременном существовании [Праслов, 1971. С. 103–106].

В середине 60-х г. XX века А.Н. Мелентьев начал целенаправленные и систематические разведки стоянок мезолита и неолита на территории Северного Прикаспия [Мелентьев, 1968; 1969; 1970; 1972; 1973; 1975]. В результате масштабных работ было обнаружено свыше 400 памятников, в которых выделялись стоянки с однородными материалами. Более 100 стоянок исследователь относил к сероглазовской культуре и датировал ранне-неолитический период не позднее конца VI тыс. до н.э. [Мелентьев, 1975, С. 101]. Кремневая индустрия сероглазовской культуры характеризуется микролитичностью и микролитоидностью. Керамика с добавлением ракушки орнаментирована наколами и прочерченными линиями редко и фиксируется финалом сероглазовской культуры.

Наиболее ранние материалы сероглазовской культуры исследователь относил к позднему мезолиту. Следуя примеру Н.Д. Праслова, автор связывал появление данной культуры в мезолите с зарзыйской традицией, пришедшей с Переднего Востока. Верхнюю границу сероглазовской культуры А.Н. Мелентьев выделил по двусторонне обработанным наконечникам стрел, как в кельтеминарской культуре [Мелентьев, 1976]. Автор, следуя рекомендациям И.В. Сеницина и Е.И. Крупнова, для определения возраста сероглазовской культуры использовал данные геофизики и геоморфологии [Мелентьев, 1977. С. 100]. Учитывая данные колебания уровня Каспийского моря и синхронизируя сероглазовскую культуру с поздненатуфийскими комплексами (для которых на тот момент имелись радиоуглеродные датировки) по сегментам с двусторонне ретушированной дугой, автор датировал ранне-неолитическую фазу сероглазовской культуры не позднее конца VI тыс. до н.э. [Мелентьев, 1976; 1978].

Поздний неолит в исследуемом регионе выделялся на основании завершения сероглазовской традиции. Большинство орудий стали изготавливать из кварцита, что свидетельствует о появлении иной сырьевой базы. О смене

заготовок под орудия свидетельствует увеличение размера пластин. Изменился и способ нанесения орнамента, теперь он представлен овалами, нанесенными прочерками с заполнением зубчатым штампом или чаще всего шагающей гребенкой [Мелентьев, 1976а]. А.Н. Мелентьев отнес вышеописанные признаки к позднему неолиту и обозначил их как прикаспийский период. По мнению автора, именно с этим временем связаны признаки производящего хозяйства.

В 1969–1970 гг. и на территории Саратовского Заволжья были открыты первые стоянки с сохранившимся культурным слоем, отнесенные к позднему каменному веку [Деревягин, 1971].

Полученные коллекции были крайне немногочисленны, исследователи обратили внимание, что большая часть орудий, включая двусторонне ретушированные наконечники, изготавливались из кварцита. В керамическом комплексе представлены неорнаментированные сосуды, фрагменты, орнаментированные наколом и гребенчатым штампом [Деревягин, Третьяков, 1974]. В научный оборот были введены стоянки, расположенные в степной зоне на правом берегу р. Волги, в районе Волгоградской области [Третьяков, 1974]. Сопоставляя нижневолжские материалы с днепро-донецкими и южноуральскими, исследователь приходит к выводу об их самобытности.

К сожалению, большинство обнаруженных стоянок не были исследованы раскопками, а немногочисленные и разрозненные коллекции не представляли возможности провести культурную и хронологическую дефиницию большинства находок. Для этого ученым не хватало реперных памятников с сохранившимся культурным слоем времен неолита.

В 1968 г. на правом берегу р. Волги в границах Волгоградской области В.И. Мамоновым открыта стоянка Орловка, это первый неолитический памятник с сохранившимся культурным слоем на данной территории. Изучение данного памятника позволило ученому охарактеризовать керамическую коллекцию и сопоставить ее с южноуральскими артефактами, а также связать с этой керамикой каменный материал из сохранившегося культурного слоя. В кремневом комплексе стоянки преобладали крупные пластины и отщепы, что

отличало материалы Орловки от имевшихся материалов. Геометрические микролиты представлены единственной трапецией со струганой спинкой. Керамический и кремневый материал стоянки предполагал поздненеолитический возраст стоянки. Подтверждали это и фаунистические остатки животных, часть которых была отнесена исследователем к домашним особям [Мамонтов, 1974. С. 255].

В 1976 г. археологической экспедицией Калмыцкого НИИЯЛИ исследована стоянка Заханата, в материалах которой содержатся артефакты от неолита до средневековья [Шнайдштейн, 1977. С. 183]. В этом же году начинается новый этап в изучении памятников каменного века Северо-Западного Прикаспия. Исследователями Калмыцкой археологической экспедиции в этот период было обнаружено более 60 местонахождений и стоянок эпохи неолита [Кольцов, 1982, 1985].

В середине 70-х г. В.И. Ерёмин предпринял попытку сравнить нижневолжские материалы (стоянки Орловка) и комплексы Поднепровья (Никольский могильник) [Ерёмин, 1976. С. 20]. Полученные данные дали возможность выдвинуть схему развития нижневолжского неолита [Ерёмин, 1977. С. 53–69]. Несмотря на значительный прогресс, интенсивность изучения стоянок неолита Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия сильно уступала сопредельным регионам.

Переломным моментом в истории исследования неолитических памятников стало начало 80-х г. XX века. С 1980 г. под руководством И.Б. Васильева археологи Самарского педагогического университета начали целенаправленное и систематическое изучение мезолитических и неолитических памятников Северного Прикаспия в Саратовской, Астраханской, Гурьевской и Уральской и областях. Исследования основывались на находках прежних лет, полученных местными исследователями [Дубягин, Чикризов, Чуринов, Васильев, Выборнов, 1982]. Самарские ученые, обнаруживая новые памятники, применяли методику А.В. Виноградова и А.Н. Мелентьева. Это позволяло планиграфически разделять разновременные артефакты. Учеными были открыты как стоянки с разрушенным

культурным слоем, но достоверно однородным материалом, так и памятники с сохранившимся культурным слоем, в котором залежали материалы мезолита, либо неолита или энеолита [Барынкин, Васильев, Выборнов, Козин, Колев, Кузнецов, 1985].

В 1980–1982 г. исследовалась стоянка Тентексор I, кремневый и керамический комплекс памятника лишь отчасти соответствовал раннеэнеолитической сероглазовской традиции. Изучив каменный инвентарь стоянки, исследователи пришли к выводу о том, что памятник относится к позднему неолиту [Васильев, Выборнов, Козин, 1986].

Учитывая новые материалы, а так же данные более ранних исследований, ученые пытались дать характеристику развития мезолитического и энеолитического населения Северного Прикаспия. Исследователи считали, что мезолитические комплексы Северного Прикаспия имеют ряд аналогий в материалах сероглазовской культуры, выделенной А.Н. Мелентьевым. Памятники позднего неолита не содержат орудий с двухсторонней обработкой дуги, но вместо них содержат трапеции со струганной спинкой. Исследователи считали, что с мезолитической эпохи, территория Северного Прикаспия была освоена населением, связанным с причерноморско-кавказским кругом культур. Наблюдаются и отдельные следы взаимоотношений со среднеазиатским населением [Барынкин, Васильев, Выборнов, Козин, 1986. С. 14–16].

В это же время начались целенаправленные исследования памятников неолита Калмыцкого НИИ истории, филологии и экономики и Калмыцкого университета. Наиболее важными стали открытия стоянки Харба, содержащая материалы мезолита и поселение Джангар с сохранившимся культурным слоем энеолитической эпохи [Кольцов, 1982. С. 99].

Раскопки поселения Джангар в 1979–1982 гг. П.М. Кольцовым позволяли ученому дать первоначальную характеристику каменному и керамическому материалу памятника с сохранившимся культурным слоем. Соотнеся артефакты с материалами сопредельных территорий, автор приходит к выводу о близости кремневых изделий Джангара с артефактами Крымско-Кавказского региона и

Восточного Предкавказья, что предполагает их единые мезолитические корни. Не обнаружив достоверных аналогий керамическому комплексу стоянки, П.М. Кольцов приходит к выводу о ее самобытности, датируя её VI–V тыс. до н.э. В.И. Данильченко были определены фаунистические останки из культурного слоя стоянки Джангар. Наличие крупного и мелкого рогатого скота, а так же свиньи и лошади не вызывали у исследователя сомнения в наличии домашнего скота у населения стоянки.

В это же время в научный оборот были введены материалы мезолитического памятника Хараба, что дало возможность ученым выделить его своеобразие и предположить типологическое сходство с каменными изделиями стоянки Джангар, что косвенно свидетельствовало о генетическом родстве.

Изучение материалов Джангара позволило ученому сопоставить их с артефактами Тентексора и Ракушечного Яра и выделить Джангар в особый тип. Радиоуглеродные определения поселения Джангар фиксировали его V тыс. до н.э.

В 1987 г. были начаты раскопки эталонного неолитического памятника степного Поволжья – Варфоломеевской стоянки [Юдин, 1988. С. 160]. По мере исследования памятника ученым стало понятно, что Орловская и Варфоломеевская стоянки относятся к одной археологической культуре, которая была названа по первому открытому памятнику – орловская [Юдин, 1995. С. 48]. Нижний слой Варфоломеевской стоянки синхронизировался ученым с верхним слоем поселения Джангар, возможно, и позднее него. Предполагалось, что Варфоломеевская стоянка сосуществует или предшествует комплексам тентексорского типа.

В силу предварительности изысканий в тот период было крайне трудно провести всесторонний анализ памятников неолита степного Поволжья. Даже в конце 80-х в связи с недостаточным количеством публикаций присутствовал некоторый схематизм построений концепций. Данные о стратиграфии Варфоломеевской стоянки были опубликованы лишь в середине 90-х годов, поэтому до этого времени орловскую культуру считали поздним неолитом.

Недостаточное количество источников вызвало осторожный подход к их интерпретации и отразился на трактовке джангарских материалов. В начале считали, что Джангар – это самостоятельная культура, позднее эти материалы считали культурным типом, затем исследователь отмечает, что «в настоящее время, видимо, следует говорить о Североприкаспийской культурно-исторической области» и «проводить культурное группирование памятников на уровне культур внутри области, на наш взгляд, было бы преждевременным» [Кольцов, 1988а].

В формировании и развитии источниковой базы неолита степного Поволжья важное значение оказало изучение памятников Северного Прикаспия – Каиршак I [Выборнов, Козин, 1988] и Каиршак III [Васильев, Выборнов, Козин, 1989], Северо-Западного Прикаспия – Тубузгухудук I [Кольцов, 1989] и мезолитических комплексов североприкаспийского типа в Нижнем Поволжье [Ластовский, Комаров, 1988]. Изучение стоянок Каиршак I и III выявило отличие их материальной культуры от тентексорских, что позволяло предположить гипотезу о более раннем звене в развитии неолита Северного Прикаспия. С изучением памятника Тубузгухудук I и Кугат IV [Козин, Комаров, 1989] появилась возможность выделять наиболее архаичные этапы неолита степного Поволжья.

В 70-80-е г. XX века ученые, на базе накопленных материалов, начали формирование первых концепций по неолиту степного Поволжья. С изменением источниковой базы неолита степного Поволжья менялись и проблемные аспекты. Выделенная в середине 70-х г. сероглазовская культура не имела «чистых» памятников с сохранившимся культурным слоем. По мере накопления материалов в степном Поволжье, учеными были выделены тентексорский тип памятников позднего неолита [Васильев, Выборнов, Козин, 1986.], орловский поздненеолитического времени [Юдин, 1995] и джангарский развитого этапа [Кольцов, 1986. С. 28–30]. Вследствие этого смысл сероглазовской культуры сильно менялся, что позволило специалистам предложить термин «сероглазовская» лишь за мезолитическими комплексами степного Поволжья [Васильев, Выборнов, 1988; Выборнов, 2000. С. 26–28]. Дальнейшее

оперирование понятием «сероглазовская культура» не соответствовало характеру неолитических древностей Северного Прикаспия. Отсюда и возникла необходимость представить характерные черты населения культуры степного Поволжья. Авторы хотели показать не специфические особенности отдельных памятников, а черты, характерные именно для интересующей территории. По мнению А.А. Выборнова, для этого не требуется много признаков, достаточно и одной керамической традиции: 1) примесь толченой раковины в формовочной массе; 2) плоскодонность сосудов; 3) накольчатый способ нанесения узоров; 4) криволинейный геометризм композиций. Для кремневого комплекса маркером является наличие геометрических микролитов (сегментов и трапеций) на раннем этапе и доминирование трапеций со струганной спинкой на позднем этапе [Васильев, Выборнов, 1986]. Эти признаки и характеризуют культуру населения Северного Прикаспия в отличие от других образований [Выборнов, 2008. С.16–17].

П.М. Кольцов не соглашается с подобной схемой и отмечает ряд различий в инвентаре поселений Джангар и Тентексор I. В керамическом комплексе стоянки Тентексор исследователь выделяет рыхлость и толстостенность посуды. Кроме того, на Тентексоре I отсутствует узкий протянутый накол и струйчатые линии [Кольцов, 2004. С. 119]. Но 4 фрагментов со струйчатым орнаментом явно недостаточно для характерной черты джангарской керамики, скорее это специфическая особенность. Узкий протянутый накол встречен на другом памятнике тентексорского типа на Тентексоре III. Его орнаментальные композиции схожи с узорами на посуде Тентексор I, а керамика более плотная и тонкостенная. Это свидетельствует о его более раннем возрасте. Относительно кремневого инвентаря П.М. Кольцов обращает внимание на значительные количественные различия каменного инвентаря между памятниками. Но это вполне естественно, если на тот момент Джангар относили к раннему неолиту, а Тентексор к финалу позднего. Если обратить внимание на материалы, которые на тот момент считали более ранними (стоянки Жекалган и Качкарстау), то

количество изделий из камня на них значительно больше, чем на Тентексоре I [Выборнов, 2008. С. 15].

Изготовление каменных орудий из крупных пластин и отщепов на памятнике Тентексор I, по мнению П.М. Кольцова, является его отличительным признаком. Однако параметры пластин становятся больше по мере приближения к энеолитическому периоду на многих памятниках. Одним из них можно считать Варфоломеевскую стоянку. На данном памятнике параметры пластин и отщепов увеличиваются от нижнего слоя к верхнему, но у А.И. Юдина это не являлось основанием для деления памятника на разные культуры.

А.А. Выборнов, проанализировав данные по кремневому комплексу Варфоломеевской стоянки, пришел к выводу, что увеличивается не размер пластин и отщепов, а их количество, в то время как на стоянках тентексорского типа оно уменьшается. В разное время характер пластин остается неизменным. Иначе как объяснить увеличение таких архаичных категорий орудий, как резцы, пластины со скошенным концом и сегменты [Выборнов, 2008. С. 16]. Исходя из вышеописанного, предполагать пережиточное неолитическое характер верхнего слоя поселения Джангар необоснованно. Более приемлема версия В.В. Ставицкого о том, что к началу формирования Варфоломеевской стоянки, джангарская ветвь развития заканчивается. Кремневый комплекс верхнего слоя поселения Джангар в большей степени соотносится с индустрией нижнего слоя Варфоломеевской стоянки [Ставицкий, 2004. С. 212].

Многолетние полевые исследования в Нижнем Поволжье и Северном Прикаспии, проводимые экспедицией ЛОИА АН СССР и продолженные археологами Куйбышевского педагогического института, были опубликованы в работе И.Б. Васильева и А.А. Выборнова «Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы» [Васильев, Выборнов, 1986. С. 17].

В ранних трудах исследователи выделяли памятники тентексорского типа и относили их к позднему неолиту [Васильев, Выборнов, Козин, 1986]. Подробно изучив посуду стоянки Тентексор, ученые пришли к выводу, что сероглазовская неолитическая культура, открытая ранее А.Н. Мелентьевым, и тентексорские

комплексы практически идентичны. Однако поздние признаки каменного комплекса и плоскодонность посуды свидетельствуют о поздненеолитическом, а не ранненеолитическом возрасте стоянок, как предполагал А.Н. Мелентьев [Мелентьев, 1975]. В работе «Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы» авторы предложили рассматривать неолит Северного Прикаспия в рамках новой джангарско-тентексорской культуры, где эталонным памятником для раннего этапа является стоянка Джангар на Правобережье, а стоянка Тентексор – для позднего этапа на левобережье р. Волги [Васильев, Выборнов, 1986. С. 17].

В обобщающей работе по неолиту Поволжья И.Б. Васильев и А.А. Выборнов рассматривают памятники степной и полупустынной зон в несколько ином ракурсе [Васильев, Выборнов, 1988]. Памятники степного Поволжья объединяются в нижневолжскую культурную область, в которую входят джангаро-варфоломеевская и каиршакско-тентексорская культуры.

Джангаро-варфоломеевская культура делится три этапа: ранний представлен памятниками – типа Тубузгухудук, средний – нижние слои Джангара и поздний – верхний слой Джангара и Варфоломеевка с Орловкой. Каиршакско-тентексорская культура на раннем этапе представлена памятниками типа Кугат IV и Кулагайси, на среднем – памятниками каиршакского типа, на позднем – тентексорского [Васильев, Выборнов, 1988. С. 19].

А.А. Выборнов считает, что материалы стоянки Тубузгухудук I позволяют достоверно выделить ранний этап джангаро-варфоломеевской культуры, поскольку материалы стоянки связаны с местными мезолитическими комплексами. Однако с этой версией не согласен И.Н. Наумов. Сравнив материалы стоянок Джангар и Тубузгухудук I, исследователь приходит к выводу о значительном сходстве керамического и кремневого материала, на основании чего относит их к одной культуре [Наумов, 1998. С. 11].

Но существует и ряд различий: в тесте глины на Тубузгухудук I отсутствует раковинная примесь; венчики с наплывом и профилированные формы сосудов; сложные композиции и прочерченные узоры; встречаются сосуды с округлым дном. В каменном инвентаре стоянки высокий процент пластинчатости и

микролитовидности, присутствуют пластины с притупленным краем, прямоусеченным концом, геометрические микролиты ромбовидной и прямоугольной формы [Выборнов, 2008. С. 27].

Эти различия не могут носить локального характера, так как памятники расположены близко друг к другу, а значит, можно говорить о хронологическом несоответствии. Если сравнить материалы Тубузгухудук I с материалами мезолитической стоянки Харба [Кольцов, Эрдинеев, 1985], то можно сделать два вывода. Более архаичные материалы стоянки Тубузгухудук I свидетельствуют о более раннем возрасте, чем материалы 3-его слоя стоянки Джангар, а это значит, что можно выделить раннеолитическую фазу в развитии этой культуры. Во-вторых, сравнение кремневых комплексов стоянок дает основания признать плавное формирование кремневой индустрии правобережья степного Поволжья на местной основе [Выборнов, 2008. С. 28].

До настоящего времени сохраняются вопросы, связанные с наиболее древними памятниками неолитической эпохи степного Поволжья. Н.С. Котова отмечает близость керамики сурской, ракушечноярской, елшанской культур и памятников типа Кугат и Тубузгухудук I, полагая, что первая посуда появилась в результате заимствования навыков ее изготовления у населения Малой и Передней Азии [Котова, 2002. С. 76]. Спорными остаются вопросы, связанные с ранним неолитом степного Поволжья. И.Н. Наумов выражает сомнения по поводу раннеолитического возраста Кугат IV и Кулагайси, так как кремневый инвентарь стоянок не архаичнее, чем более поздние комплексы стоянки Каиршак III и Тубузгухудук I, а посуда накольчатая. По мнению исследователя, древнейшей является прочерченная и прочерчено-накольчатая керамика, которая восходит к средневожским памятникам и еще более древним зауральским аналогам [Наумов, 1997. С. 90–91; 1998а. С. 9–14].

В.В. Ставицкий предлагает иную версию происхождения североприкаспийского неолита. Он полагает, что материалы памятников Кугат и Кулагайси, наиболее близки сурской культуре. Особенно явно данное сходство

проявляется на каиршакском этапе, что объясняется заимствованием идей изготовления керамики у западных соседей [Ставицкий, 2004а. С. 23]

Е.В. Козин придерживался иного мнения относительно неолита Северного Прикаспия [Козин, 1990. С. 64–65]. Несмотря на ряд различий каиршакского и тентексорского типов, автор видит генетическую преемственность памятников в кругу сероглазовской культуры. Ранний неолит представлен стоянками Кугат IV и Кулагайси, развитой – каиршакским типом и финальный неолит представлен тентексорским типом. По мнению автора, резкие ухудшения климата вынуждали население региона переселяться к пределам Прикаспийской низменности, чем и объясняются хронологические разрывы между типами памятников [Козин, 2002. С. 21].

Ряд исследователей считал, что нижний слой Варфоломеевской стоянки культурно и типологически соответствует прикаспийскому [Барынкин, Козин, 1998. С. 71]. В интервале между существованием стоянок Каиршак III и Тентексор был сильный экологический кризис, в результате чего население уходит к границе Прикаспийской низменности, где располагалась Варфоломеевская стоянка [Барынкин, Козин, 1998. С. 80].

П.М. Кольцов в своих работах [Кольцов, 1984, 1988, 1989, 1990, 1990а] по неолиту Северо-Западного Прикаспия обосновывает существование джангарской неолитической культуры. Автор выделяет три ее этапа: ранний – Тубузгухудук I, II, средний – два нижних слоя стоянки Джангар и поздний – верхний слой Джангара. Джангарская неолитическая культура рассматривается автором как часть североприкаспийской культурно-исторической области с хронологическими границами от середины VI тыс. до н.э. до начала IV тыс. до н.э.

Несмотря на ряд открытий и частичное исследование неолитических стоянок на территории степного Поволжья интенсивность изучения явно уступала соседним регионам, где в это время уже были опубликованы обобщающие работы по неолиту более восточных и западных областей.

На рубеже веков концепции претерпевали изменения. П.М. Кольцов, считал, что предложенный И.Б. Васильевым и А.А. Выборновым вариант

объединенной джангаро-варфоломеевской культуры нуждается в разъяснении [Кольцов, 2004. С. 120; 2005. С. 283–284]. Автор обращает внимание, что в материале третьего слоя Варфоломеевской стоянки доминирует посуда с прикрытым устьем и наплывом на внутренней стороне венчика. Далее наплыв трансформируется в воротничок уже на внешней стороне сосуда. Подобные сочетания отсутствуют в Джангарских материалах [Кольцов, 2004. С. 120]. Однако А.И. Юдин отмечает, что 50% орнаментальных композиций стоянок Джангар и Варфоломеевки тождественны. Более важно появление еще 6 близких джангарским композиций в слое 2Б Варфоломеевской стоянки [Юдин, 2004. С. 42]. В.В. Ставицкий отметил, что подобные орнаментальные композиции на Джангаре встречаются уже в нижних слоях, которые синхронны нижнему (3-ему) слою Варфоломеевской стоянки. Это доказывает, что контакты населения этих стоянок происходили не только в период нижних слоев [Ставицкий, 2004. С. 213].

П.М. Кольцов указывает на еще один отличительный признак – наплыв на внутренней стороне венчика на керамике верхнего слоя Джангара и слоя 2Б Варфоломеевской стоянки. Но это как раз не отличает, а сближает керамические традиции стоянок. В.В. Ставицкий отмечает, что «одновременное появление наплывов на венчике, ряд параллелей в развитии композиции орнамента, схожие тенденции в эволюции кремневых изделий, свидетельствуют о достаточно согласованном характере происходящих на этих стоянках изменениях, что является важным признаком их единой культурной принадлежности» [Ставицкий, 2004. С. 211]. Еще одним доказательством в пользу единой джангаро-варфоломеевской культуры является составляющая керамической массы. Керамика джангаро-варфоломеевской культуры не такая толстостенная, по сравнению с керамикой Каиршака I и III, а так же Тентексора I. Это объясняется тем, что посуда вышеприведенных памятников изготовлена из ила, а джангаро-варфоломеевская посуда характеризуется двумя группами: из илов и илистой глины [Выборнов, 2009].

Две технологии изготовления сосудов сближают керамику Джангара и Варфоломеевской стоянки в одну культурную традицию. Аналогичным образом

объединяются керамические комплексы каиршакского и тентексорского типов [Выборнов, 2008. С. 31].

Для ученых наиболее проблематичен вопрос последовательности каиршакских и тентексорских типов: являются ли они этапами одной культуры, или это различные культурные образования.

В.В. Ставицкий, обработав неолитические комплексы Нижнего Поволжья, считает, что жесткая генетическая связь отчетливо прослеживается лишь для памятников джангарского и орловского типов, эволюция которых наблюдается в Джангарском и Варфоломеевском комплексах. В дополнительном изучении нуждаются определения степени преемственности остальных типов памятников степного Поволжья [Ставицкий, 2004а. С. 30].

Некоторые исследователи считают, что различия в материалах каиршакского и тентексорского типов объясняется большим временным, а значит, и культурным разрывом [Кольцов, 1990. С. 69; Козин, 1990. С. 25].

Однако первооткрыватели памятников писали о различии в типологии и хронологии для данных типов [Васильев, Выборнов, 1988. С. 43–45], но в рамках одной культуры. Опираясь на данные технико-технического анализа неолитической керамики Северного Прикаспия, полученные И.Н. Васильевой [Васильева, 1999.], позволили Е.В. Козину, сделать вывод о единстве технологической традиции и преемственности керамики на протяжении всего развития неолита [Козин, 2002. С. 15–16].

П.М. Кольцов для решения этого вопроса обращается к анализу каменного комплекса, где отличия особенно заметны. В каиршакских комплексах доминирует пластинчатая техника и микролитичность. На тентексорских памятниках наблюдается упадок микролитоидной техники. Автор отмечает различия и в керамическом комплексе стоянок. Примером могут служить орнаментальные композиции, которые считаются консервативным элементом в неолитической культуре [Кольцов, 2004. С. 130]. П.М. Кольцов считает, что в результате аридизации население каиршакского типа было вынуждено перемещаться в более благоприятные места обитания. В финале неолита на

территории Северного Прикаспия появляются памятники тентексорского типа, чья культурная составляющая отличается от каиршакской [Кольцов, 2005. С. 294]. На классификационном уровне анализа неолитический материал стоянки Каиршак является отражением одной археологической культуры, а материал стоянки Тентексор – другой [Кольцов, 2004. С. 131; 2005. С. 294]. Такие памятники, как Тентексор I, относятся к «пережиточному» неолиту, или «постнеолиту», и являются, прежде всего, категорией археологической [Кольцов, 2004. С. 131; 2005. С. 294].

По мнению А.А. Выборнова, хронологический разрыв между стоянками каиршакского и тентексорского типа не настолько значительный, чтобы они не могли принадлежать одной культуре. На стоянках тентексорской группы наблюдается значительный хронологический разброс между памятниками. В ней выделяется стоянка Качкар-стау, кремневый инвентарь которой выглядит древнее прочих материалов. Стоит отметить, что хронологический разрыв между памятниками каиршакской и тентексорской группы не исключителен. Радиоуглеродное датирование Варфоломеевской стоянки показывает, значительный временной промежуток между развитым и поздним этапом [Выборнов, 2008. С. 34].

Веским аргументом в пользу различия каиршакской и тентексорской группы памятников может выступать смена геометрических микролитов с сегментов в каиршакских к трапециям в тентексорских комплексах. Однако подобные примеры не редкость. Так «рогатые» трапеции замещаются вытянутыми треугольниками в кельтеминарской культуре [Виноградов, 1981. С. 65-89]. В керамике стоянок отличие проявляется в том, что для каиршакских комплексов характерна прочерченная посуда, а для тентексорских – украшенная наколом. Но подобная ситуация прослеживается и в верхневолжской культуре, где тычково–прочерченный орнамент, характерный для раннего этапа, на позднем сменяется на гребенчатый [Костылева, 1987. С.13-20]. В кельтеминарской культуре наблюдается похожая ситуация [Виноградов, 1981. С. 68-85; Виноградов, Мамедов, 1975. С. 217-223]. На Варфоломеевской стоянке

прочерченный орнамент уменьшается от нижнего слоя к верхнему, а орнаментальные композиции на сосудах не претерпевают каких-либо существенных изменений. Орнаментальные композиции стоянки Каиршака III находят массу аналогий с Тентексорской стоянкой, отличает их лишь способ нанесения.

Версию о самостоятельности каиршацкой и тентексорской культур А.А. Выборнов считал несколько преждевременной. На момент изучения более объективной выглядела версия о каиршацких и тентексорских комплексах, как этапах в развитии неолитической культуры Нижнего Поволжья [Выборнов, 2008].

Недостаточная источниковая база мешала решению вопроса о дальнейшей судьбе неолитического населения степного Поволжья. Исследователи связывали ее с генезисом прикаспийской культуры [Васильев, Выборнов, 1988. С.43–44].

Анализ материалов Варфоломеевской стоянки позволил А.И. Юдину уточнить данное предположение. В слое 2А исследователь отмечает начало сложения основных признаков прикаспийской культуры. К ним относятся: появление воротничка на венчике сосуда, увеличение средних параметров каменных орудий, комплекс украшений. Схожие черты, выявленные на стоянках, нельзя объяснить взаимовлиянием или сосуществованием раннеэнеолитического и позднеэнеолитического населения, поскольку в слое 2А не найдено типичной прикаспийской керамики. Она присутствует в верхнем слое и по своим технико-технологическим показателям идентична неолитической. Автохтонность прикаспийской культуры подтверждается практически полностью сохранившимся набором неолитических каменных орудий [Юдин, 1995. С. 12–13]. А такие инновации как преобладание в орнаментации гребенчатого штампа, увеличение количества артефактов из кварцита, двусторонняя обработка орудий, возможно, являются результатом контактов с населением Заволжья, пришедших с Севера [Юдин, 1995. С. 13].

С выводами о начале сложения прикаспийских древностей на базе орловской культуры не согласен В.В. Ставицкий. Артефакты, которые А.И. Юдин относит к материалам мариупольского типа (венчики с воротничковым

утолщением, сверленая булава, подвески из зубов оленя, фигурки из кости, бусы, медная пластинка, шлифованные тесла и долота), не все можно отнести к разряду специфических мариупольских [Ставицкий, 2013. С. 207]. Схожие находки часто встречаются и на памятниках других культур. Тесла с Варфоломеевской стоянки имеют близкие аналогии с артефактами хвалынских комплексов, а сверленая булава имеет крайне мало сходств с мариупольскими изделиями. Увеличение параметров пластин в верхнем слое может объясняться освоением кварцита. Он обладает хрупкой структурой, поэтому орудия из него изготавливались более крупных размеров [Ставицкий, 2013. С. 207]. Фигурки из кости, обнаруженные на Варфоломеевской стоянке, отнесены к мариупольской традиции, хотя на Раздорской стоянке они обнаружены еще во втором слое – до появления утолщения на венчике. Прикаспийский облик, бесспорно, имеет два фрагмента воротничковых венчиков, украшенных гребенчатым штампом, а так же несколько черепков с гребенчатыми отпечатками, обрамленных прочерками. Вероятнее всего, они оказались на памятнике не в период формирования прикаспийских материалов, а значительно позднее. А значит, происходит не трансформация местной культуры, а ее постепенное развитие [Ставицкий, 2013. С. 208].

Таким образом, с появлением новых памятников источниковедческая база увеличивалась, позволяя создавать более полную и точную периодизацию, а так же выстраивать хронологические модели развития региона. Большое количество открытых стоянок и памятников вызывало ряд спорных вопросов. Дискуссии относительно периодизации и культурной принадлежности ряда памятников продолжаются и сейчас. Периодизация, предложенная А.А. Выборновым, с незначительными поправками актуальна и по сей день, а проблема единства каиршакского и тентексорского типа до сих пор вызывает ряд вопросов.

1.2 Физико-географическая характеристика региона и палеогеографический фон в неолите Нижнего Поволжья

По современному административно-территориальному делению степное Поволжье представлено Астраханской, Волгоградской, Саратовской областями и Республикой Калмыкия. Северные районы степного Поволжья заходят в зону лесостепи и полностью охватывают сухие степи, расположенные на Юго-востоке Русской равнины. На западе располагается Приволжская возвышенность, а на востоке от р. Волги – низменное Сыртовое Заволжье. Граница степи и лесостепи определяется южной оконечностью Сыртовой равнины, выходящей из Прикаспийской низменности, северная периферия ограничивается бассейном р. Самары.

На правом берегу р. Волги в Калмыкии интерес исследователей вызывают Сарпинские озера, а на левобережье – это бассейны рек Большой и Малой Узени, которые связывают полупустынный Северный Прикаспий и Нижнее Поволжье.

Большая часть рассматриваемых памятников расположена в Сыртовом Заволжье (орловская культура), в Северо-Западном Прикаспии (джангарская) и каиршаково-тентексорская в Северном Прикаспии.

Природные и географические условия характеризуют данный регион как весьма противоречивый. Незначительное количество рек и лесов, засушливый континентальный климат не способствует активной жизнедеятельности для больших групп населения. Но наличие р. Волги и ее притоков ставит данную территорию в выгодную позицию, особенно в экстремальные моменты.

Следует отметить, что современные физико-географические условия значительно отличаются от неолитических. Поэтому мы будем рассматривать территорию степного Поволжья такой, какой она была в атлантический период. На рубеже бореала-атлантика начался процесс формирования степей, границы которых совпадают с территорией современной степной зоны. В настоящее время значительные территории степного Поволжья составляют полупустыни (Северный Прикаспий). В атлантический период на территории Северо-Западного, Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья, по данным споропыльцевого анализа, доминировала степная растительность [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998. С. 47].

Исходя из критерия уровня озёр, ряд исследователей [Kul'kova, Mazurkevich, Dolukhanov. 2001 С. 87–94.] определяют атлантический период в границах 8000–5000 л.н. Ранний атлантический период был периодом высокого уровня озёр (8000–7000 л.н.); в средний атлантический период (7000–6500 л.н.) уровень озёр был низким; а в поздний атлантический период (I, 6500–6000, и II, 6000–5700 л.н.) уровни озёр вновь стали повышаться. Для каждого из субпериодов наблюдается собственное характерное соотношение биологических видов.

Финал бореального периода в Северном Прикаспии совпадает с завершением мангышлакской регрессии Каспийского моря. В VIII тыс. до н.э. уровень Каспия падает на 30 м [Федоров, 1980. С. 20].

В целом климатические условия характеризуются чередованием похолоданий и потеплений. Доказательством этому служит профиль почвы с мерзлотными трещинами на мезолитической стоянке Жеколган [Васильев, Иванов, 1986а]. В VII тыс. до н.э. во время аридизации в Северо-Западном Прикаспии исчезает древесная растительность, ландшафт становится пустынным и полупустынным [Абрамова, 1980; 1981]. Во время окончания бореального периода на северных территориях при сухом и жарком климате распространяются сухие степи и наблюдались частые засухи [Иванов, 1986].

Схожие выводы сделали Е.А. Спиридонова и Ю.А. Лаврушин при изучении разрезов почвы на памятниках степного Поволжья [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998]. На основе полученных данных специалисты предполагают, что мезолитическое население Северного Прикаспия проживало в относительно комфортных условиях. Этому способствовали крупные пресные водоемы, по берегам которых росли леса, представленные сосной, березой и широколиственными породами. В финале бореального периода (6000 л.н.) происходит резкая смена природной обстановки, вызванная аридизацией климата и изменением ландшафта с полупустынного на пустынный.

Эти выводы подтверждаются данными, полученными Н.С. Болиховской. Анализы почвы показали кратковременное похолодание климата в конце бореального периода, в это время на данной территории практически исчезли

темнохвойные, а пойменные вязовые и дубовые леса значительно сократились [Болиховская, 1990. С. 59].

На рубеже бореалального и атлантического периодов (конец мезолитической эпохи) условия для существования населения были вполне приемлемыми, катастрофических природно-климатических условий не было. В это время исследователи фиксировали похолодание и аридизацию в районах Приазовья [Котова, 2002. С. 42] и Среднего Подонья [Спиридонова, 1991.С. 197].

Новокаспийская трансгрессия не затрагивала территорию Северного Прикаспия, тем не менее, она существенно повлияла на природно-климатическую обстановку региона в неолите [Выборнов, Барацков, Гречкина, 2014].

В этот период специалисты отмечают в Северном Прикаспии изменение ландшафтов от засушливых степей до пустынь [Васильев, Иванов, 1986]. В то же время в Северо-Западном Прикаспии основным видом растительности становится растения степных типов с присутствием лесных пород [Абрамова, 1980]. В период трансгрессии климат характеризуется повышением влажности. В степных районах происходит потепление климата и преобладание влажных условий над сухими. В интервале 8000–7500 л.н. в регионе наблюдаются теплые и влажные условия с теплыми зимами [Иванов, 1986].

Для Астраханской области, по данным Н.С. Болиховской, этот период характеризуется преобладанием трав и кустарничковых и появлением широколиственных пород (24%). Это позволило ученым предположить, что в интервале 8500–7500 л.н. на данной территории преобладал теплый и влажный климат, прерываемый кратковременными позднебореальными похолоданиями. Схожая ситуация складывается и на сопредельных территориях. По данным Г.М. Левковской, в Приазовье в интервале 7700–7500 л.н. произрастала разнообразная древесная растительность [Левковская, 1992], на стоянке Плаутино I, где доминирует травянистая растительность, древесные породы представлены 27% [Сурков, 2007, С.10].

Таким образом, в интервале 7800–7500 л.н. после аридизации и начала атлантического периода как в степном Поволжье, так и на сопредельных

территориях Подонья и Приазовья устанавливается вполне благоприятный палеогеографический фон. Благодаря дагестанской трансгрессии в Северном Прикаспии, увеличивается количество водоёмов, на берегах которых селились люди [Спиридонова, Алешинская, 1999, С. 26].

Это подтверждают данные из сохранившегося культурного слоя стоянки Каиршак III, свидетельствующие о наличии травянистых растений, возрастании роли злаковых и увеличении таких древесных пород как сосна, берёза, ольха, что свидетельствует о большей задернованности почвы [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1988, С. 51–52]. Слой с такой биологической продуктивностью мог сложиться лишь в благоприятных условиях с большой влажностью [Спиридонова, Алешинская, 1999, С. 26].

Вышеописанному соответствуют и климатические условия территории Нижнего Поволжья. Это подтверждается материалами 3 слоя стоянки Варфоломеевская. В это время в данном регионе условия были сходные с полупустыней, преобладали злаковые и полынные растения [Юдин, 2004, С. 7].

В дальнейшем на территории Астраханской области ситуация несколько меняется. Фиксируется высокое содержание пыльцы трав и кустарников. Увеличивается количество пыльцы полыни и значительно снижается количество широколиственных пород, увеличивается количество ивы, что, несомненно, свидетельствует о резкой аридизации и похолодании климата примерно 7500 л.н. [Болиховская, 1990, С. 60].

В период 7500 л.н. в северных степях специалисты отмечали жаркие и сухие условия [Иванов, 1986]. Зафиксировано высокое содержание пыльцы трав и кустарников, высокое содержание пыльцы полыни и снижение количества широколиственных пород свидетельствует о резкой аридизации и похолодании климата.

Подтверждение эти версии находят по данным с разрезов почвы на неолитических памятниках. Так на стоянке Каиршак III ученые выявили доминирование полыни (73–78%), что свидетельствует о постепенном нарастании аридных условий к периоду 7200 л.н. Это подтверждается изменениями в слое 2Б

Варфоломеевской стоянки, полынно-злаковые степи сменяются марево-полынными полупустынями. Этот этап отмечается в слое 2Б, в котором выявлен интервал с большой аридизацией климата. [Юдин, 2004, С.7].

В интервале 7500–7200 л.н. в регионе сокращается количество неолитических памятников по сравнению с предыдущим и последующим периодом. Стоянки с сохранившимся культурным слоем встречаются редко, количество находок на них незначительно, население покидало как крупные памятники, так и малозаселенные.

Версию об аридизации климата подтверждает то, что, по предварительным заключениям И.В. Иванова, стоянка Байбек находится на слое почвы, который не мог сформироваться во время аридизации в Северном Прикаспии в период 7500–7200 л.н.

Для реконструкции экологических условий неолитического периода важно оценить генезис песков, слагающих поверхность - эоловый (ветровой) или водный. Надежным признаком эолового происхождения песков является беспорядочная тонкая косая слоистость с обилием мелкого ракушечного детрита, отсутствие целых раковин и наличие в песках погребенных почв. Признаками водного происхождения песков служит выдержанная слоистость песков, наличие в них тонких прослоев суглинков, глин, прослоев с целыми раковинами. Волго-Уральские пески имеют полимиктовый (полиминеральный) состав. Помимо кварца, который в них преобладает, пески содержат 5-15% примесей минералов полевых шпатов, глауконита, а также глинистых минералов. Вследствие этого почвообразование на песках происходит относительно быстро, профиль песчаных почв с их горизонтами формируется за 100-200 лет. Скорости формирования черноземов уменьшаются при аридизации климатических условий и возрастают при увеличении увлажнения. Это означает, что почва вполне могла сложиться за период с 7200-6950 ВР. Сравнение почв стоянок Каиршак III и Байбек позволяет предположить, что почва Байбека менее развита и формировалась позднее, чем почва Каиршака III, что, по мнению И.В. Иванова, требует проверки. Почва Каиршака III лучше сформирована вследствие более длительного

развития и постепенного, возможно и колебательного, улучшения климатических условий увлажнения от раннего неолита к энеолиту. Это предположение подтверждается полученными в настоящее время радиоуглеродными датами по обоим памятникам. Для Каиршака III даты фиксируют, как минимум, последнюю четверть VI тыс. до н.э., а для стоянки Байбек – первую четверть V тыс. до н.э.

При реконструкции природных условий предшествующих периодов голоцена в Прикаспийской низменности для определения времени освобождения поверхности от вод Каспийского моря решающее значение имеет абсолютная высота местности. Согласно наиболее достоверной на настоящее время реконструкции трансгрессий и регрессий Каспийского моря [Рычагов, 1993] поверхности с высотами -10, -12 м окончательно освободились от морских вод около 11500 лет назад. Это означает, что во время функционирования стоянки Байбек до берега моря было не более 6 – 7 км. Морская береговая линия имела прихотливый характер (аральский тип берегов по Л.С. Бергу). Параллельно берегу располагались многочисленные узкие вытянутые в длину острова бугров Бэра, возвышавшиеся над морем на 3-7-10 метров. Сами бугры сформировались ранее во время мангышлакской регрессии.

Материалы дистанционного зонирования земли, проведенные благодаря совместным усилиям сотрудников ГНП РКЦ «ЦСКБ – Прогресс» и ПГСГА, установили уровень акватории Каспия в данный период (рис. 2:1). Уровень Каспийского моря на протяжении всех исторических эпох циклически изменялся, то возрастая, то убывая. Возможно, что один из таких циклов роста совпал со временем аридизации в степном Поволжье [Антимонов, 2014, С. 18]. Подтверждает данное предположение и график колебания уровня Каспийского моря за последние 10 тысяч лет по Г.И. Рычагову [Рычагов, 1997, С. 267]. Опираясь на информацию, представленную в материалах дистанционного зонирования земли, можно прийти к выводу, что в период неолита уровень Каспийского моря превышал современный на 7 м и находился в пределах отметок от – 20 до – 22 абсолютных метров. Абсолютные отметки показывают (рис. 2:2),

что в этот период акватория Каспийского моря могла находиться в непосредственной близости от стоянки Байбек [Антимонов, 2014, С. 18].

В дальнейшем палеоландшафт степного Поволжья можно охарактеризовать по материалам Астраханской области. Преобладала пыльца трав и кустарничков, среди которых доминировали полынные и маревые. В это время содержание пыльцы широколиственных деревьев возрастает с 18–22%, преобладает пыльца дуба и липы, так же увеличивается количество пыльцы тёмнохвойных деревьев (от 15 до 40%), что свидетельствует об улучшении термических условий [Болиховская, 1990, С. 60].

Если обратиться к материалам слоя 2Б Варфоломеевской стоянки, то можно отметить переход от марево-полынной полупустыни к полынно-злаковой степи в северных регионах [Юдин, 2004, С. 7]. Возможно изменение климата связано с окончанием жиландинской регрессии и началом гоусанской трансгрессии Каспия. Ученые считают, что этот процесс происходил в районе второй четверти V тыс. до н.э. Переход к первому периоду с оптимальной температурой и влажностью, по данным палеогеографов, начался 6500 л.н. и закончился примерно 6200 л.н. [Спиридонова, 1991, С. 201], после чего наступила кратковременная аридизация. Это отражается в результатах спорово-пыльцевого анализа культурного слоя стоянки Каиршак VI.

В этот период происходило потепление климата, о чем свидетельствуют пыльца полыней и маревых, находящихся в близком соотношении (около 25%) [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998, С. 53]. Около 6300 л.н. уменьшение влажности фиксируется в Приазовье [Котова, 2002, С. 42] и в Подонье [Спиридонова, 1991, С. 200].

Рассматривая результаты реконструкции палеогеографического фона Нижнего Поволжья в период 8000–6000 л.н., становятся заметны изменения функционирования неолитических памятников региона. В интервале 7800–7500 л.н. при сложившихся благоприятных условиях, функционируют наиболее древние неолитические памятники типа Кугат IV, Кулагайси, Каиршак III.

Но в период 7500–7200 л.н. резкая аридизация и похолодание ухудшают климатическую ситуацию в степном Поволжье. В Северном Прикаспии, где условия были наиболее неблагоприятны, в это время памятники неолита фактически отсутствуют.

Природно-климатическая ситуация улучшается лишь к концу VI тыс. до н.э. В финале VI – начале V тыс. до н.э. в степном Поволжье резко увеличивается количество стоянок неолитического времени: в Северном Прикаспии – Каиршак I, II, IV, Тентексор (вторая четверть V тыс. до н.э.) в Северо-Западном Прикаспии это Джангар, а в нижнем Поволжье - нижний, 2Б слои Варфоломеевской стоянки и Алгай.

Вновь полученные данные по материалам стоянки Алгай фиксируют еще один важный момент в развитии природной обстановки интересующего региона. Для комплексов нижнего уровня залегания находок радиоуглеродные даты относятся к 7200–6400 ВР, а для верхнего от 5900 ВР. Примечательно, что в Северном Прикаспии поздние памятники тентексорского типа датируются 6400 ВР. Иначе говоря, вполне допустимо предположение об отсутствии неолитических комплексов в период 6300–6100 лет ВР в силу аридизации климата.

ГЛАВА II. ИСТОЧНИКИ ПО НЕОЛИТУ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ И МЕТОДИКА ИХ ОБРАБОТКИ

2.1. Опорные памятники нижневолжского неолита

Неолитические памятники степного Поволжья объединяются в каиршакско-тентексорскую и джангаро-варфоломеевскую культуры в рамках нижневолжской культурно-исторической области [Выборнов, 1990. С. 19]. Схема развития нижневолжского неолита представляется так: на левом берегу степного Поволжья представлена каиршакско-тентексорская культура, прошедшая три этапа в своем развитии.

Первый этап выделяется по комплексам стоянок Кугат IV и Кулагайси, имеющих в орудийном наборе пережитки мезолитического времени [Васильев, Выборнов, 1988; Козин, Комаров, 1989. С. 7–18; Горащук, 2007]. Стоянка Кугат IV расположена в песчаной котловине хана урочища Кугат, в 60–70 км к северо-востоку от п. Аксарайского Красноярского района Астраханской области. Культурный слой стоянки не сохранился, но каменные артефакты и посуда тесно залежали в дефляционной котловине [Козин, Комаров, 1989. С. 7]. Керамика представлена всего 21 фрагментом от четырех сосудов (рис. 5:11–14). В глиняном тесте обнаружена примесь толченой раковины и растительных остатков. Сосуды прямостенны и округлодонны. Орнамент разрежен и нанесен в технике прочерка или овального накола.

Более информативен кремневый комплекс, насчитывающий около 180 экз. В качестве сырья использовался высококачественный кремень различных оттенков (серый полупрозрачный, темно-серый прозрачный, светло-серый

матовый), 6% каменных находок изготовлены из кварцита. Предметы со вторичной обработкой составляют 49% коллекции. Расщепление кремня производилось на стоянке, об этом свидетельствуют 11 экз. аморфных кусков, 2 экз. первичных сколов и 1 нуклеус карандашевидной формы. Каменный комплекс отличается ярко выраженной пластинчатостью (78%). Среди изделий без вторичной обработки, большую часть составляют пластины и сечения – 61 экз., они имеют примерно одинаковые значения длины и ширины, что свидетельствует в пользу однородности памятника.

В изделиях со вторичной обработкой доминируют вкладыши (рис. 6:1). Наибольшую группу представляют сегменты, представленные 16 экз. и имеющими низкие, вытянутые размеры (рис. 3:1–15). Двухсторонне обработанные сегменты преобладают над односторонне обработанными. Следующей по численности группой являются симметричные трапеции, они представлены 4 экз. (рис. 3:19,20) и параллелограммы – 4 экз. (рис. 3:16,17). Скребки составляют еще одну категорию орудий, она насчитывает 22 экз. и в основном представлена скребками концевого типа, в меньшем количестве, представлены дублированные и стрельчатые скребки (рис. 4:1–14). Ножевидные пластины с ретушью насчитывают 25 экз., в основном они обработаны мелкой краевой ретушью, реже крупной, пологой с бруска. На стоянке обнаружены проколки – 3 экз., нож – 1 экз., резец – 1 экз., а также двусторонне обработанное орудие. Оно отличается от основного комплекса стоянки наличием люстража, что может говорить о продолжительном пребывании на поверхности [Выборнов, 2008. С. 18]. Из кварцита найдено 2 отщепы, 3 неретушированные пластины, скребок, а так же 2 вкладыша: один сегментовидной формы, другой трапецевидной.

Местонахождение Кулагайси-южное обнаружено в 30 км к северо-востоку от станции Сероглазово Астраханской области. Культурный слой памятника не сохранился, обнаружены фрагменты одного сосуда и более полсотни каменных изделий. Они залегали компактной группой в дефляционной котловине бархана [Козин, Комаров, 1989. С. 12]. Найденный сосуд имел округлое дно и отогнутый

венчик (рис. 5:10), в тесте глины была обнаружена примесь измельченной раковины и растительности, сосуд украшен горизонтальным меандром.

В качестве сырья использовался матовый и прозрачный серый кремнь, единичны находки темно-желтого кремня. Каменная коллекция составляет 51 экз., из них половина со вторичной обработкой, к ним относятся пластины и сечения с ретушью – 15 экз., два сегмента (рис. 4:16), 4 параллелограмма (рис. 4:17-19), а так же 4 скребка (рис. 4:21-23), резец и скребло (рис. 4:24,25). Коллекции Кугата IV и Кулагайси в сравнении с другими памятниками региона немногочисленны, но типологически они являются древнейшими среди неолитических.

В пользу культурно-хронологической близости памятников Кугат IV и Кулагайси свидетельствует техника первичного раскалывания, степень сходства орудийного комплекса – большое количество геометрических микролитов, высокий уровень пластинчатости (Кугат IV – 78%, Кулагайси – 80%), схожесть основных категорий орудий, а также технологических приемов в производстве посуды, примесь в глиняном тесте и способ лепки [Козин, Комаров, 1989. С.7].

Ряд черт отличает каиршакский каменный инвентарь от материалов стоянок Кугат IV и Кулагайси. Первое отличие - это высокая степень пластинчатости каменного комплекса стоянок типа Кугат. Второе различие выражено в микролитоидном характере пластин. Третье - это обработка пластин мелкой крутой ретушью со спинки. Четвертое отличие заключается в большом проценте геометрических микролитов в составе каменного инвентаря; в-пятых, наличие параллелограммов; в - шестых, присутствие микрорезцов и пластин с косоретушным концом [Выборнов, 1990. С.19].

Для выяснения несоответствия кремневого инвентаря раннеолитических памятников Кугат IV и Кулагайси и каиршакских памятников развитого этапа необходимо выявить их хронологические различия. Поскольку памятники находятся на одной территории, локальные различия невозможны. Архаизм кремневого комплекса стоянки Кугат IV дает основания предположить наличие в комплексе позднемезолитических реминисценций [Выборнов, 1990. С. 19].

В кремневом комплексе стоянок Кугат и Кулагайси наглядно прослеживается влияние жекалганской и истайской культурных традиций [Козин, Комаров, 1989. С. 13–15]. Этим объясняется ряд признаков в каменном комплексе стоянок Кугат IV и Кулагайси, присущих как жеколганской, так и истайской мезолитической группе [Выборнов, 1990. С. 21].

И.Н. Наумов выражает сомнения в раннеолитическом возрасте Кугат IV и Кулагайси, так как кремневый инвентарь стоянок не архаичнее, чем более поздние комплексы стоянки Каиршак III и Тубузгухудук I, однако из приведенных выше данных мы видим, что кремль Кугата IV и Кулагайси архаичнее каиршакского комплекса. Архаичный кремль памятников типа Кугат IV и Кулагайси, а так же небольшое количество керамики может свидетельствовать о том, что, возможно, памятники самой ранней фазы относятся к керамическому мезолиту. Но, исходя из советского и российского определения понятия неолит, где основным фактором является появление керамики, мы рассматриваем их как ранний неолит.

Средний (развитой) этап данной культуры в Северном Прикаспии представлен памятниками каиршакского типа [Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 18; Выборнов, Козин, 1988. С. 81].

Стоянка Каиршак III находится в урочище Каиршак Красноярского района Астраханской области. Площадь раскопа 436 м², а культурный слой составляет 0,5 м. Он залегал в дефляционной котловине под полтораметровой толщиной эоловых отложений в виде линз и был закреплен растительностью. Две линзы интерпретированы исследователями как остатки жилищ полуземляночного типа [Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 20–23].

На памятнике получена представительная коллекция артефактов. Керамика представлена 1510 фрагментами приблизительно от двухсот сосудов (рис. 7-14). Венчиков найдено 279 экз., орнаментированных стенок 306 экз., неорнаментированных стенок 859 экз., днищ 66 экз. Средняя толщина сосудов составляет 1 см [Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 23].

Неолитические сосуды Северного Прикаспия изготавливались из озерного ила, в котором присутствует естественная примесь раковин моллюсков [Васильева, 1999. С. 18–45]. Керамика стоянки Каиршак III на 98% состоит из илов, что свидетельствует о ее однородности. По форме сосуды распределены на две группы с двумя вариантами каждая: профилированные (слабо и сильно); баночные (открытые и закрытые) (рис. 7-14). Сосуды баночной формы по количеству в три раза превосходят профилированные. Для сосудов стоянки Каиршак III характерен плоский – 105 экз. и округлый – 104 экз. срез венчика.

Судя по имеющимся в коллекции днищам (66 экз.), все сосуды плоскодонные (рис. 8:10; 11:7,8). На некоторых днищах встречен поддон – в пяти случаях радиальный, а в одном кольцевой. Орнаментом украшено 60% коллекции, им покрывалась, в основном, верхняя часть сосудов, лишь у 11 сосудов зафиксирована орнаментация придонной части (рис. 11:7,8). Для украшения сосудов, использовалась техника прочерчивания острой палочкой, техника единичного накола и техника отступающего накола. Прочерченным орнаментом украшено 17 сосудов (14%), одиночными наколами – 16 сосудов (13%), отступающим наколом – 2 сосуда (2%), сочетанием прочерченных линий и одиночных наколов украшено 86 сосудов (71%). Орнаментальные композиции на сосудах разнообразны и геометричны. Среди них есть как простые, так и сложные мотивы [Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 28]. К простым композициям можно отнести:

- 1) горизонтальные ряды прочерченных линий или одиночных наколов;
- 2) горизонтальные ряды прочерченных линий в сочетании с одиночными наколами;
- 3) косовертикальные ряды прочерченных линий;
- 4) косовертикальные ряды прочерченных линий в сочетании с одиночными наколами.

Сложными композициями можно считать:

5) горизонтальные ряды прочерченных линий в сочетании с вертикальными или косовертикальными рядами прочерченных линий, иногда с добавлением наколов;

6) горизонтальный зигзаг из прочерченных линий или одиночных наколов;

7) висячие треугольники и противоположащие треугольники;

8) ряды взаимопроникающих треугольников;

9) ромбовидные композиции;

10) меандр;

11) прямоугольные композиции.

Проведя планиграфический (рис. 24) и стратиграфический анализ керамики стоянки Каиршак III, мы можем увидеть сходство и различия керамики по линзам и жилищам стоянки [Барацков, 2013. С. 59–61].

Линза №1 имела размеры 2,8 м с севера на юг и 3 м по линии восток-запад, мощность линзы составляет 0,4 м. После выборки заполнения, состоящего из коричневатого-серого песка, насыщенного костями животных, керамикой и кремневыми изделиями, было обнаружено подовальное углубление в материке, заполненное черным углистым песком. В северо-восточной части котлована обнаружено пятно охристого цвета около полуметра в диаметре. При расчистке в нем были обнаружены кости от передней и задней ног кулана, лежащие в анатомическом порядке, кусок песчаника со следами охры, а так же кремневые изделия. Судя по размерам, наличию очажного пятна и крутизне стенок котлована, линзу можно интерпретировать как остатки котлована жилого сооружения [Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 20]. Керамика линзы 1 (рис. 10:3,4; 11:7) в целом соответствует общему комплексу стоянки. Сосуды украшены композициями: 1; 2; 4; 5; 7, присутствует и неорнаментированная керамика. Сосуды преимущественно баночной формы, но встречаются и горшковидные. Особенностью линзы является фрагмент ладьевидного сосуда, он единственный на стоянке, и в шифре не указан слой, поэтому мы не можем с уверенностью утверждать, что он принадлежал именно каиршакскому населению, а не появился на стоянке позже. Сосуды ладьевидной формы в небольшом количестве

встречаются на Варфоломеевской стоянке, что может свидетельствовать о контактах двух групп населения.

Линза 2 имела размеры 3 м с севера на юг и 1,6 м с востока на запад. На поверхности линзы фиксировались два пятна, имевших более темную окраску, еще одно углистое пятно было зафиксировано на уровне материка. Заполнение состояло из коричневатого-серого песка, насыщенного костями животных, фрагментами керамики и изделиями из кремня. Линза 2 не отличается от общего комплекса стоянки Каиршак III (рис. 8:6; 9:11). В данной линзе крайне небольшое количество материала и орнаментальные композиции представлены: 1; 2; 5; 8. Один фрагмент украшен овальными наколами по срезу венчика (рис. 8:6). Доминирует баночная форма сосудов.

Линза 3 имела размеры 8,3 м по линии север-юг и 6 м по линии восток-запад. Заполнение линзы: коричневатый-серый песок, насыщенный костями и мелкими угольками. В линзе зафиксирован крупный очаг, к юго-востоку от него находилось еще одно очажное пятно, вокруг них и зафиксировано большинство находок. Судя по размерам, наличию двух очажных пятен и развалов сосудов, линзу можно интерпретировать как остатки котлована жилища полуземляночного типа [Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 22]. Линза 3 является сооружением № 2. В ней найдено значительное количество керамики (рис. 8:3,14; 10:7,11,13), которую можно проследить по слоям и сравнить с линзой 4. В первом слое композиции представлены: 1; 2; 3; 4. Во втором слое присутствуют те же композиции, что и в первом, но добавляется сложная композиция 5. В третьем горизонте повторяются все орнаментальные композиции из 1 и 2 слоя, и добавляется еще одна сложная композиция 9. Как и в линзе 2, один фрагмент украшен овальными вдавлениями по срезу венчика (рис. 11:2). Большая часть сосудов баночной формы, но встречаются и горшковидные с отогнутым венчиком.

Линза 4, вероятнее всего, представляет собой остатки котлована жилища полуземляночного типа. Размер линзы – 9,4 м по линии север-юг и 3 м по линии восток-запад. В линзе обнаружен большой зольник – 4,3 м с севера на юг и 3 м с

востока на запад, мощность его достигает 0,3 м. Заполнение зольника: обожженные кости животных, керамические черепки, несколько развалов сосудов, кремневые изделия. Авторы публикации отмечают, что сооружение, остатки которого представлены линзой 4, предшествует сооружению 3. Возможно, после того как оно было покинуто, его котлован использовали как хозяйственную яму, в которую сбрасывали отходы: обгоревшие кости животных, золу из очагов, разбитые сосуды. В результате этого и образовался зольник.

В Линзе 4 выделены четыре насыщенных керамикой культурных горизонта (рис. 8:1,5,8; 9:5,9,10; 10:13,15; 11:5,6). Первый слой характеризуется следующими композициями: 1; 2; 3; 4; 5. Для второго горизонта типичны более сложные по сравнению с первым орнаментальные композиции: 1; 2; 3; 4; 5; 9. А третий отличается от первого и второго еще большим количеством сложных композиций: 1; 2; 3; 4; 5; 8; 11 и лучшей сохранностью керамики. В слое присутствуют хорошо сохранившиеся крупные фрагменты керамики, украшенные сложным орнаментом, который не встречается в 1 и 2 слое. В третьем горизонте жилища найдены два фрагмента от одного сосуда тентексорского типа, орнамент нанесен наколом, но композиция схожа с каиршакской (рис. 9:10; 11:5). Важно отметить, что в этой линзе, схожие фрагменты украшены практически идентичными орнаментальными композициями (рис. 9:7,8), выполненными в прочерчено-накольчатой технике. Это является еще одним доказательством единой каиршакско-тентексорской культуры.

Слой 4 мало отличается от 3-его. Орнаментальные композиции встречаются как простые, так и сложные: 1; 2; 3; 5; 9, два фрагмента украшены вдавлениями по срезу венчика, сосуды крупные и богато украшены орнаментом (рис. 8:1,5). Пятый горизонт фактически отсутствует, но в квадрате 105 был найден сосуд украшенный висячими треугольниками. Он тонкостенный и прочнее керамики стоянки Каиршак III, орнамент нанесен неровным прочерком. Вероятнее всего, данный сосуд найден в яме, сделанной населением, пришедшим на территорию стоянки в более позднее время. Доминирует баночная форма сосудов, но найден и горшковидный фрагмент с отогнутым венчиком.

Линза 5 имела размер 2,7 м по линии север-юг и 3,7 м по линии восток-запад. На дне котлована обнаружены остатки очага в виде линзы коричнево-черного песка. Остатков посуды в линзе 5 найдено немного (рис. 9:12; 11:4), поэтому по керамической составляющей нет возможности выделять в ней культурные горизонты. Орнаментальных композиций немного: 1; 2; 4; 5. Вся керамика линзы баночной формы и не отличается от материала предыдущих линз.

Линза 6 вытянута с юго-запада на северо-восток на 4,5 м, а ее ширина составляет 1,6 м. Линза заполнена углистым, коричневатом-черным песком, и располагает крайне небольшим количеством материала (рис. 9:1,9). Орнаментальные композиции: 1; 2; 3; 5 практически не отличаются от линзы 5, доминируют сосуды баночной формы.

Линза 7 имела размеры 2,7 м по линии север-юг и 2,3 м по линии восток-запад. На глубине 0,45 м была обнаружена линза углисто-черного песка. Она самая маленькая по количеству керамики и орнаментальных композиций на ней: 1; 2; 5 (рис. 10:1; 11:11,12). Однако внутри ее, в квадрате 28, в верхнем слое памятника были обнаружены три фрагмента керамики от одного сосуда (рис. 11:11,12). Они отличаются от каиршакских и более сходны с тентексорскими. Но в отличие от последних, представленных на собственно стоянке Тентексор и более раннем комплексе этого типа стоянке – Качкарстау, они тоньше и прочнее последних. Прослеживается биконичность, присущая каиршакской, а не тентексорской керамике. Овальные наколы в отступающей манере более мелкие и нанесены поверхностно, а не так глубоко, как на тентексорской посуде. Можно предположить, что эти фрагменты принадлежат более позднему, чем основной каиршакский комплекс, – раннему тентексорскому типу. Они выглядят более ранними, чем фрагменты стоянки Тентексор III, которые датируются – 7005±90BP [Выборнов, 2008, С 239]. Подтверждают данную гипотезу и кости из соседнего с линзой 7 квадрата 32. Они отличаются от остальных костей стоянки Каиршак III гораздо лучшей сохранностью, на них видны следы подлощенности и обработки, все они из второго слоя. Кости из других квадратов сохранились гораздо хуже, они пористые и рыхлые. Видимо, данные фрагменты керамики и кости появились

на памятнике уже после того, как каиршакское население покинуло его [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 201].

Стратиграфический анализ керамической коллекции выявил регресс в орнаментальных композициях стоянки Каиршак III. Судя по анализам материалов, в более древнем четвертом и третьем слое, керамика украшена более сложными и многообразными орнаментальными композициями, что гораздо реже встречается в первом и втором слое. Можно предположить, что население, заселившее стоянку Каиршак III, принесло с собой сложные орнаментальные композиции, которые по прошествии лет стали забываться. Особенно это заметно при сравнении с материалами стоянки Каиршак I, на которой отсутствуют сосуды с ребром и сложные орнаментальные композиции, зато появляются трапеции со струганной спинкой – более поздний признак [Барацков, 2013. С. 58–61].

Находки из камня насчитывают 4475 единиц изделий из кремня. В качестве сырья использовался непрозрачный матовый кремень серого цвета, а так же светлый и темный полупрозрачный кремень (рис. 21; 22; 23). Продукты первичного скалывания составляют 1,7% всей коллекции, 19% составляют осколки, аморфные куски и чешуйки. Данное соотношение продуктов первичного и вторичного скалывания объясняется, вероятнее всего, поступлением на памятник сырья уже в обработанном виде, со снятой желвачной коркой. Нуклеусов найдено 7 экз. (рис. 15:1,2; 16): конических 3, плоских 2, карандашевидных 1, призматических 1 экз.

Процентное соотношение среди изделий без вторичной обработки: пластины – 32,5%, отщепы – 22,2%. Различные типы скребков составляют 31% (1390 экз.) коллекции (рис. 18; 19; 20). В основном они изготавливались на дистальных – 566 экз. и проксимальных – 329 экз. пластинах, реже на аморфных – 189 экз. и пластинчатых – 170 экз. отщепах. По форме скребки делятся на три основных типа: с округлым (рис. 15:14–15; 18:7–12); прямым (рис. 15:5–7; 19:1–3); скошенным рабочим краем (рис. 15:13,16; 18:17–22). У части скребков боковые грани имеют вторичную обработку со стороны спинки и бруска. Следует выделить группу с «фасонным» оформлением рабочего края. К ним

относится 4 экз. с «мордочкой», 20 экз. «стрельчатых» скребков (рис. 15:8), 6 экз. скребков со «шпорой» (рис. 15:3), 18 экз. с «жальцем» (рис. 15:4; 19:33–37), 12 скребков с «рыльцем», 2 с выделенным основанием (рис. 15:17) и 6 «веерных» скребков (рис. 15:9,11,12; 19:41–43).

Вторую по численности группу орудий составляют геометрические микролиты, они представлены сегментами, трапециями, и треугольниками (рис. 22; 23) [Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 40]. К сегментам отнесено 50 изделий (рис. 15:21–24; 22; 23), достоверно можно выделить 41 сегмент, еще 9 являются обломками. Большую часть составляют сегменты с двухсторонней обработкой дуги – 43 экз., односторонне обработанных сегментов – 7 экз.

К трапециям отнесено 6 изделий (рис. 15:25,26,28), но они не образуют устойчивой серии и выделены весьма условно [Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 40]. Треугольники представлены двумя высокими – симметричными (рис. 15:27) и одним низким – ассиметричным.

Неолитическая стоянка Байбек является четвертым памятником с сохранившимся культурным слоем в Северном Прикаспии. Следует отметить, что культурный слой хорошей сохранности залегает в ямах с материалом и под барханом большой мощности. Это еще одна гарантия качества памятника и научной новизны информации. В слое и ямах обнаружены скопления и развалы керамических сосудов, часть из которых подлежит восстановлению. И.Н. Васильевой был проведен технико-технологический анализ сосудов. На ряде фрагментов содержится нагар или копоть, что позволило провести радиоуглеродный анализ, в том числе и на AMS. Это дало возможность определить абсолютный возраст данного памятника. В культурном слое найдено большое количество хорошо сохранившихся костей животных. Палеозоологический анализ, проведенный П.А. Косинцевым способствует определению видового состава фаунистических останков. А это позволяет реконструировать характерные и особенные черты хозяйственной деятельности обитателей стоянки. Открытием явилось обнаружение костей рыб, что придает уникальность данному памятнику. Представлены орудия труда из кости и

украшения из раковин. Часть отлично сохранившихся костей была подвергнута радиоуглеродному датированию. Это позволило перепроверить даты по нагару и керамике.

Памятник был открыт в 2008 г. на песчаных массивах в 11 км к северу от пос. Байбек Красноярского района Астраханской области, расположенного на р. Кигач [Гречкина, Кутуков. 2009. С. 166; Гречкина, Выборнов и др. 2014.]. На песчаной поверхности, густо усыпанной детритами, были собраны 534 экземпляра каменных изделий: скребков, сегментов, проколов, резцов, пластин и микропластин (с ретушью и без), отщепов, чешуек, сколов подправки нуклеусов. Керамический комплекс представлен 128 фрагментами посуды. Большая часть сосудов была орнаментирована сочетанием прочерченных линий, наколов, вдавлений, реже встречались неорнаментированные черепки [Гречкина, Кутуков. 2009. С. 21].

В 2013 г. на стоянке Байбек был заложен раскоп площадью 368 м² в который вошла вся зона распространения подъемного материала, располагающаяся в северо-восточной части этой котловины. С севера, запада и востока в раскоп вошли небольшие участки оснований барханов, с юга вошла часть понижения, на которой редко, но ещё продолжал фиксироваться подъемный материал (Рис. 25). Площадь раскопа вскрывалась по метровым квадратам, на глубину от 3 до 6 см, с просеиванием отложений с каждого квадрата. Дневная поверхность раскопа по всей площади была перекрыта рыхлым желтым песком с ракушками, костями, кремневыми изделиями – разрушенным верхним уровнем культурного слоя мощностью 5-10 см.

Поскольку кремневый и керамический материал, полученный из верхнего разрушенного уровня культурного слоя (рыхлый желтый песок с ракушками) и культурного слоя 1 (плотный темно-серый песок), а также из описанных выше объектов, типологически не отличается, характеристика ему будет дана суммарно. Планиграфический анализ распространения материала показал, что наибольшая концентрация расщепленного кремня в среднем от 25 до 75 ед. приходится на северную половину раскопа. Наибольшее количество материала было

сосредоточено полосой, вытянутой с севера на юг по квадратам 34, 35, 50, 66, 67, 82, 98, 115, 130, 131, 133. Распределение фрагментов посуды по площади памятника позволяет выделить несколько условных зон её скопления. Северо-западная зона частично соответствует вышеуказанному скоплению кремня и располагается в кв. 67, 81, 82, 99, 115, 130, 131, 133. Вторая (северная) небольшая зона скопления керамики зафиксирована у северной границы раскопа в кв. 8, 9, 10, 25, 27, 44. Третья (западная) зона располагается у западного борта раскопа с центром в кв. 112 (83 ед. фрагментов) и в кв. 128 (88 ед.). Последняя, четвертая зона (центральная) площадью всего в 4 м² располагается в кв. 135, 136, 151, 152. Первоначальный видовой состав животных определен П.А. Косинцевым и включает в себя: кулана (11 особей), сайгу (1 особь), благородного оленя (1 особь), волка (1 особь), лисицу (1 особь) и корсака (1 особь) [Гречкина, Выборнов, Кутуков. 2014. С. 80]. Кости рыб принадлежат сазану, щуке, сому, окуню. В верхнем, разрушенном уровне культурного слоя стоянки обнаружена 31 бусина. Помимо археологического материала, в культурном слое были выявлены отдельные объекты: кострища, зольники, зольные пятна и ямы (Рис. 25).

В северной части раскопа были зафиксированы зольные пятна. Самое крупное, площадью 14 м², уходило под северо-западный угол раскопа. В нескольких метрах на восток от него ещё одно пятно площадью около 5 м² уходило под северный борт раскопа. Кроме этого, зафиксированы небольшие пятна площадью до 0,5 – 0,3 м² и глубиной 5 – 6 см. Материалы из зольных заполнений ничем не отличались от артефактов, обнаруженных на площади стоянки Байбек. На стыке кв. 77, 78, 93, 94 были обнаружены остатки кострища №1. Оно имело овальную форму и было вытянуто с северо-востока на юго-запад (55x20 см), мощность заполнения составляла до 14 см. В песке со значительной примесью золы обнаружено 1350 фрагментов костей и зубов животных. 77% костей были кальцинированы. Определимые фрагменты костей принадлежали четырем особям кулана (здесь и далее – определения П.А. Косинцева). В кострище обнаружено два позвонка рыбы, один принадлежал сому (здесь и далее – определение Е. Яниш). В заполнении было обнаружено около 40 фрагментов

керамики, предположительно, от одного сосуда. Кремневые изделия в заполнении кострища представлены двумя скребками и 17-ю мелкими отщепами и чешуйками. Орудия из кости представлены костяной проколкой. Ее поверхность тщательно зашлифована, рабочий край заострен и имеет следы заполированности. Длина изделия 8 см, диаметр основания около 1,4 см.

В северо-западной части культурного слоя, на стыке кв. 34, 35, 50, 51 исследован зольник №1, который имел округлую форму (70x70 см) и мощность заполнения 12 см. Как и кострище №1, он был насыщен костями животных (около 1300 фрагментов), но кальцинированных фрагментов было всего 11 экз. Было обнаружено всего 5 фрагментов керамики и 84 экз. кремневых изделий. Орудия представлены: сегментом с гелуанской ретушью, поперечным скребком со скошенным лезвием, обломком скребка. Остальные изделия представлены мелкими отщепами, фрагментами пластин и микропластин (8 экз.), а также 68 отщепами и чешуйками.

Зольник №2, находился в кв. 134, 135, 150, 151. По размеру он значительно превосходил предыдущие объекты (190x150 см), и его мощность составляла 25 – 30 см. Из 117 фрагментов костей и зубов животных кальцинированные составляют единицы, костей рыб насчитывается 222 фрагмента. Кости животных, в основном, принадлежали кулану (16 особей), сайге (1 особь) и благородному оленю (1 особь). В зольнике №2 обнаружены кости домашней собаки (определение Е. Яниш) и рыбы. Видовой состав рыб разнообразен и включает в себя стерлядь, сазана, судака, сома, леща, щуку и окуня, что предполагает доступность для рыбаков, как закрытых (озера), так и проточных водоемов (реки). Протокой, вероятнее всего, была р. Кигач, русло которой в настоящее время располагается в 10 км на юг от стоянки, а судя по пойме, в древности оно было значительно ближе. Нельзя исключать и более близкого размещения Каспия, северная прибрежная часть которого была опреснена [Гречкина, Выборнов, Кутуков. 2014]. В зольнике №2 обнаружено 655 экз. кремневых изделий и отходов расщепления кремня. Орудия представлены скребками на пластинах – 10 экз. и отщепе – 1 экз., тремя сегментами с гелуанской ретушью, пластинами с ретушью

– 4 экз. и без – 75 экз. Отщепы составляют – 212 экз., а отходы производства – 350 экз. Помимо кремневых орудий, в зольнике №2 обнаружены 4 орудия, изготовленные из кости животных, среди которых наиболее выразительным является костяная проколка и два фрагмента изделий из кости неизвестного назначения. Керамика представлена 68 фрагментами от 6 сосудов. Помимо кострищ и двух зольников, на площади культурного слоя обнаружено и исследовано три ямы.

Яма №1 располагалась у восточного борта раскопа в кв. 80, 95, 96, 111, 112, 128. В раскоп вошла лишь западная часть ямы. Диаметр расчищенной части составляет около 4 м, а глубина около 60 см (Рис. 25). На поверхности ямы был обнаружен развал крупного сосуда и 10 позвонков щуки, расположенных в анатомическом порядке, а также фрагменты костей животных [Гречкина, Выборнов, Кутуков. 2014. С. 81]. В заполнении ямы было обнаружено более 1500 фрагментов костей и зубов животных, а так же обломок рога. Видовой состав останков животных в яме крайне многочисленный и разнообразный: кулан (31 особь), сайга, благородный олень, кабан, волк, лисица, заяц и собака – по одной особи [Гречкина, Выборнов, Кутуков. 2014. С. 81]. Керамика представлена всего 30 фрагментами. Они украшены разнообразными орнаментальными композициями, которые отличаются манерой нанесения. На одних фрагментах наколы и прочерченные линии нанесены четко и создают правильные геометрические фигуры (треугольники, квадраты, прямоугольники). На других фрагментах линии нанесены небрежно, то соединяясь, то разъединяясь, горизонтальные линии наколов превращаются в аморфные волны (Рис. 36: 1, 5, 7, 8, 9). Возможно, это зависело от опыта и мастерства изготовителей. Кремневый инвентарь ямы №1 составляет 179 экз., из которых: скребки – 28 экз. (округлые – 10 экз., скошенные – 6 экз., плоские – 1 экз.), сегменты с гелуанской ретушью – 3 экз., скобель на пластине – 1 экз., сколы с ретушью – 11 экз., отщепы с ретушью – 5 экз. Обнаружено – 42 экз. пластин без ретуши и 72 экз. отщепов и чешуек.

Яма №2 располагалась в северо-восточном углу раскопа (кв. 30, 31). Диаметр ямы составляет около 1 м, а глубина до 65 см. Заполнение ямы

содержало 730 костей и зубов животных, которые принадлежали кулану (4 особи) и сайге (2 особи). Кости рыбы (24шт.) принадлежали севрюге и сазану. Керамика представлена 75 черепками приблизительно от 5 горшков (Рис. 36:9,10,11). 30 фрагментов были собраны в сосуд баночной формы с плоским дном (Рис. 36:8). Сосуд имеет высоту 35 см, диаметр венчика 31 см, диаметр донца 9 см. Толщина стенок около 0,6-0,7 см. Сосуд изготовлен из озерного ила, и заглажен с обеих сторон. С внутренней стороны по венчику нанесены косые насечки. Верхняя часть сосуда орнаментирована «свисающими» треугольниками, образованными четырьмя параллельными друг другу прочерченными линиями между которыми проходят два ряда наколов (Рис. 42). На другом фрагменте сосуда обнаружен орнамент другого рода: под прямым венчиком нанесены округлые наколы, выстраивающиеся в горизонтальную линию. Под горизонтальной линией располагаются треугольники, образованные крупными округлыми наколами, расположенными не только по контуру треугольника, но и по всей его площади (Рис. 36:9). Помимо орнамента на фрагменте фиксируется четыре ремонтных отверстия, сделанных с внутренней стороны (Рис. 40). Кремневые изделия представлены 131 экз. Среди орудий (42 экз.) преобладают скребки (35 экз.), сегменты с двухсторонней ретушью (2 экз.) (Рис. 32:29-30), скобели (2 экз.), резец и проколка (Рис. 32:25). В заполнении обнаружены неретушированные пластины (20 экз.), отщепы (5 экз.) чешуйки и осколки, (50 экз.). Единичным экземпляром представлена бусина из раковины моллюска.

Яма №3 располагалась в северо-восточном углу раскопа на стыке кв. 15, 16, 31, 32. Её диаметр составлял около 1 метра, а глубина порядка 40 см. В яме обнаружено около 70 костей животных, 40 % были обожжены. Керамика представлена всего 2 черепками, а кремневые изделия 8 экз. К орудиям относится всего 1 изделие – сегмент с гелуанской ретушью.

Планиграфический анализ расположения артефактов по площади культурного слоя 1 показал, что большая часть находок, за исключением обнаруженных в объектах, залегала в северной части раскопа. Кремневый инвентарь сконцентрирован в двух зонах. Первая располагается в северо-

западном углу раскопа рядом с зольником 1, вторая – в северо-восточном углу, вокруг ям №2 и №3.

Керамика стоянки представлена плоскодонными сосудами баночной формы (190 экз., из которых 134 – в верхней части слоя). По форме посуда делится на прямостенную; с прикрытым устьем; слегка профилированную; сильно профилированную (единичны). Горшки стоянки Байбек изготовлены из ила с естественной примесью раковин моллюсков, как и посуда каиршакского типа, которая, по мнению исследователей, является одной из древнейших в Восточной Европе [Васильева, Выборнов, Зайцева, 2012; Vybornov, Vasilyeva, 2013]. Однако есть признаки, которые отличают байбекскую керамику от сосудов стоянок Каиршак III и Каиршак I. Так на байбекской посуде срез венчика часто украшен наколами или насечками (9%). Высок процент биконических сосудов (9%) которые находят аналогии в материалах стоянки Каиршак III, но отсутствуют в материалах Каиршака I. Это может объясняться усовершенствованием технологии лепки сосудов и еще раз доказывать промежуточный характер стоянки Байбек относительно стоянок Каиршак III и I.

Орнаментальные композиции сосудов выполнены прямыми прочерченными линиями и овальными наколами (рис. 35:1,2,5,8,9–15), единичные фрагменты украшены гребенкой. Композиции состоят из:

- 1) горизонтальных рядов прочерченных линий или одиночных наколов (рис. 35: 2, 9);
- 2) горизонтальных рядов прочерченных линий в сочетании с одиночными наколами (рис. 37: 5, 19);
- 3) косовертикальных рядов прочерченных линий (рис. 37: 18);
- 4) косовертикальных рядов прочерченных линий в сочетании с одиночными наколами (рис. 37: 13);
- 5) висячих треугольников и противоположащих треугольников (рис. 36:1,8; 35:9);
- 6) линий образующих косую решетку (рис. 36: 10);
- 7) горизонтальных зигзагов (рис. 35: 12,13);

8) меандров (рис. 35:8; 36:3).

Композиция в виде меандра, более характерная для тентексорского типа посуды, встречена и на стоянке Байбек (рис. 36:3). Ряд признаков байбекской керамики присущ и стоянкам каиршакского типа, которые располагаются севернее стоянки Байбек. В пользу однородности слоя свидетельствует то, что на большинстве сосудов, обнаруженных в культурном слое, сохранился нагар, отпечатавшийся на песке под черепками. Таким образом, раннеолитическая стоянка Байбек является третьим неолитическим памятником с сохранившимся культурным слоем в Северном Прикаспии [Гречкина, Выборнов, Кутуков. 2014. С. 82].

Каменный инвентарь – примерно 6700 экз. (без учета объектов) изготовлен из кремня различных оттенков: полупрозрачного темно-серого и светло-серого цвета; непрозрачного светлого желто-серого и светло-серого. По цветовой гамме он практически идентичен кремню стоянки Каиршак III. Иногда кремневые изделия имеют следы пребывания в огне. Помимо изделий из кремня, встречаются единичные изделия из белого кварцита с темно-серыми прожилками и светлого желто-серого мелкозернистого песчаника-галечника. Нуклеус найден всего один. От общего количества каменных изделий орудия составляют 21%. Они изготовлены преимущественно на пластинчатых заготовках и отщепах. Основные типы орудий представлены скребками, резцами, пластинами с ретушью, скобелями, проколками, сегментами.

Самый многочисленный тип орудий среди материала собранного в верхнем слое представлен скребками – 730 экз. (рис. 28:1–88; 31:27–88; 33:1), которые делятся на типы: скребки на фрагментах пластин; поперечные на проксимальных фрагментах – 219 экз.; с округлым лезвием – 67 экз.; с прямым лезвием – 21 экз.; со скошенным лезвием – 90 экз.; стрельчатые – 6 экз.; с рыльцем – 14 экз.; совмещенные лезвия (от двух до трех) – 14 экз.; скребки-скобель – 7 экз. Скребки на медиальных фрагментах – 242 экз.: с округлым лезвием – 141 экз.; с прямым лезвием – 29 экз.; со скошенным лезвием – 39 экз.; с рыльцем – 13 экз.; совмещенные лезвия – 8 экз.; противоположащие лезвия – 5 экз.; круговые скребки –

1 экз.; скребки-скобель – 6 экз. Скребки на дистальных фрагментах – 19 экз.: с округлым лезвием – 4 экз.; с прямым лезвием – 4 экз.; со скошенным лезвием – 3 экз.; с рыльцем – 3 экз. Скребки на отщепах – 86 экз.: с округлым лезвием – 25 экз.; с прямым лезвием без дополнительной подработки – 4 экз.; со шпорой – 16 экз.; с рыльцем – 7 экз.; совмещенные лезвия (прилежащие) – 4 экз.; противоположные лезвия – 1 экз.; круговые скребки – 1 экз.; скребки-скобель – 3 экз. Скребки поперечные на реберчатых пластинах – 9 экз. и скребок на сколе – 1 экз.

Если сравнивать скребки Байбека с каиршакскими комплексами, мы увидим почти полное совпадение. Преобладают орудия с подокруглым оформлением рабочего края, а так же с прямым и скошенным оформлением рабочего края [Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 31]. Схожи и приемы оформления боковых граней. Но, по мнению И.В. Горашука, есть и различия в приемах оформления: на Каиршаке III обнаружена небольшая серия скребков с выделенным основанием, на Байбеке картина противоположная – отсутствуют орудия с выделенным основанием, но присутствует прием резцового скола характерный для групп мезолитического населения [Горашук, 2007. С. 132–151]. Таким образом, по способу изготовления, оформления рабочих частей, а так же по следам функционального износа скребки стоянок развитого неолита – Каиршака III и Байбека – несомненно представляют собой единство в культурном плане.

Следующая группа орудий представлена геометрическими микролитами – 6% от орудий (рис. 33:2-3). На Байбеке в раскопе 2013 гг. присутствуют только сегменты – 90 экз. В основном они с двусторонней обработкой дуги (гелуанской ретушью) – 58 экз. (65%) (рис. 29:2–17; 31:14–16). Односторонней ретушью обработаны 32 сегмента (35%) (рис. 26:57,59; 27:70–72). Следует отметить сходный характер разрушения сегментов, а так же схожие размеры – от низких до средневысоких форм сегментов, что сближает памятники Байбек и Каиршак III.

Перфораторы представлены: острями, проколками, сверлами – 48 экз. (рис. 27:78–81). Так же, как и на Каиршаке, остря Байбека не имеют типичной

обработки, они не сформированы ретушью, но несут следы утилизации [Горашук, Гречкина. 2009].

Скобели – 30 экз. (рис. 31:1,2,17,21,26) изготовлены преимущественно на пластинчатых заготовках. Выемки неглубокие, обработанные мелкой ретушью. Расположение их на рабочих краях пластинок различное. Иногда это две смежные выемки на одном крае или две выемки на противоположащих краях, имеются и одиночные выемки на продольном крае.

Резцы – 11 экз. (рис. 27:23,24) не составляют устойчивой серии и изготовлены на различных заготовках – отщепах, фрагментах пластинок, осколках и представлены двумя типами: угловые и срединные.

В 2014 г. была сделана прирезка 4x10 м² к восточному борту раскопа 2013 г. Она полностью захватывала яму №1, диаметр которой более 4 м и глубина до 60 см (Рис. 25). В северной части прирезки в культурном слое, перекрытом барханом, была обнаружена трапеция высокой формы, более схожая с трапециями памятника Каиршак I, нежели с низкими трапециями стоянки Каиршак III, что подтверждает близкое время существования памятников Каиршак I и Байбек. Однако, в комплексе стоянки Каиршак I присутствуют трапеции со струганой спинкой, что свидетельствует о более позднем возрасте данного памятника по сравнению с Байбеком. Это еще раз подтверждает преемственность памятников внутри каиршакской группы.

В 2014 г. в квадрате 32 было найдено деревообрабатывающее орудие долотовидного типа. Это объясняет столь значительное количество костей рыб на стоянке Байбек. Видимо, население стоянки изготавливало небольшие лодки или, вероятнее всего, плоты, так как крупных деревьев по результатам спорово-пыльцевого анализа выявлено не было. На стоянках Каиршак III и Каиршак I деревообрабатывающие изделия отсутствуют, так же как и кости рыб.

В целом же кремневый материал нового неолитического памятника каменного века степного Поволжья стоянки Байбек - характеризуется пластинчатой техникой расщепления. Заготовками для изготовления орудий преимущественно служили пластины и их фрагменты. Особенностью кремневой

коллекции является тот факт, что, несмотря на обилие кремнёвых изделий, нуклеус представлен единственным экземпляром. Тем не менее, на интенсивность процесса расщепления кремня на стоянке указывает наличие большого количества продуктов дебитажа, а также наличие сколов подправки ударных площадок нуклеусов, в основном это реберчатые пластины и наличие первичных отщепов. Что касается кремневых орудий, то они находят ряд аналогий в материалах памятников каиршакской группы: ведущим типом орудий являются скребки различных типов, которые составляют более 50% от общего количества орудий на стоянке. Второе место по количеству занимают геометрические микролиты, среди которых преобладают сегменты с гелуанской ретушью. Кроме того, комплекс стоянки Байбек с каиршакскими материалами сближает наличие симметричных острий и слабо выраженную технику резцового скола.

Еще одним памятником, относящимся к этой группе, является стоянка Каиршак I исследованная Прикаспийской экспедицией КГПИ в 1986 г. Она располагалась в 25-30 км к северо-востоку от пос. Аксарайский Красноярского района Астраханской области. Ветровая эрозия уничтожила культурный слой памятника, но находки компактно залежали на дне и склонах глубокого дефляционного котлована на площади около 600 м² [Выборнов, Козин, 1988. С. 101].

Всего было собрано около 450 фрагментов керамики, из которых 22 плоских днища, около 20 венчиков с орнаментом и 17 без узоров, 62 черепка украшены орнаментом и более 330 неорнаментированные. Толщина сосудов варьирует от 0.7 см до 1.4 см с преобладанием на 1 см.

По фрагментам венчиков можно определить, что посуда принадлежала двум группам: прямостенные и со слегка прикрытым устьем. Почти все срезы венчиков округлые, в редких случаях – плоские. Вся керамика плоскодонная, в тесте глины обнаружена дробленая раковина и растительная примесь. Сосуды украшались прочерченными линиями и прочерком с дополнением редких наколов. Орнамент геометричен, чаще всего наносился по верхней части сосуда (рис. 44:1,2,3,5; 45:4). Наиболее распространенные композиции (рис. 44; 45):

- 1) горизонтальные ряды наклонно поставленных прочерченных линий;
- 2) горизонтальные ряды прочерченных линий;
- 3) чередующиеся с наклонно поставленными наколами;
- 4) заштрихованные треугольники из прочерченных линий;
- 5) свисающие треугольники из прочерченных линий, обрамленные наколами;
- 6) треугольники, заполненные редкими наколами;
- 7) горизонтальные ряды редко поставленных вертикальных наколов.

По технико-типологическим признакам керамическая коллекция Каиршак I представляет собой единую группу [Выборнов, Козин, 1988. С. 101]. Подтверждается это ограниченностью способов нанесения орнамента, сочетанием прочерков и наколов на одном сосуде, а так же единообразием орнаментальных композиций.

На стоянке было найдено 2198 единиц кремня, доминирует серый матовый кремень (рис. 47; 48). Кроме него представлено не только черное, но и светлое прозрачное сырье. Кремень кололи прямо на стоянке, об этом свидетельствуют находки 12 первичных, 31 вторичных сколов с нуклеуса, а так же 329 осколков и чешуек. Нуклеусов обнаружено всего 3, дисковидный, плоский и конический (рис. 46:1,2). Изделия со вторичной обработкой среди находок составляют 38% (рис. 46:1–29). Пластины являлись основным типом заготовок для орудий – 46%, которые вместе с пластинчатыми отщепами (18%) составляют 64% коллекции. Среди орудий наибольшая группа – скребки на пластинах – 286 экз., пластинчатых отщепах – 142 экз. и отщепах – 97 экз. (рис. 46:3–16). У части скребков боковые грани имеют вторичную обработку со спинки и брюшка (рис. 46:4,5,). На Каиршаке I, как и на Каиршаке III выделяется группа с «фасонным» оформлением рабочего края. К ней относятся скребки с «мордочкой», «стрельчатые» (рис. 46:13,15), со «шпорой» (рис. 46:6), с «жальцем» (рис. 46:14), с «рыльцем» (рис. 46:12), а так же «веерные» скребки (рис. 46:16).

Второе место по численности занимают геометрические микролиты (рис. 47:1). Они представлены: сегментами – 23 экз. (рис. 46:17–20), трапециями – 4 экз.

(рис. 46:21,22) и треугольником (рис. 46:24). Стоит отметить, что найдена одна трапеция с намечающимся подстругиванием спинки. Этот признак характерен для более позднего времени (рис. 46:21; 47:2). По цветовой гамме сегменты Каиршак I представлены (рис. 47): матовые – 48,3%; светлые прозрачные – 34,5%; черные прозрачные – 17,2%; скребки: матовые – 66,1%; светлые – 28,4%; черные прозрачные – 5,6%; отщепы: матовые – 84,7%; светлые прозрачные – 13%; черные прозрачные – 2,3%; пластины матовые – 80,6%; светлые прозрачные – 19,1%; черные прозрачные – 0,3% [Барацков, 2011. С. 21].

Кроме того, комплекс включает резцы – 18 экз., острия – 12 экз., скобели – 4 экз. (рис. 46:26–29). Единство кремневой коллекции подтверждается графиком размера пластин. Орудия на пластинах, отщепах и пластинчатых отщепах близки друг другу по длине и ширине. Все категории и типы орудий изготавливались как из матового, так и из прозрачного сырья, что, также, свидетельствует в пользу однородности материалов [Выборнов, Козин, 1988. С.96].

Что касается материалов стоянки Каиршак I, то на основании типологического анализа допускался их более поздний возраст по сравнению с комплексом Каиршак III [Выборнов, 2008]. Это противоречит предположению А.В. Вискалина о том, что по ряду типологических признаков материалы стоянки Каиршак I более ранние, чем Каиршак III, на которой обнаружена посуда профилированной и биконической форм [Вискалин, 2010. С. 166]. Однако, необходимо констатировать, что на елшанских памятниках ранняя посуда характеризуется именно такими признаками. Еще одним доказательством позднего возраста стоянки Каиршак I является трапеция со струганой спинкой, характерная для более позднего времени [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 201]. Радиоуглеродные датировки подтверждают более древний возраст стоянки Каиршак III (7775±42 ВР, 7700±100 ВР) по сравнению с Каиршаком I (7180±90 ВР, 7100±200 ВР). Архаичный возраст стоянки Каиршак III доказывает распространенная посуда биконической формы. На неолитической стоянке каиршакского типа Байбек – количество сложных биконических сосудов уменьшается, а в материалах стоянки Каиршак I они отсутствуют. Вероятнее

всего подобную тенденцию можно объяснить тем, что накопленный опыт позволял производить посуду целиком, не используя два фрагмента сосуда. Орнаментальные композиции подвержены той же тенденции: от сложных геометричных орнаментов на более ранней стоянке Каиршак III, к постепенному упрощению на более поздней стоянке Каиршак I [Барацков, 2013].

А.В. Вискалин ставит под сомнение гипотезу А.А. Выборнова и П.М. Кольцова о формировании неолитических культур на местной мезолитической основе [Вискалин, 2010. С. 166]. Автор отмечал, что формальное сходство материалов позднемезолитических и ранне-неолитических памятников еще не доказывают их родство. Расположение стоянок каиршакской и джангарской культур на дюнах и вблизи озер, активно посещавшихся как неолитическим, так и мезолитическим населением, не исключает механическую примесь мезолитических изделий, придающую ранне-неолитическим комплексам каменных артефактов архаичный облик [Вискалин, 2010. С. 166]. В таком случае, если теория А.В. Вискалина о смешанном характере стоянок Каиршак I и III верна, то геометрические микролиты являются мезолитической примесью. При разрешении данного вопроса следует обратиться и к материалам неолитической стоянки Байбек. Здесь обнаружены материковые ямы, содержащие различные артефакты. Среди них представлены керамика каиршакского типа и кремневые орудия, в том числе геометрические микролиты [Гречкина, Выборнов, Кутуков, 2014]. Таким образом, это является еще одним доказательством, что геометрические микролиты не являются мезолитической примесью, а составляют единый комплекс с неолитической посудой. Также исследователи отмечали, что истайские мезолитические памятники располагаются на вершине барханов [Горашук, 2007. С. 7]. Что касается неолитических стоянок, то они находятся, в основном, у берегов водоемов, то есть в низине. Такое расселение вызвано различными вариантами ведения хозяйства. Из-за различного расположения стоянок возможность смешения разновременных комплексов маловероятна. Неолитические поселения не накладываются в топографическом смысле на памятники мезолита. Это снижает возможность присутствия на них

мезолитической примеси [Барацков, 2011. С. 22]. Предположение А.В. Вискалина о смешанном характере каиршакских стоянок с мезолитом при тщательной проработке коллекций по типам сырья не находит подтверждения [Барацков, 2011. С. 23]. Начиная с эпохи мезолита, встречаются различные типы сырья. Причем черный прозрачный сорт в эпоху мезолита представлен весьма ограниченно. В раннем неолите его также немного. Процент черного прозрачного кремня на стоянке Кугат IV: микролиты-3,6%; скребки-8,7%; неретушированные пластины-2,5%. На стоянке Кулагайси его нет совсем. На каиршакском этапе он обнаружен даже в большем количестве, чем в материалах мезолита. По материалам стоянки Каиршак III проведена соответствующая сортировка орудий из темного прозрачного кремня: сегменты – 23,4%; скребки – 3,9%; пластины ретушированные – 47,6%; пластины неретушированные – 3,8%. В комплексе стоянки Каиршак I орудия из черного прозрачного кремня представлены: сегменты – 17,2%; скребки – 5,6%; отщепы – 2,3%; пластины – 0,3%. Из приведенных данных можно сделать вывод об увеличении доли темного прозрачного кремня по сравнению с мезолитом и ранним неолитом. Судя по данным стоянки Жеколган, использование темного прозрачного сорта кремня в позднем неолите возрастает: трапеции – 41,7%; скребки – 42,9%; пластины неретушированные – 33,4% [Барацков, 2011б]. Это свидетельствует не о мезолитической примеси, а скорее об использовании в это время как минимум трех сортов кремня. Черный прозрачный кремнь продолжает существовать и в эпоху энеолита. Но предполагать мезолитический или неолитический возраст артефактов из черного прозрачного кремня нет веских оснований. На Каиршаке I и III не представлены такие мезолитические типы орудий как наконечники стрел, пластины со скошенным концом, резцы. Это еще одно доказательство того, что мезолитической примеси на данных памятниках нет. На стоянках Каиршак I и III типы орудий из серого матового, светлого и черного прозрачного идентичны, а, значит, это не может быть остатками мезолитического слоя. На стоянке Каиршак I присутствуют микроскребки и ногтевидные скребки, которые отсутствуют в мезолитических памятниках [Барацков, 2011. С. 23]. Метрические данные

коллекций не свидетельствуют о мезолитической примеси. Материалы, полученные со стоянки Байбек, также отрицают теорию о том, что геометрические микролиты это мезолитическая примесь. Таким образом, нет веских оснований предполагать смешанный характер стоянок Каиршак I и III и считать геометрические микролиты мезолитической примесью.

Поздний этап каиршакско-тентексорской культуры Северного Прикаспия представлен стоянками Тентексор, Жекалган I, Качкарстау и малочисленными фрагментами посуды в районе станции Досанг [Дубягин, Чиркизов, Чуринов, Васильев, Выборнов, 1982. С. 96].

Стоянка Тентексор расположена в дефляционной котловине, в 70 км к северо-востоку от станции Досанг Красноярского района Астраханской области. В 1981 и 1984 гг. стоянка была исследована раскопом в 276 м², который показал, что культурный слой сохранился в понижениях искусственного происхождения: хозяйственных ямах, очагах и котлованах жилищ [Васильев, Выборнов, Козин, 1986. С. 6–7]. На памятнике сохранились остатки трех жилищ, одно из которых, вероятно, было двухкамерным. В одной из камер был обнаружен очаг сложной формы. Схожие жилища с несколькими камерами и сложные очаги известны на Варфоломеевской стоянке, где в силу природных условий они сохранились лучше. Очень важно, что каких-либо нарушений культурного слоя не прослеживается. Однако следует отметить один котлован, служивший сначала хозяйственной ямой, но по прошествии некоторого времени стал использоваться как жилище. Судя по наличию прослойки, не содержащей находок, котлован использовался с перерывом. Во время этого перерыва и образовалась песчаная прослойка, на которой и было сооружено жилище [Васильев, Выборнов, Козин, 1986. С. 6–7].

На памятнике обнаружено 1027 фрагментов керамики, они принадлежат приблизительно 140 сосудам (рис. 49–54). Изготавливались они из слабозапесоченного ила, в тесте глины обнаружена примесь толченой раковины и растительных остатков [Васильева, 1999. С. 75–95]. Керамика делится на два типа: профилированные сосуды горшковидной формы, для них характерен

округлый срез венчика, отогнутый наружу. Второй тип это непрофилированные сосуды баночной формы, с преобладанием округлого среза венчика. Плоский срез по венчику характерен для обоих типов посуды. Три сосуда украшены наплывом на внутренней стороне венчика, они относятся ко второму типу. Также встречено несколько чашевидных сосудов с округлым дном. Судя по найденным днищам (71 экз.), все сосуды плоскодонные (рис. 49:1; 54). В среднем толщина керамики колеблется от 0,9 до 1,2 мм. За исключением 4 неорнаментированных сосудов, вся керамика украшена наколом. На 77% сосудов орнамент нанесен в технике отступающего накола (рис. 50), 7% украшены глубокими, редко поставленными отпечатками тупой палочки, на 6% орнамент состоит из сочетания насечек, 4% украшены отпечатками раковины. Орнамент в основном покрывает верхнюю половину сосудов (рис. 51–53). Наколы, образующие орнамент, разделяются на три вида: наиболее распространенный – сделанный палочкой с овальным концом (29 экз.); вторую группу образуют наколы нанесенные палочкой с плоским прямоугольным концом (20 экз.), реже встречаются наколы подтреугольной формы (4 экз.).

Орнаментальные композиции на посуде Тентексора геометричны и сложны, как и на посуде каиршакского типа. Выделяются следующие типы:

- 1) вертикальные или наклонные наколы, разделенные горизонтальными линиями;
- 2) елочка;
- 3) сочетание горизонтальных рядов ямок с горизонтальными и наклонными рядами наколов;
- 4) горизонтальный зигзаг в сочетании с горизонтальными линиями и одиночными наколами;

Сложные:

- 5) меандры;
- 6) прямоугольники;
- 7) треугольники;
- 8) паркетный орнамент;

9) единичные сосуды, сочетающие несколько сложных композиций.

Судя по таким технико-типологическим признакам как: примесь в тесте, срезы венчиков, форма днищ, техника нанесения орнамента и орнаментальные композиции – керамика стоянки Тентексор представляет собой единый комплекс без инокультурных включений.

В отличие от керамики, каменные изделия крайне немногочисленны и представлены всего 67 предметами, из которых 61% имеет вторичную обработку. Следует отметить почти полное отсутствие отходов производства кремня, которые представлены всего пятью отщепами. Найден один нуклеидный осколок. Все это может свидетельствовать или о скудной сырьевой базе или об изготовлении орудий труда за пределами стоянки. Большая часть находок из матового кремня серого цвета, аналогичного каиршакскому, исключение составляют два кварцитовых скребка, трапеция и сверло медового цвета. Пластины и отщепы представлены на стоянке в равном количестве.

Скребки составляют наиболее многочисленную группу – 28% (17 экз.) (рис. 55:1–8; 56:1). В основном они представлены концевыми типами, но встречаются и стрельчатые и с «мордочкой» и округлые, как и на стоянках каиршакского типа. Также найден один полифункциональный скребок-сверло.

Следующая по численности группа представлена остриями – 11,5% (7 экз.) (рис. 55:11–14; 56:2), которые делятся на 2 типа: на массивных пластинах – 4 экз. и на продольных сколах – 3 экз. У обоих типов орудий боковые грани подработаны крутой, регулярной ретушью. Сверла представлены тремя экземплярами – 5% коллекции, заготовками для производства которых служили продольные сколы.

В коллекции выделяются два наконечника стрел. Они изготовлены на широких пластинах, боковые грани обработаны регулярной, пологой ретушью, а их основания обработаны крутой ретушью. Наибольший интерес представляет обломок каменной булавы, сделанный из белого камня кристаллической структуры диаметром 5 см. Кроме того, обнаружено 4 трапеции со струганой

спинкой (рис. 55:9,10; 56:3). Трапеции такого типа не обнаружены на более ранних памятниках.

Стоянка Жеколган I расположена в 90 км к северо-востоку от станции Досанг Красноярского района Астраханской области [Козин, 1987. С. 62]. Культурный слой памятника был исследован на площади 48 м². На стоянке получена представительная коллекция каменных изделий из 400 экз. Подавляющая часть изготовлена из кремня, а 11,5% из кварцита. Около четверти коллекции выполнено из темного прозрачного кремня. Орудийный комплекс составляет 25% от коллекции. Наибольшую по численности группу составляют скребки на пластинах и отщепах (45 экз.) (рис. 57:7–13; 58:2). По форме рабочего края они делятся на скребки: с округлым лезвием (19 экз.), прямым рабочим лезвием (14 экз.) скошенным краем (10 экз.) и стрельчатой формы (2 экз.). Геометрические микролиты составляют вторую по численности группу. Они представлены трапециями со струганой спинкой (рис. 57:14,15; 58:1). Из 15 экз. всего одна трапеция не подработана по спинке пологой состругивающей ретушью. Обнаружено всего 3 сверла. На памятнике большинство пластин без ретуши (44 экз.). Ретушированных пластин всего 6 экз.

Керамика стоянки Жеколган I по технико-типологическим характеристикам в определенной мере повторяет материалы стоянки Тентексор (рис. 57:1–6). На памятнике обнаружено около 60 фрагментов керамики приблизительно от 7 сосудов. Все сосуды плоскодонные. Венчики двух сосудов по срезу украшены насечками. Следует отметить, что на стоянке Жеколган I обнаружен сосуд с наплывом на внутренней стороне венчика (рис. 57:4). На керамике стоянки Тентексор в редких случаях также прослеживается небольшой наплыв на внутренней стороне венчика. И в более развитой форме такие наплывы встречаются на Варфоломеевской стоянке и поселении Джангар. Сосуды с наплывом на стоянках Жеколган I и Джангар (верхний слой) украшены зубчатым штампом.

Из-за ограниченной источниковой базы различные этапы развития культуры в неолите Северного Прикаспия прослеживаются неравномерно. В данном регионе,

недостаточно комплексов по которым можно проследить переход от одного этапа к другому. Тем не менее, на территории Северного Прикаспия были исследованы небольшие, но крайне интересные комплексы. Они могут претендовать на более раннюю хронологическую позицию, чем материалы стоянок Тентексор и Жеколган I. Одним из таких памятников является стоянка Качкарстау, расположенная в урочище истай Красноярского района Астраханской области, к востоку от станции Досанг. Культурный слой памятника полностью разрушен эоловой эрозией. Однако обнаруженные на поверхности артефакты располагались на ограниченной площади и какой-либо планиграфической локализации кремневых изделий от фрагментов керамики не прослеживалось [Выборнов, Горашук, 2008. С. 88].

На стоянке Качкарстау обнаружены 17 фрагментов керамики светло-коричневого цвета, изготовленных из илистого сырья с примесью раковины. Загладка внутренним штампом на посуде не отмечена. Судя по венчикам и стенкам посуды, выделяется около 10 прямостенных сосудов. В основном срезы венчиков плоские, реже (3 экз.) – округлые. У четырех горшков они орнаментированы насечками (рис. 59:1,3,5), а у одного по срезу нанесены пальцевые вдавления. Примечателен венчик с напылом на внутренней стороне сосуда. Орнамент в отступающей манере наносился крупными наколами подпрямоугольной или овальной формы, резными линиями, аморфными ямочными вдавлениями. Несмотря на небольшое количество материала на стоянке, можно отметить ряд моментов. Столь обильная примесь раковины в большей степени характерна для тентексорской посуды. Насечки и пальцевые вдавления по срезам, а также наличие напылов у венчиков сближает фрагменты стоянки Качкарстау с позднелеолитическими. Крупные наколы в отступающей манере характерны именно для тентексорских комплексов. Таким образом, керамический набор стоянки Качкарстау можно сближать с позднелеолитическими. Однако кремневый инвентарь представляется более архаичным, чем тентексорский. Иначе говоря, вышеописанная коллекция может свидетельствовать о существовании на данной территории памятников более ранних, чем Тентексор и Жеколган. Датировки, полученные в Киевской радиоуглеродной лаборатории под руководством

Н.Н. Ковалюха, подтверждают данное предположение: Тентексор I – 6660±80 ВР, а для Качкарстау – 6730±80 ВР.

Коллекция каменных изделий на памятнике насчитывает 140 экземпляров. Сырье неоднородно. Использовалось около 5 сортов камня, два из которых являются преобладающими: непрозрачный белесый кремний и полупрозрачный кремний различных оттенков от серого до синеватого. Подобное сырье характерно для памятников каиршакского типа [Выборнов, Козин, 1988. С. 106]. Аморфных сколов, осколков и чешуек обнаружено 54 единицы – 39% коллекции. Первичных и вторичных 12 экз. – 9%. Две эти категории свидетельствуют о том, что расщепление происходило на стоянке. Из оставшихся 74 изделий (52%), 8 отщепов. Из 37 артефактов, имеющих вторичную обработку и ретушь утилизации (типологических орудий), 25 изготовлены из пластин и пластинчатых сколов, что составляет почти 70%. Все 32 пластины без обработки представлены сечениями: 15 из них – проксимальные, 10 – медиальные и 7– дистальные. В комплексе данной стоянки не найдены нуклеусы, что видимо не случайно. На памятнике отмечена традиция раскалывания истощенных ядрищ, с целью их утилизации [Выборнов, Горащук, 2008. С. 90].

Типологическая характеристика комплекса выглядит следующим образом. Наиболее многочисленной группой орудий являются скребки – 12% (17 экз.) (рис. 60:1–10), изготовлены они на продольных и пластинчатых сколах, пластинчатых отщепах. Преобладают орудия с подокруглым оформлением рабочего края – 9 экз. Четыре скребка со скошенным лезвием, два экземпляра имеют прямое оформление рабочего края и один – стрельчатый. На пяти скребках присутствует ретушь по одной или обеим сторонам.

Скобели представлены выемчатыми пластинами и отщепами, пластинами с крупной притупляющей ретушью по продольным сторонам (рис. 61:7,9–13), на стоянке обнаружен скобель на скребковом лезвии. Резчики представлены 5 экз. и изготовлены из крупных проксимальных сечений ножевидных пластин. [Выборнов, Горащук, 2008. С. 90].

Сверла представлены двумя экземплярами. Они предназначались для сверления дерева, изготовлены на пластинах (рис. 61:4–5). К перфораторам можно отнести крупную развертку для камня, изготовленную из отщепа (Рис. 61:14). На стоянке также обнаружены: трапеции со струганой спинкой (рис. 60: 11) и обломок сегмента.

Анализ орудийного комплекса стоянки Качкарстау позволяет сделать ряд выводов. Несмотря на неоднородность каменного сырья, изделия производят впечатление единого комплекса. Данные виды кремня не характерны для артефактов мезолитического времени. Это дает основания относить их к неолитическому времени. Характер заготовок каменных орудий позволяет сделать следующие выводы: наличие крупных пластинчатых сколов сближает данную коллекцию с материалами тентексорского типа; прием получения крупных пластин ударом еще не полностью сформирован, что еще раз указывает на более архаичную технологию, чем тентексорская; наличие стандартных пластин меньших размеров наводят на аналогии с орудиями каиршакского типа. Однако на стоянках этого периода отсутствует прием получения пластин ударом, который характерен для материалов стоянки Качкарстау. Следовательно, технология изготовления орудий на стоянке носит промежуточный характер [Выборнов, Горащук, 2008. С. 92]. Наличие в данной коллекции техники резцового скола с одной стороны отличает ее от тентексорской, с другой – сближает с каиршакской, особенно выраженной в материалах стоянки Каиршак I [Выборнов, Козин, С. 97]. Техника ретуширования продольных граней скребков в подавляющем большинстве присуща тентексорской традиции, и в меньшей степени проявляется среди орудий каиршакского типа. Таким образом, по данным показателям, материалы стоянки Качкарстау проявляют переходные черты между каиршакскими и тентексорскими комплексами [Выборнов, Горащук, 2008. С. 93]. Присутствие в коллекции стоянки Качкарстау обломков геометрических микролитов: трапеции со струганной спинкой (рис. 60:11), аналогичной тентексорским, а так же сегмента и высокой трапеции, типичной для каиршакских материалов также подтверждают связующий характер этого памятника. Такое же

сочетание микролитов – сегменты и трапеции со струганой спинкой отмечены А.И. Юдиным в слое 2Б Варфоломеевской стоянки, материалы которого более ранние, чем тентексорские [Юдин, 2004.]. Иначе говоря, вышеописанная коллекция может свидетельствовать о существовании на данной территории памятников более ранних, чем Тентексор и Жекалган. Датировки, полученные в Киевской радиоуглеродной лаборатории под руководством Н.Н. Ковалюха, подтверждают данное предположение: Тентексор I – 6660 ± 80 ВР, а для Качкарстау – 6730 ± 80 ВР. Хронологический интервал между памятниками каиршаковского и тентексорского типов заполняет не только стоянка Качкарстау – 6730 ± 80 ВР, но и стоянка Байбек в Северном Прикаспии – 6955 ± 80 ВР, что свидетельствует в пользу единой каиршаково-тентексорской культуры.

Ранний этап джангаро-варфоломеевской неолитической культуры представляет памятник типа Тубузгухудук I, который в 1984 г. исследовался П.М. Кольцовым [Кольцов, 1989. С. 89–104; 1990. С. 27–50]. Стоянка находилась в Яшкульском районе (Безымянская котловина) Калмыкии. Культурный слой памятника залегал под мощными песчаными наносами. Глубина слоя не превышала 20 см и была выбрана с площади 24 м^2 . На изученном участке найдены остатки овального очага размерами 0,5 на 0,4 м. Находки представлены черепками, кремневыми орудиями и фаунистическими остатками плохой сохранности [Кольцов, 1990. С 28].

Найдено 86 фрагментов посуды, которые принадлежат 28 сосудам (рис. 62:1–8). Производство керамики осуществлялось ленточным способом, а в тесте глины отмечена примесь органики и песка. По форме сосуды распределяются на две группы: прямостенные (рис. 62:1–5) и с прикрытым устьем (рис. 62:6). Срезы венчиков прямые, скошенные внутрь, округлые. Большая часть посуды плоскодонная (рис. 62:7), но встречаются и остродонные сосуды (рис. 62:8). Керамика украшена наколами треугольной или овальной формы. Орнаментальные композиции представлены простыми сочетаниями прямых линий, зигзагов, треугольников. Сосуды стоянки Тубузгухудук I находят аналогии в материалах

нижнего слоя поселения Джангар, а так же в материалах кугатского типа [Васильев, Выборнов, 1988].

Каменные орудия стоянки в основном изготавливались из валунного и галечного кремня, реже из кварцита или обсидиана. Из 387 каменных находок четверть относится к орудиям. Нуклеус найден в единичном экземпляре (рис. 63:1). Ведущую роль орудий занимают скребки, они представлены различными видами: концевые, округлые, дублированные и стрелчатые (рис. 63:2–8). В меньшем объеме представлены ножи, резцы, проколки, острия, скобели, пластины с притуплённым краем или косоусеченным концом (рис. 63:9–19). Автор раскопок обращает внимание на архаичность последних изделий и сопоставляет их с мезолитическими и раннеолитическими памятниками Кавказа и Закавказья. Также на памятнике обнаружены ранние типы пластинчатых наконечников стрел. Геометрические микролиты представлены трапециями, сегментами и прямоугольниками (рис. 63:21,23,25.). Каменные изделия стоянки находят аналогии, как в позднем мезолите, так и в нижнем слое поселения Джангар, который относится к среднему этапу. Это позволяет датировать коллекцию стоянки Тубузгухудук I ранним неолитом [Юдин, 2006. С. 345; Кольцов. 2004].

Керамический и орудийный комплексы стоянки Тубузгухудук I, позволили установить раннеолитическое время существования для малочисленных коллекций кремневых орудий местонахождений Улан-Туг I, Ханата I, Обильное II, Ачикулак и Молодежное I. На последнем памятнике также обнаружена типологически ранняя керамика.

Ко второму (развитому) этапу джангаро-варфоломеевской культуры относятся материалы 3-его и 2-ого слоев поселения Джангар в Сарпинской низменности республики Калмыкии [Кольцов, 1988. С. 92], а также верхнего уровня 3-его (нижнего) слоя Варфоломеевской стоянки и нижнего уровня культурного слоя стоянки Алгай.

К позднему этапу отнесены материалы 1-ого (верхнего) слоя поселения Джангар и слоя 2Б Варфоломеевской стоянки, а также верхнего уровня

культурного слоя стоянки Алгай. Для более полного представления о комплексах Варфоломеевской стоянки, в работе будут рассмотрены слой 2А и верхний слой.

Поселение Джангар открыто П.М. Кольцовым в 1978 г. Стоянка расположена на склоне террасы, на берегу лимана, в 3 км к юго-востоку от пос. Джангар Октябрьского района республики Калмыкии. Площадь поселения составляет более 1000 м². Раскопом было вскрыто 226 м² культурного слоя стоянки. На одном из изученных участков стратиграфически выявлено 3 литологических слоя, в которых содержались каменные и керамические материалы [Кольцов, 1988. С. 92].

В плотном темно-коричневом суглинке залегал верхний (первый) культурный слой, чья толщина не превышала 20 см. Материал в слое залегал горизонтально, на одном уровне, обозначая древнюю дневную поверхность поселения. Подтверждает это и обнаруженные остатки жилища с очагом на дне.

Второй культурный слой залегал в белесом суглинке, стерильной прослойки между слоями нет, но в контактной зоне количество артефактов в 2–3 раза меньше [Кольцов, 2004. С. 54]. Он был вскрыт на площади 112 м², а толщина слоя доходила до 40 см. Он залегал под первым литологическим горизонтом и в нем как и в первом слое обнаружены очаги и хозяйственные ямы, расположенные на различных уровнях. Нижний (третий) слой аналогичной мощности был сконцентрирован в желтоватом суглинке. Жилища здесь имели овальную форму. Площадь первого жилища – 14 м². В нем находилось 3 очага и одна яма. Такое количество очагов свидетельствует об их поэтапном функционировании [Кольцов, 2004. С. 73]. Размеры второго сооружения 6 на 4 м, на дне которого зафиксированы два очага. В 3–ем слое так же обнаружены 2 бытовые ямы и 2 очага. Они располагаются выше, а следовательно, являются более поздними. Автор раскопок сопоставляет верхний слой поселения с поздним неолитом, а два нижних – со средним [Кольцов, 2004. С. 75].

В 3-ем слое представлено более 510 фрагментов керамики приблизительно от 30 сосудов (рис. 64:1–21). Она изготавливалась преимущественно из незапесоченных илов, появляется посуда сделанная из илистой глины [Васильева,

2009]. По форме посуда делится на прямостенные (11 экз.), закрытые (7 экз.) и слегка профилированные (3 экз.). Днища сосудов плоские. Стенки сосудов иногда подлощены, а их толщина варьируется от 0,4 до 1,2 см. По технике нанесения орнамента посуду можно разделить на 2 группы: 21 сосуд (70%) (рис. 66:1–15) украшен в технике накола, а 9 (30%) (рис. 64:16,20) – прочерченными линиями. Орнамент преимущественно расположен в верхней части сосуда, но иногда встречается и в придонной. Наиболее популярны композиции из прямых линий, зигзага, реже представлены геометрические фигуры. Кроме того, представлены композиции, сочетающие прочерки с наколами, которые схожи с керамикой каиршакского типа (рис. 64:16,20)

Во втором (среднем) культурном слое найдено 827 фрагментов приблизительно от 50 горшков (рис. 65:1–15). В данном слое сохраняются три основные группы форм сосудов, которые фиксируются и в нижнем слое. К ранее известным орнаментальным композициям, выполненным наколом и прочерком, добавляется струйчато-прочерченный орнамент (рис. 65:12–14). Нечасто встречается посуда, сочетающая в себе наколы и прочерки, тогда как в сероглазовской и орловской культурах накольчато-прочерченная техника составляет значительную часть коллекции.

В первом культурном слое поселения Джангар получено 940 фрагментов керамики. Посуда верхнего слоя по основным показателям сохраняет предыдущие технико-типологические характеристики (рис. 66:1–18). Но обнаруживаются и некоторые новации. Появляются сосуды с наплывом по внутренней стороне венчика (рис. 66:9). Надо отметить, что они выражены не так ярко, как на поздней орловской керамике. Помимо сосудов, украшенных накольчатым и прочерченным орнаментом, появляются немногочисленная (16 фрагментов) посуда с гребенчатым штампом (рис. 66:13). Орнаментальные композиции намного разнообразнее, чем на керамике в предыдущих слоях. Кроме обычных горизонтальных линий, зигзага и треугольников широкое распространение получают шеврон, сотовый орнамент, плетенка.

Основным сырьем для кремневых орудий на поселении Джангар служил кремнь темных и серых тонов. Доминировала пластинчатая техника расщепления. Орудийный комплекс микролитичен.

В нижнем слое обнаружено 1420 кремневых находок, 25 % из которых (356 экз.) относится к орудиям (рис. 67; 68; 69; 70). Большое количество дебитажа присуще стационарным стоянкам, при том обнаружено всего 3 нуклеуса (рис. 70:15–16). Основным материалом для изготовления орудий служил кремнь. Реже использовался цветной галечник (26 экз.), кварцит (8 экз.) и обсидиан (3 экз.). Орудийный комплекс разнообразен и включает в себя следующие орудия:

Скребки – 104 экз. (30%) (рис. 68:1–20), которые в основном представлены концевым типом, – 40 экз. Рабочий край чаще всего выпуклый – 27 экз. (рис. 68:1–4), реже прямой – 6 экз. (рис. 68:5,10,11) или скошенный – 7 экз. (рис. 68: 7–9). В слое обнаружено 15 округлых (рис. 68:18–20) и 19 круглых скребков (рис. 68:15–17). Интересна находка 11 ногтевидных скребков. Они не встречены на более ранней стоянке Каиршак III, зато в таком же количестве присутствуют на почти синхронной Джангару (6990±90 ВР) стоянке Каиршак I (7180±90 ВР).

Трапеции высокой и низкой формы представлены 21 экз. (около 6 %). Высокие трапеций – 14 экз. – делятся на микролиты с частично ретушированным верхним основанием – 6 экз. (рис. 69:12) и на трапеции, обработанные по боковым граням мелкой ретушью – 8 экз. (рис. 69:9–11). Низкие трапеции представлены – 7 экз. из них с частично ретушированным верхним основанием – 5 экз. (рис. 69:12,15), две трапеции по краям оформлены встречной или притупляющей ретушью (рис. 69:13–15).

Сегменты с лицевой и двусторонней ретушью – 12 экз. (3,3 %). Лицевой ретушью обработаны – 4 экз. (рис. 69: 1,2), а двусторонней по дуге лезвия (гелуанской) – 8 экз. (рис. 69:3–5).

Прямоугольных микролитов найдено всего – 4 экз. (1,2%) (рис. 69:16–18). По форме и технике изготовления они находят аналогии с орудиями стоянок Восточного Крыма [Мацкевой, 1977. С. 71].

Острия найдены в количестве – 37 экз. (10,4%) и делятся на три вида. С прямыми краями, сходящимися к центру – 32 экз. (рис. 69:19–25), клювовидные – 3 экз. (рис. 69: 29), косые – 2 экз. (рис. 69:26–27).

Ножи – 14 экз. (4 %) делятся на пластинчатые – 9 экз. (рис. 70:9–10), с обушком – 4 экз. (рис. 70:11–13) и 1 экз. с реберчатым обушком (рис. 70:14). Пластины с ретушью представлены 64 экз. (18 %) и все они фрагментированы. Пластины и отщепы с частичной ретушью составляют 41 экз. (11,5%).

Скребла – 12 экз. (3,4%), в основном изготовлены из кварцита. По форме они делятся на круглые и подквадратные (рис. 68:25–27). Стоит отметить, что по технике вторичной обработки они идентичны скреблам из верхних слоев поселения Джангар [Кольцов, 2005. С. 134].

Скобели – 12 экз. (3,4%), делятся на пластинки с одной – 8 экз. (рис. 70: 3–4), двумя и более выемками – 4 экз. (рис. 70:5–6).

Все наконечники стрел – 5 экз. (1,4%), обнаружены в виде обломков. Перо было оформлено мелкой ретушью, а черешковая часть выделялась с двух сторон почти вертикально (рис. 70:7–8). Примечательно, что наконечники стрел были найдены лишь во втором раскопе.

Пластины со скошенным концом представлены – 4 экз. (1,2%) (рис. 70:2).

Из костяных орудий наиболее выразительны: обломок острия, проколка и формовочный шпатель для керамики (рис. 68:28–30).

Во втором культурном слое поселения Джангар обнаружено около 1850 каменных изделий, из которых более трети составляют орудия (673 экз.). Столь малое, по сравнению с верхним слоем, количество артефактов связано с меньшей площадью раскопа. Как и в нижнем слое, основным способом вторичной обработки кремня, является полукрутая и пологая ретушь. В слое найдено 6 – экз. нуклеусов (рис. 71:1–3).

Среди орудий, как и в нижнем слое, доминируют скребки – 257 экз. (38%). Но в отличие от первого слоя они не так разнообразны. Концевые скребки представлены 112 экз., по форме рабочего края они делятся на скребки: с выпуклым лезвием – 98 экз. (рис. 71:4–6), с прямым лезвием – 3 экз. (рис. 71:7,8),

и со скошенным концом – 11 экз. (рис. 71:9). Так же в слое найдены: концевые микроскребки – 14 экз. (рис. 71:10–11), двойные скребки – 5 экз. (рис. 71:13–15), округлые скребки – 25 экз. (рис. 71:16–18), круглые скребки – 32 экз. (рис. 71:19,22,23), микроскребки – 14 экз. (рис. 71:20,21), скребки ногтевидные – 26 экз. (рис. 71:24,26), скребки боковые – 14 экз. (рис. 71:27–29).

Геометрические микролиты представлены 29 сегментами (4,3%). Из них полукрутой ретушью со спинки или брюшка обработаны 13 экз. (рис. 72:4–5), а один сегмент выбивается из коллекции: он низкий и имеет аналогии на каиршакских памятниках (рис. 72:7). Оставшиеся 12 экз. сегментов обработаны двусторонней ретушью – «гелуанской» (рис. 72:6).

Трапеции представлены 36 экз. (5,3%) высоких и низких форм, которые делятся на варианты: 1) высокие трапеции с вершиной обработанной ретушью (рис. 72:8); 2) высокие трапеции с ретушированным нижним основанием (рис. 72:9); 3) высокие трапеции, обработанные притупляющей ретушью по срезанным краям (рис. 72:10,12); 4) низкие трапеции с ретушированной вершиной. Вершина и боковые края микролита, обработаны мелкой полукрутой ретушью (рис. 72:15); 5) низкие трапеции по краям оформленные крутой ретушью (рис. 72:4); 6) трапеция-прямоугольник, по боковым граням обработана высокой полукрутой ретушью со спинки (рис. 72:13).

Острия в слое представлены 78 экз. (11%). По форме они крайне разнообразны: 1) острия ретушированные по одному краю с брюшка (рис. 72:22); 2) острия ретушированные по обоим краям (рис. 72:23); 3) с противоположной ретушью (рис. 72:21); 4) острия клювовидной формы (рис. 72:23); 5) острия со скошенным концом (рис. 72:27). 6) острия с треугольным рабочим концом (рис. 72:26). В слое также обнаружены проколки – 21 экз. (рис. 72:24) и сверла-проколки – 11 экз. (рис. 72:25).

Скобелей найдено всего 29 экз. (рис. 72:28–31). Скребла – 12 экз. выполнялись из кремня на отщепах и уплощенных кварцитовых камнях (рис. 72:1–3).

Ножи в основном пластинчатые (16 экз.) и 2 обушковых. Так же распространены ретушированные пластины различных видов 105 экз. (15,6%) (рис. 72:17,18). В слое найдены два экз. пластинок с выделенной головкой. Типологически они идентичны изделиям из 1-го слоя (рис. 72:28).

Обнаружено 12 резцов (рис. 72:33). Наконечники стрел представлены 4 экз. черешковой формы (рис. 72:34). От изделий 1-ого и 3-его слоя они отличаются тем, что перо не обработано регулярной ретушью.

В единственном экземпляре найден топор, изготовленный из мелкозернистой кварцитовой заготовки подтреугольной формы. Овальное лезвие подшлифовано с двух сторон. У орудия нет абсолютных аналогий, но, судя по технике вторичной обработки, оно относится к кругу южных культурных традиций [Кольцов, 2005. С. 119].

Состав орудий слоя 2 мало изменяется. Прямоугольники в этом слое отсутствуют, но появляются пластины с выделенной головкой – 2 экз.

В верхнем слое обнаружено 4800 находок из камня в основном галечного или валунного происхождения светлого и черного оттенков. В слое присутствуют изделия из кварцита (34 экз.) и обсидиана (6 экз.). Менее трети находок представлены орудиями – 1319 экз. (27,5 %). Нуклеусы представлены 12 экз. (рис. 73:1,2). В основном они кубовидные и призматические косоплощадочные. Заготовками для орудий служили пластинчатые сколы – 50% и отщепы – 50%.

Традиционно среди орудий преобладают скребки различных типов – 419 экз. (32 %). Концевые скребки (104 экз.) различаются по форме рабочего края: с овальным лезвием 69 экз. (рис. 73:6–10), со скошенным рабочим краем 21 экз. (рис. 73:14–16), с прямым лезвием 8 экз. (рис. 73:13), со стрельчатым лезвием 6 экз. (рис. 73:17–18). Круглые скребки представлены 98 экз. (рис. 73:33–35,37). Округлые скребки высокой и низкой формы, изготовлены на отщепах – 76 экз. (рис. 73:28–32). Круглые микроскребки высокой и низкой формы – 32 экз. Ногтевидные скребки – 54 экз. представлены высокими и низкими формами (рис. 73:38). Боковые скребки на отщепах – 26 экз. Концевые микроскребки на сечении

пластин – 21 экз. (рис. 73:19–23). Двойные скребки представлены –4 экз. (рис. 73:25–27). Скребки стрелчатой формы, изготовленные на отщепах 4 экз.

Геометрические микролиты представлены трапециями (50 экз.) и сегментами (43 экз.). Трапеции изготавливались в основном на пластинах и значительно реже на пластинчатых отщепах. По форме и обработке они поделены на разновидности:

высокие трапеции (14 экз.). Края орудия симметричны и обработаны пологой ретушью (рис. 74:10–12). Высокие трапеции с ретушированными верхними краями – 16 экз. (рис. 74:6–9). Высокая трапеция со струганной спинкой найдена в единственном экземпляре. Подобные изделия в нижних слоях не обнаружены;

низкие трапеции представлены 19 экз. (рис. 74:16–17). Автор раскопок предполагает, что данные трапеции могут быть переходными формами к трапециям со струганой спинкой, это имеет огромное значение для определения времени существования комплекса [Кольцов, 2005. С. 91].

Треугольники представлены в слое 4 экз. Один треугольник изготовлен на отщепе (рис. 74:20), а три других – на пластине, подобные изделия более характерны для мезолита и в неолите встречаются крайне редко.

Сегменты (43 экз.) изготавливались на обломках и сечениях пластин. В слое выделяются высокие формы (18 экз.) и сегменты средних размеров (25 экз.) из которых всего 4 экз. обработаны гелуанской ретушью (рис. 74:3). Это значительно меньше чем в предыдущих слоях.

Острия (128 экз.) изготавливались на пластинчатых заготовках и по характеру нанесения ретуши делятся на следующие типы: 1) острия с лицевой ретушью (32 экз.); 2) острия с ретушью по брюшку (42 экз.); 3) острия с противоположной ретушью 23 (экз.); 4) острия на микропластинах обработанные ретушью по одному краю с брюшка (12 экз.); 5) острия клювовидной формы (6 экз.); 6) скошенные острия представлены 13 экз. (рис. 75:1,2).

Проколки (57 экз.) изготовлены на пластинчатых отщепах и микропластинках (рис. 75:3–6,9). Сверла (31 экз.) производили из отщепов (рис. 75:7,8).

Скобели (46 экз.) изготавливались на всех видах заготовок и имели по одной (рис. 75:10–12) или несколько (рис. 75:13,14) выемок.

Наконечники стрел – 8 экз. из них 3 целых и 5 фрагментированных. Изготавливались они на пластинах и микропластинках. По форме они разделяются на треугольные, листовидные с двусторонней ретушью, черешковые с одной или двумя выемками (рис. 75:15–19).

Ножи (38 экз.) изготавливались на пластинах и пластинчатых отщепах (рис. 75:20–22). Резцы (24 экз.) делятся на угловые и боковые. В основном они изготовлены на пластинах (рис. 75:24–29) в единичном случае на отщепе (рис. 75:30). Скребла представлены в орудийном комплексе – 26 экз. (рис. 73:3–5).

В слое так же найдены 2 экз. топориков (рис. 75:31) и 3 экз. тесел. Интересны находки 2 экз. мотыговидных изделий (рис. 74:15), которые изготовлены из кварцита и имеют подтрапецевидную форму. По мнению А.А. Формозова, наличие на стоянке мотыг, может свидетельствовать о занятии земледелием [Формозов, 1965. С. 61]. Однако функции данных орудий не определены, а типологические характеристики не позволяют утверждать, что орудие использовалось как сельскохозяйственное. Климатические условия во времена неолита не способствовали появлению сельского хозяйства на данной территории. Можно предположить, что данные изделия предназначались для раскапывания хозяйственных ям.

Пластины с ретушью – 203 экз. (15%) имеют следующие параметры: длина от 1,3 до 2,3 см., а ширина от 0,5 до 1,2 см. (рис. 74:19–29). Пластины и отщепы с частичной ретушью – 222 экз. (рис. 74:29–34). Пластины с выделенной головкой – 4 экз. представлены обломками. Подобные изделия встречаются на стоянках Кавказа. Что касается территории Северного Прикаспия, то такие орудия обнаружены либо в не контекста залегания [Дубягин, Чикризов и др., 1982], либо в комплексах Хвалынской энеолитической культуры [Барынкин, Васильев, 1988].

П.М. Кольцов считает, что в орудийном комплексе всех трех культурно-хронологических горизонтов поселения Джангар, несмотря на количественные различия по слоям, принципиальных отличий нет [Кольцов, 2005. С. 145–147]. Во всех слоях памятника представлены призматические и конические нуклеусы. Основными орудиями являлись скребки различных типов, геометрические микролиты, сечения пластин с брюшковой ретушью, остря, резцы, наконечники стрел. Не смотря на это, кремневый технокомплекс подвержен общим хронологическим закономерностям развития неолитических памятников Нижнего Поволжья: происходит постепенное увеличение отщеповой техники – от 25% в нижнем слое до почти 51% в верхнем [Кольцов, 2005. С. 146–147]. Различия присутствуют в области вторичной обработки и типологии. В 1 и 2 слое поселения Джангар присутствуют орудия, которых нет в 3-ем слое. К ним относятся наконечники с боковой выемкой, остря, оформленные по одному краю, пластинки с выделенной ретушью головкой. Первый слой отличается наличием трапеции со струганной спинкой, скребками нуклевидной и стрельчатой формы, боковыми резцами, наконечниками стрел листовидной формы и мотыгообразными орудиями. Изменения затронули и микролитические изделия: прямоугольные микролиты и трапеции с частичной обработкой верхнего основания найдены только в 3-ем слое. Но перечисленные выше категории орудий не являются ведущими, поэтому, по мнению П.М. Кольцова они не выглядят значительными и могут быть связаны с планиграфической дифференциацией находок. Отмечены изменения в технике вторичной обработки: количество приемов обработки увеличивается, а значит, позволяют рассматривать материалы верхнего и двух нижних слоев как отдельные хронологические звенья одной культуры [Кольцов, 2005. С. 146–147].

Керамический комплекс подвержен схожим общестадиальным закономерностям развития. Количество прямостенных сосудов уменьшается от 60% в нижнем слое до 35% в верхнем, а доля профилированной керамики увеличивается с 16% до 32,5%. П.М. Кольцов обращает внимание, что появившаяся в верхнем слое керамика, орнаментированная гребенчатым

штампом, по всем другим параметрам ничем не отличается от остальной неолитической.

Варфоломеевская стоянка находится в Новоузенском районе Саратовской области, в 6 км к юго-востоку от с. Лохмотовка, на левом берегу р. Малый Узень. По левому берегу реки Малый Узень расположена группа крупных лиманов, соединенных с рекой протоками. В устье одной из таких протоков и расположена стоянка [Юдин, 2004. С. 12].

Варфоломеевская стоянка открыта В.Б. Воробьевым в 1985 г. и исследовалась А.И. Юдиным в период 1987–1990 и 1996 гг. [Юдин, 1988. С. 142, Юдин, 2004]. На стоянке вскрыто свыше 400 м² культурного слоя по южной границе памятника. Четыре насыщенных находками слоя стоянки, остатки жилищ, погребения, культовые комплексы и изделия из костей (рис. 114) дают уникальную возможность проследить культурное развитие местного населения от развитого неолита до раннего энеолита. А также уточнить культурно-хронологические позиции стоянок изученных ранее [Юдин, 2006. С. 348].

Культурные горизонты Варфоломеевской стоянки, на восточном участке памятника достигают мощности 220 см и неоднородны по всей площади. Стратиграфически выделяются четыре литологических слоя: верхний (первый), два средних (2А и 2Б) и нижний (третий). Нижний (третий) слой имеет светло-желтый цвет и достигает толщины 70 см. Он обнаружен лишь в восточной половине раскопа. Граница между нижним и средним 2Б слоем хорошо отличима. Второй слой из-за примеси гумуса обладает более темным цветом. На ряде участков эти горизонты разделены отчетливо заметной прослойкой охры, которой посыпали дно жилищ слоя 2Б. Средний слой наиболее мощный и обильно насыщен находками. В некоторых местах он составляет до 150 см. А.И. Юдин разделяет его на два хронологических горизонта: нижняя половина – слой 2Б и верхняя – слой 2А [Юдин, 2004].

На стоянке обнаружено большое количество жилищ. Они расположены как в материке, так и в наиболее ранних культурных слоях. Жилища перестраивались на протяжении всего существования стоянки. Поздние котлованы нарушали

границы более ранних жилищ. Это потенциально приводило к перемешиванию находок из разных слоев. Нижний слой (3–ий) был поврежден сильнее остальных. В непо потревоженном состоянии сохранился участок жилища размерами 12х6 м. Здесь исследован очаг круглой формы диаметром почти 60 см. Здесь же сохранилась двухкамерная хозяйственная яма. Ее заполнение отличалось от нижнего культурного слоя более светлым цветом. Данная тенденция присуща для всех ям этого слоя [Юдин, 2004].

По данным И.Н. Васильевой большинство керамики нижнего слоя сделано из илистой глины – 79%, из илов сделан 21% керамики [Васильева, 2009. С. 69]. Сосудов из глины нет. Количество раковины в тесте сильно различается – от едва заметного до значительного. Сосудов без раковинной примеси крайне мало, обычно они небольшого размера и тонкостенны. Часть сосудов пористая от выгоревших растительных добавок. Обжиг сосудов неравномерный, цвет поверхности сосудов меняется от черного, до светло-коричневого. Формовка керамики производилась ленточным способом, что хорошо видно по расслоившимся фрагментам. Внешняя поверхность сосудов почти всегда подлощена, а внутренняя – сглаживалась пучком травы или зачищалась гребенчатым штампом из створки раковины [Юдин, 2004. С. 23]. Толщина стенок сосудов варьируется от 0,3 до 1 см. Почти все днища найденные на стоянке плоские, но встречаются и выпуклые (рис. 79:4-7). Этим керамический комплекс Варфоломеевской стоянки отличается от посуды стоянок неолита сопредельных территорий. При изготовлении керамики использовался набор костяных орудий: шпатели, ложила, штампы; комбинированные орудия – шпатели–ложила, шпатели–штампы [Килейников, Юдин, 1993. С. 68–72].

На стоянке обнаружено несколько тысяч сосудов, но ввиду сложной стратиграфической ситуации была отобрана только та керамика, залегание которой в непереотложеном состоянии не вызывало сомнений [Юдин, 2004. С. 23]. Орнаментальные композиции весьма разнообразны (табл. 2) и изменяются по мере существования Варфоломеевской стоянки.

Из всего количества керамики, обнаруженной в нижнем хронологическом горизонте, для анализа были отобраны фрагменты от 75 сосудов, достоверно относящихся к нижнему слою [Юдин, 2004. С. 24]. В нижнем слое обнаружена керамика четырех основных форм, в следующем соотношении: 1) прямостенные – 23 экз. (31%) (рис. 76:2,3,8); 2) с прикрытым устьем – 42 экз. (57%) (рис. 79:1,8); 3) слабопрофилированные – 9 экз. (12%) (рис. 77:8); 4) чашевидные – 1 экз. Кроме четырех основных групп в нижнем слое обнаружены фрагменты от двух ладьевидных сосудов. Сходный по форме сосуд обнаружен на стоянке Каиршак III [Васильев, Выборнов, Козин, 1989]. Один из сосудов украшен геометрическим орнаментом, что сближает его с каиршакским типом, однако орнамент нанесен в технике отступающего накола, что более характерно для тентексорского типа. Уникальным является миниатюрный сосуд биконически-усеченной формы.

Около 47% керамики нижнего слоя орнаментировано наколом. Он, как правило, нанесен в отступающей манере. Одиночные разреженные наколы встречаются редко. Прочерченный орнамент отмечен на 33% керамики. Еще 15% сосудов украшены прочерком с добавлением одиночных наколов. В накольчато-прочерченной технике, где основная часть орнаментальной зоны покрыта наколом, встречено всего 2 сосуда (2,5%). Орнамент чаще всего заполняет верхнюю часть сосуда, в редких случаях он опускается до середины тулова. Для нижнего слоя присуща следующая закономерность – чем меньше высота сосуда, тем большую площадь покрывает орнамент [Юдин, 2004. С. 24]. На 12 сосудах по срезу венчика нанесены насечки или вдавления, придающие венчику легкую гофрированность (рис. 78:1,2,6,9).

Все орнаментальные композиции составлены из сочетания нижеперечисленных элементов, а также в результате неоднократного повтора одного элемента. Большая часть композиций включает два-три повторяющихся элемента. Наиболее распространены композиции из горизонтальных линий, зигзагов, сочетаний зигзага и линии, линии и отдельных наколов, линии и треугольника, менее распространены: соты, косая штриховка, волна, прямоугольник, ромб. Перечисленные элементы орнамента могут наноситься как

наколом, так и прочерком. Сложные геометрические композиции в 12% представлены прочерченной и 23% накольчатой техникой и включают в себя 2 или 3 элемента и чаще всего относятся к прямостенным сосудам и керамике с прикрытым устьем (рис. 78:1–10). В слое найдены и сосуды с волнистым орнаментом (рис. 79:9,10).

Для анализа керамики слоя 2Б были отобраны фрагменты от 139 венчиков, технологические характеристики керамики аналогичны керамике нижнего слоя. Но сосудов из ила и илистой глины стало незначительно меньше. Это объясняется использованием глины, в слое 2Б 21% посуды сделан из глины [Васильева, 2009. С. 69]. Около 53% керамики относится к сосудам с прикрытым устьем (рис. 82:1; 83:4), прямостенная керамика составляет 42% (рис. 81:2), слабопрофилированная (рис. 84: 6) и чашевидная (рис. 84:7–8) представлена 5% сосудов. Форма дна не изменяется: плоские, плоско-выпуклые, плоско-вогнутые (рис. 87:4–10), в единичном экземпляре найдено плоское доннышко украшенное орнаментом (рис. 87:1), а также плоское дно овальной формы (рис. 87:2).

Стоит отметить, что на керамике слоя 2Б появляется наплыв с внутренней стороны венчика. На 5 фрагментах он нанесен на внутренней стороне и в профиле имеет подтреугольную форму (рис. 85:2,3), венчики еще трех сосудов имеют уже оформившийся наплыв (рис. 83:2; 85:4,5). В слое присутствуют и переходные формы, где наплыв еще не оформился, но появилось утолщение (рис. 85:1–3; 83:4). На 11 сосудах по срезу венчика нанесены наколы и насечки, на 4 из них нанесен простой орнамент.

По технике нанесения орнамента распределение керамики следующее: накольчатая – 54%, прочерченная – 28%, прочерчено-накольчатая – 10%, накольчато-прочерченная – менее 2 %, неорнаментированная – 5% [Юдин, 2004]. Элементы орнамента подвержены незначительным изменениям по сравнению с нижним слоем. Увеличивается разнообразие форм одиночных наколов: появляются каплевидные, круглые, овальные, ногтевидные наколы (рис. 84:1–9). Наиболее распространенными остаются композиции из зигзагов, линий и отдельных наколов (рис. 84:2–5). Наколы используются в качестве дополнения к

самостоятельным композициям (рис. 86:7). Распространены – косая штриховка (рис. 86. 1), сочетание линий, зигзага и треугольника (рис. 86:2.3), сотовый орнамент (рис. 86:4–6). Появляются разнообразные композиции с использованием шевронов. Характерной композицией для слоя становятся опущенные вниз треугольники, заполненные зигзагом или косой штриховкой, которые образуют ромбы (рис. 86:3). Схожие треугольники встречаются и на кайршакских памятниках, однако их заполнение и способ нанесения отличается от Варфоломеевских (9:1,6).

Для более полного представления об эталонном памятнике стоит рассмотреть и материалы слоя 2А и верхнего слоя Варфоломеевской стоянки.

Для анализа керамики слоя 2А были отобраны фрагменты от более 350 венчиков. Технологические характеристики керамики не изменяются. Большинство доньшек плоские или плоско выпуклые, реже встречаются плоско-вогнутые (рис. 101:1–9). Несколько плоских доньшек украшено орнаментом.

В слое 2А керамика представлена всеми четырьмя основными формами, которые представлены в следующем соотношении: 1) прямостенные – 23% (рис. 89:1; 101:14; 99); 2) с прикрытым устьем – 62% (рис. 100:2,5; 98:1,2,7), около 30% сосудов имеют утолщение на внутренней стороне венчика, чего не было в предыдущих слоях (рис. 98:1–3); 3) слабопрофилированные – 15% (рис. 96:1,5,6); 4) чашевидные (0,6%) (рис. 95:3,4).

Происходит дальнейшее процентное изменение соотношения накольчатой и прочерченной керамики: накольчатая – 74%, прочерченная – 12% (в отличие от слоя 3 – 33% и 2 Б – 23%), около 2% керамики украшено новыми элементами орнаментации – наклепными жемчужинами (рис. 95:7–9) и гребенчатым штампом. Увеличивается количество керамики украшенной крупными наколами подовальной, треугольной скоковидной форм, неглубокими ямочными вдавлениями. Профили венчиков в слое 2А весьма разнообразны и делятся на 6 типов: 1) наплыв подтреугольной формы – 41% (рис. 101:13; 94:7); 2) плоский наплыв с выраженным переходом к стенке – 24% (рис. 93:1–3); 3) плоский наплыв с выраженным переходом к стенке и отогнутый наружу (рис. 93:5; 91:2,4); 4)

плавные переходы заменены гранями с резким контуром (рис. 97:2,3), 5) контуры аморфные, венчик отогнут наружу (рис. 97:6); 6) с внутренним наплывом и воротничковым утолщением с внешней стороны (1 экз.) (рис. 97:7). На 73% венчиков внутренний наплыв украшается орнаментом.

В наборе орнаментальных композиций по сравнению со слоем 2Б, произошли незначительные изменения: в прочерченной керамике пропали композиции с крупными ямочными вдавлениями и оттиски камыша, но появляется орнамент с волнистыми линиями (рис. 95:5,6), лентами двойных зигзагов, из крупных скобок.

В слое 2А, наиболее часто используются те же композиции, что и в слое 2Б. В накольчатой технике это: сочетание зигзагов и горизонтальных линий – 39% (рис. 96:3,10); горизонтальные строчки разделенные отдельными наколами – 20% (рис. 96:4); зигзаги и зигзаги с наколами – 14% (рис. 93:2). Для прочерченной техники наиболее характерен зигзаг с линией – 40% (рис. 89:3–4). Из других композиций распространены: сложные геометрические (рис. 99:1; 95:1,4); зигзаг, линия и отдельные наколы (рис. 90:4), а также сотовый орнамент – 21% (рис. 89:4; 97:8), шевроны 13% и треугольные наколы – 8% (рис. 99:3,5). В слое найдены пряслица (рис. 89:6), крышка сосуда, обломок утюжка (рис. 89:7).

Керамика верхнего слоя прослеживается по фрагментам от 41 сосуда и продолжает развивать новые черты, которые появляются в слое 2А. Технология изготовления керамики не меняется. Доньшки сосудов не отличаются от нижележащих слоев и представлены: плоскими, плоско-выпуклыми и плоско-вогнутыми формами.

По форме керамика разделяется на 3 основные группы: 1) прямостенная с широким открытым устьем – 29%. Типологически она одина с керамикой нижних слоев (рис. 102:1); 2) керамика с прикрытым устьем – 46%, отличается от сосудов предыдущих слоев. Широкий наплыв четко отделенный от стенки исчезает. Наплыв фиксируется в виде внутреннего ребра (рис. 103:4,7) или имеет округлую форму. Венчики все чаще имеют отогнутую форму (рис. 103:20); 3) профилированные сосуды – 24% по технико-типологическим признакам не

отличаются от сосудов в нижних слоях, но появляются и сосуды нового, почти энеолитического вида (рис. 103:9). Фрагменты еще 4 сосудов орнаментированы оттиском гребенчатого штампа (рис. 103:11,12). Два фрагмента имеют воротничок на внешней стороне венчика и орнаментированы штампом с округлым зубцом (рис. 103:14).

Прямостенная керамика чаще всего украшалась прочерком и прочерком с наколом – 65%, а керамика с прикрытым устьем орнаментирована наколом – 65%. Профилированная керамика украшена как наколом – 50%, так и прочерком с добавлением накола – 50%. Изменяется не только форма венчиков, орнаментация керамики при сохранении основных черт продолжает меняться. Наиболее распространены композиции из прямых линий и наколов, сочетания линии и зигзага, шеврона и сотового орнамента (рис. 103:15–21). Происходит изменение в форме накола – появляется крупный накол полуовальной формы и крупный треугольный накол (рис. 103: 3,4). Небольшое количество керамики орнаментировано гребенчатым штампом, который почти не встречается в нижележащих слоях. Несмотря на появление новых элементов в форме и орнаментации сосудов, А.И. Юдин отмечает, что все технологические признаки остались прежними [Юдин, 2004. С. 65].

В качестве доминирующего сырья на стоянке использовался галечный кремль различных оттенков, в основном от светло-серого до черного, реже полосчатого цвета, из кварцита найдено 130 предметов. Всего же на стоянке найдено 5624 каменных предмета, из которых 2887 (52,5%) – орудия труда. Как и в случае с керамикой для характеристики кремневой индустрии стоянки отобраны находки залегание которых в непереотложенном состоянии не вызывали сомнений.

В нижнем слое орудия и изделия из камня представлены 362 предметами. Большая часть орудий изготовлена из кремня – 347 экз., 11 находок из кварцита и 4 экз. из других пород. К нуклеусам, заготовкам и отходам производства относятся 168 предметов (47%), остальные находки (53%) – это орудия со вторичной обработкой [Юдин, 2004. С. 66]. Для нижнего слоя характерна пластинчато-отщеповая техника расщепления камня, так как на пластинах

выполнено 66% всех орудий. Наиболее распространены: скребки различных типов на пластинах (42,3%), скребки на отщепах (28,2%), вкладыши и геометрические микролиты (9,4%).

Первичная обработка представлена нуклеусами и нуклевидными сколами с них, пластинами, чешуйками и расколотыми кремневыми гальками. Нуклеусы для снятия пластин представлены несколькими типами (плоские, уплощенные, торцовые и конические) (рис. 105:1–5). Трассологическим анализом было установлено, что значительная часть пластин и отщепов без вторичной обработки являются орудиями – резчики на углу пластины (рис. 105:8,9) и ножи (рис. 105:7,10). Из отщепов без вторичной обработки орудиями оказались 9 экз., к ним относятся: проколка – 4 экз. (рис. 105:11), сверло (рис. 105:12), резчик (рис. 105:16).

Целых ножевидных пластин найдено немного, ретушь наносилась с лицевой стороны или со стороны спинки (рис. 105:14,15).

Скребки представляют устойчивую группу, они изготавливались на пластинах, продольных сколах и отщепах. У скребков на пластинах форма лезвия чаще всего округлая, реже – дублированная (рис. 104:19,20). Среди скребков с боковой ретушью выделяются односторонние (рис. 104:20) и двусторонние (рис. 104:19) обработанные орудия. У нескольких скребков скошенные рабочие края (рис. 104:23,24). Скребки на продольных сколах с нуклеусов чаще всего представлены трапециевидной формой, с округлым концевым лезвием и притупляющей ретушью с лицевой стороны (рис. 104:22,26). В слое часто встречаются и скребки без боковой подработки, их лезвия округлой или слегка скошенной формы (рис. 104:25–28). Скребки на отщепах весьма разнообразны и делятся на несколько типов: округлые с ретушью покрывающей 80% скребка (рис. 104:29,30), с гранью на спинке (рис. 104:31), аморфные концевые (рис. 104:32).

Геометрические микролиты представлены сегментами и трапециями. Трапеции крайне малочисленны и невыразительны, ретушь наносилась или по верхней части со спинки, или по боковой стороне с брюшка (рис. 104:2). Низкие

трапеции без струганой спинки встречаются только в нижнем слое [Юдин, 2004. С. 70]. Две средневысокие трапеции с притупляющей ретушью по боковым граням найдены в размытом слое (рис. 104:7,8). Сегменты в большинстве представлены низкими формами. Обработаны они притупляющей ретушью по дуге лезвия со стороны спинки (рис. 104:4–6), встречной ретушью (гелуанской) (рис. 104:14,15), притупляющей ретушью с брюшка (рис. 104:9,10).

Острия изготавливались на пластинах и сечениях, рабочая часть треугольной формы, а боковые стороны притуплены. Ромбовидные сколы использовались в качестве проколов и сверла (рис. 106:1–4).

Скобелевидные орудия изготовлены на пластинах, отщепах (рис. 105:6). Ретушированные отщепы обработаны нерегулярной ретушью, по функциям они определены как пилки, ножи, резчики.

В слое найдены два шлифованных тесла трапециевидной формы с шлифованными лезвиями (рис. 106:5), несколько обломков «утюжков» (рис. 106:6), абразивные орудия из мягкого песчаника (рис. 106:7).

Комплекс каменных орудий слоя 2Б насчитывает 593 предмета, 512 изготовлены из кремня, 11 из кварцита и 10 из других пород. Преобладает пластинчато-отщеповая техника – около 60% орудий изготовлено на пластинах. К нуклеусам, пластинам и отходам относится 242 находки. Нуклеусы представлены тремя типами: плоским, торцевым и коническим (рис. 107:1–4).

Наиболее распространены скребки на пластинах и сечениях (34%). Форма лезвия в основном полукруглая (рис. 108:9–12), реже со скошенным лезвием (рис. 108:13). Более 60% скребков имеют притупляющую ретушь по одной или двум боковым граням (рис. 108:14–16). Единичны находки дублированных скребков с ретушью по периметру (рис. 108:17). Скребки на продольных сколах и укороченных пластинах представлены несколькими типами: прямоугольные с округлым лезвием (рис. 108:18); трапециевидной формы с округлым лезвием (рис. 108:20–22). Скребки на отщепах (30%) наиболее разнообразны. Выделяются скребки ретушированные на $\frac{3}{4}$ (рис. 107:10–13), концевые, овальные и округлые (рис. 107:10,11,14).

Ножевидные пластины и сечения в 60% определены как орудия без вторичной обработки – резчики и мясные ножи. Ножевидные пластины с ретушью (13%) выделяются в категорию ножей (рис. 107:5–7), пилок (рис. 107:8).

Геометрические микролиты представлены трапециями (5%). Трапеции в отличие от нижнего слоя, все со струганной спинкой, чаще всего они высокие, но встречаются и такие, у которых высота равна ширине (рис. 108:1–4). Все сегменты низких пропорций, ретушь наносилась разными способами: двусторонняя (гелуанская) (рис. 108:7), односторонняя лицевая, двусторонняя по боковым граням (рис. 108:8).

Орудия со скобелевидными выемками встречаются практически на всех категориях орудий как дополнение (рис. 107:17,18). Острия (3,7%) изготавливались на пластинах и пластинчатых отщепах (рис. 107:21–24). В слое также найдено 3 тесла (рис. 106:9).

Комплекс каменных изделий слоя 2А насчитывает 764 предмета, из них 37 из кварцита (5%). К нуклеусам, пластинам и отщепах относится 421 предмет (55%). Нуклеусы делятся на: плоские (рис. 111:1–3), торцевые (рис. 111:4), призматические (рис. 111:5,6) и конические (рис. 111:8). Как и в других слоях, наиболее распространены: скребки на пластинах – 36%, скребки на отщепах – 24%, ножи на пластинах и пластины с ретушью – 18%, ножи на отщепах и отщепы с ретушью – 9%, трапеции – 3,5%. Вместе с тем в слое присутствуют: скребла, скобелевидные орудия, острия, резцы, шлифованные тесла, абразивные орудия. За пределами контрольных квадратов найдены каменное грузило и 2 булавы [Юдин, 2004. С.75]. Следует отметить, что булава обнаружена и на стоянке Тентексор в Северном Прикаспии [Васильев, Выборнов, Козин. 1986].

Скребки на пластинах – 36% имеют округлое и скошенное лезвие (рис. 110:14–24), наиболее разнообразны скребки с боковой ретушью (рис. 110:22–24). Скребки на продольных сколах и укороченных пластинах распределяются на следующие типы: концевые трапециевидной формы (рис. 110:11–14), концевые с округлыми или скошенными лезвиями (рис. 110:15–19), скребки с ретушью на $\frac{3}{4}$ трансформируются в округлую форму (рис. 110:22–24;31). Скребки на отщепах –

24% весьма разнообразны (рис. 110:26,28,30) и по функциям не отличаются от слоя 2Б.

Ножевидные пластины с ретушью – 18% обработаны исключительно со спинки. Короткие пластинки определены как пилки, мясные ножи и резчики (рис. 111:11), длинные относятся к ножам (рис. 111:12–23). Ножевидные пластины использовались как резчики (рис. 111:10) и ножи (рис. 111:11).

Геометрические микролиты представлены трапециями со струганой спинкой: высокими и средневысокими (рис. 109:9–12), с почти параллельными боковыми гранями (крайне немногочисленны) (рис. 109:1–4), ассиметричными (рис. 109:14).

Острия не отличаются способом нанесения ретуши от слоя 2Б. На фоне микролитических орудий памятника выделяется комплекс из 11 крупных каменных предметов: нуклеус, 2 скребла, 2 пластины и 6 отщепов. Они изготовлены из полосчатого кремня и залегали компактной группой.

Комплекс каменных орудий из верхнего слоя представлен 103 предметами, из которых 85 находок из камня, 15 из кварцита. К предметам первичной обработки относятся 58 находок (56%), орудия с вторичной обработкой представлены 40 экз. Нуклеусы представлены плоскими и уплощенными типами (рис. 112:1–3,5,6).

Скребки на пластинах (43%) в основном концевые, форма лезвия округлая (рис. 112:7,8). Скребки с боковой ретушью идентичны орудиям из слоя 2А (рис. 112:9–10). Скребки на отщепах (25%) делятся по типам: округлые с ретушью по всему периметру (рис. 112:16); на пластинчатых отщепах (рис. 112:11–13); концевые (рис. 112:17).

Геометрические микролиты представлены трапециями со струганой спинкой. Высокие трапеции верхнего слоя не отличаются от трапеций слоя 2А, но появляются крупные экземпляры, их высота достигает 27 мм (рис. 112:4,18,19).

Острия симметричны, с лицевой ретушью (рис. 112:15) одно орудие небольшое клювовидное (рис. 112:14). Несмотря на незначительное количество орудий в верхнем слое, типологически они повторяют орудия слоя 2А, за

исключением увеличения размеров трапеций со струганной спинкой и появления крупных кварцитовых пластин и орудий на них [Юдин, 2004. С. 85].

В 2014 г. начато исследование неолитического памятника с сохранившимся культурным слоем – Алгай, материалы которого, по предварительным данным близки комплексам Варфоломеевской стоянки. Стоянка Алгай находится на р. Большой Узень в 1.5 км от с. Александров Гай. Памятник был обнаружен А.И. Юдиным во время спасательных работ стоянки Орошаемое. Раскоп площадью 30 м² был заложен на краю котлована пруда. Верхние 30 см слоя состояли из отвала искусственного водоема, а ниже распространялся сохранившийся культурный слой с находками, который достигал мощности 150 см. Верхняя часть слоя, до глубины 80 см от поверхности, состояла из светлого суглинка, а нижняя (с глубины 80 см и до 150 см) – из более темного, гумусированного суглинка. Памятник вскрывался горизонтами по 5 см, и все находки фиксировались стратиграфически и планиграфически.

Керамика стоянки Алгай представлена черепками сосудов, схожими с Варфоломеевской стоянкой. Фрагменты керамики происходят примерно от 15 сосудов. По технико-типологическим параметрам керамика соответствует материалам Варфоломеевской стоянки, которая расположена в 35 км западнее, на левом берегу р. Малый Узень. Посуда представлена пряموстенными сосудами с широким открытым устьем, банками со слегка прикрытым устьем и слабо профилированными горшками. Подобные формы сосудов широко распространены на Варфоломеевской стоянке. Срезы венчиков орнаментированы насечками, внутренним наплывом, зигзагом, насечками по внутренней стороне венчика (рис. 117: 2-4). Днища сосудов (8 экз.) плоские и плоско-выпуклые. Орнамент наносился в технике отступающего накола треугольной или овальной формы, отдельными наколами, прочерком, ногтевидными вдавлениями. Орнаментальные композиции находят близкие аналогии с варфоломеевскими: горизонтальные ряды отступающего накола или прочерка, дополненные зигзагом, наклонными линиями и отдельными наколами; шевроны; «сотовый» орнамент;

композиции из редко поставленных треугольных наколов и насечек [Выборнов, Юдин, Васильева и др. 2015. С. 237].

Технико-технологический анализ показал, что керамика стоянки изготовлена из жирного ожелезненного пластинчатого сырья. Сырье делится на два вида: илистые глины – 62% (с наличием остатков растительности) и глины – 37% (без признаков растительности). Случаи применения илов (как в материалах 3 слоя Варфоломеевской стоянки) в качестве сырья для изготовления бытовой посуды стоянки Алгай не отмечены. В керамике обнаружена примесь раковины. Распределение данных о сырье изученных сосудов по глубинам их залегания в культурном слое стоянки не выявило каких-либо закономерностей: сосуды из обоих видов сырья находились практически во всех слоях стоянки [Выборнов, Юдин, Васильева и др. 2015. С. 237]. Сравнение приемов изготовления сосудов стоянок Алгай и Варфоломеевская показало их существенную близость на всех ступенях гончарной технологии, особенно с навыками изготовления керамики из слоев 2Б и 2А [Васильева, 2009. С. 65-77; Васильева, 2012; Выборнов, Юдин, Васильева, и др. 2015; Васильева, Выборнов, 2016].

Коллекция каменных изделий стоянки Алгай представлена 151 экз. Две трети находок составляют нуклеусы и сколы с них, а также отходы производства. Для производства орудий использовался кремнь серого, молочного и молочно-серого цветов. Кварцитовые изделия составляют всего 7% находок, как и на Варфоломеевской стоянке. Примечательно, что немногочисленные изделия из кварцита обнаружены и в нижних горизонтах [Выборнов, Юдин, Васильева и др. 2015. С. 237]. Большая часть ножевидных пластин имеет ретушь по длинным сторонам спинки (рис. 116: 8,17), а их ширина колеблется в пределах 8-16 мм. Из пластин изготавливалась и большая часть орудий, среди которых преобладают скребки.

На глубине 30–40 см была обнаружена трапеция с подструганой спинкой из светло-серого кремня (рис. 116: 22), на Варфоломеевской стоянке в слое 2 А (рис. 109: 6, 9, 10, 11) и 2 Б (рис. 108: 4, 5) встречаются схожие трапеции.

На глубине 40–50 см находились 3 фрагмента посуды и кремня. Один черепок украшен мелкими наколами, а второй орнаментирован прочерчено-накольчатый орнаментом. Схожие композиции можно встретить в 3 слое Варфоломеевской стоянки (рис. 76:13) и в слое 2 Б (рис. 86: 7). Также была найдена половинка утюжка. Разлом пришелся на середину поперечного и полукруглого в сечении желобка. Еще один желобок расположен рядом, ближе к тонкому концу утюжка. Аналогичный можно встретить в слое 2 А (рис.109:33). Следует обратить внимание, что оба утюжка украшены шестью вертикальными параллельными полосами.

С глубины 50–60 см получен ряд находок: 3 скребка, один изготовлен из кварцита, две кварцитовые пластины, трапеция с подструганой спинкой из светло-серого кремня, схожая с трапециями слоя 2 А (рис. 109: 6, 12) и 2 Б (рис. 108: 1, 2, 6), один фрагмент керамики украшенный «сетчатым орнаментом» аналогии встречаются на стоянке Варфоломеевка слой 2 Б (рис. 86: 1; 83: 2).

На глубине 60–70 см обнаружено: 6 малоинформативных фрагментов керамики, отщепы, обломки пластин, 3 скребка, большое скребло из кварцита имеющее аналогии в слое 2 А (рис. 110: 32) и 2 Б (рис. 17: 13), орудие для обработки стрел сделанное из светло-коричневого мягкого песчаника, похожие орудия найдены и на Варфоломеевской стоянке в нижнем слое (рис. 106: 6), а также кремневая проколка, имеющая аналогии в верхнем слое (рис. 112: 15), в 2А (рис. 111: 22) и в 2Б (рис. 107: 21).

С горизонта 70–80 см было собрано значительное количество находок: лощеная кость со следами сработанности по краям, 22 фрагмента керамики, 3 из которых орнаментированы треугольным наколом (рис. 117: 1), который встречается во всех слоях стоянки Варфоломеевская, 9 скребков (3 из которых изготовлены на крупных отщепах). В этом горизонте также найдена провертка, имеющая аналогии в нижнем слое Варфоломеевской стоянки (рис. 106: 2) и нож на отщепе (рис. 116: 15) как в слое 2 Б (рис. 107: 11).

На глубине 80–90 см были найдены: 1 скребок на отщепе и 3 на пластине, один из которых из кварцита (рис. 116: 14), 18 фрагментов керамики и развал

сосуда из 12 черепков. Черепки от одного сосуда орнаментированы широким, отступающим круглым наколом, венчик украшен прорезьями (рис. 117: 2), подобные венчики встречаются в нижнем слое (рис. 78: 1, 2, 9) в 2 Б (рис. 84: 10) и 2 А (рис. 96: 8) слоях стоянки Варфоломеевская.

С горизонта 90–100 см получен следующий материал: кремневый комплекс составляют 12 ед. кремня, из них 3 скребка (рис. 116: 13), 1 сверло (рис. 116: 12), 1 нож на отщепе. Керамика представлена 24 фрагментами, интерес вызывают 2 фрагмента с тонкими донцами, венчик с утолщением (рис. 117: 3) как в слое 2 Б (рис. 85: 1) и 2А (рис. 89: 5) и фрагмент с сетчатым орнаментом, имеющий аналогии в нижнем слое (рис. 76: 11; 77: 7) и в слое 2 Б (рис. 83: 2; 86: 1) Варфоломеевской стоянки. В этом же слое обнаружен венчик с 6 горизонтальными линиями, нанесенными тонким наколом, почти неотличимым от прочерка. Подобный орнамент встречается во всех слоях Варфоломеевской стоянки (рис. 78: 13; 85: 5; 94: 4; 103: 18, 21).

На глубине 100–110 см обнаружены 17 черепков, 13 кремневых изделий и 1 кварцитовый отщеп. К важным находкам можно отнести крупные позвонки рыбы, передний зуб лошади. К орудиям относятся 1 скребок на отщепе и острие (рис. 119: 2). В горизонте найдены два фрагмента тонких доньшек типичных для Варфоломеевской стоянки, а также 2 фрагмента горшковидного сосуда орнаментированного тонким отступающим наколом (трудно отличимым от прочерка) (рис. 117: 4). Подобные сосуды встречаются в нижнем (рис. 78: 1, 3) и 2Б (рис. 85: 3; 86: 3) слоях Варфоломеевской стоянки.

С горизонта 110–120 см получено 4 кремневых изделия и один сегмент с двусторонней обработкой дуги (гелуанской ретушью) из темного прозрачного кремня (рис. 116: 21). Подобные сегменты встречаются только в нижнем (рис. 104: 14) и 2Б (рис. 108: 7) слоях Варфоломеевской стоянки. Также обнаружено 8 фрагментов керамики и передний зуб кулана. Один фрагмент орнаментирован прочерками, подобная керамика встречается в нижнем (рис. 77: 9; 80), 2Б (рис. 86: 4, 5, 6) и 2А (рис. 89: 4) слоях Варфоломеевской стоянки. Интересны и 3 фрагмента от одного сосуда, они украшены сложным орнаментом – треугольным

наколом и чередой горизонтальных и косых линий, нанесенных мелким, отступающим наколом (рис. 117: 6).

На глубине 120–130 см найдены 3 лощеные кости со следами сработанности по граням, 4 кремневых изделия, 1 кварцитовая пластина (рис. 116: 7) и 2 фрагмента керамики, один из которых украшен сетчатым орнаментом встречающимся в нижнем (рис. 77: 7) и 2Б (рис. 86: 1) слоях Варфоломеевской стоянки.

С глубины 130–140 см находок нет, а в горизонте 140–150 см были обнаружены 6 фрагментов керамики, 3 из которых принадлежали одному сосуду, орнаментированному ногтевидными вдавлениями (рис. 117: 7). Похожая орнаментальная композиция встречается во всех слоях Варфоломеевской стоянки. Кремень представлен 1 скребком (рис. 116: 1).

Со всех горизонтов памятника было собрано большое количество костей животных. Наибольшее количество крупных и хорошо сохранившихся костей залегало в суглинке на глубине от 110–140 см. Важной находкой стали кости от двух особей домашней собаки. На уровне 100–110 см обнаружено скопление крупных позвонков рыбы.

В 2015 г. исследование памятника продолжилось. К северной стенке раскопа 2014 г. была сделана прирезка в 36 м². Стратиграфия памятника изменилась несущественно. Верхние 15 см слоя состояли из отвала искусственного водоема, а ниже распространялся сохранившийся культурный слой с находками, который достигал мощности 180 см. Верхняя часть слоя, до глубины 80 см от поверхности, состояла из светлого суглинка, а нижняя (с глубины 80 см и до 180 см) – из более темного, гумусированного суглинка. Памятник вскрывался горизонтами по 5 см, все находки фиксировались стратиграфически и планиграфически.

С глубины 10–20 см начались первые находки – 5 кремневых и 2 кварцитовых отщепа, а так же один обломок пластины со следами сработанности и веерный скребок с «жальцем» (рис. 122:41) .

На глубине 20–30 см обнаружено 8 находок, из которых 6 кремневых отщепов, 1 обломок проколки и скребок с двумя рабочими гранями (рис. 122:37).

С глубины 30–40 см получены 2 фрагмента керамики без орнамента. Каменный инвентарь представлен 7 находками: 1 кварцитовый и 5 кремневых отщепа, одна пластина.

В горизонте 40–50 см было обнаружено 18 черепков, из которых один орнаментирован 6 горизонтальными линиями с мелким наколом (рис. 119:3). Подобные фрагменты встречаются в слое 2 А Варфоломеевской стоянки (рис. 98:4). Каменный инвентарь представлен 25 артефактами: 22 отщепа (1 из кварцита), один из которых являлся заготовкой для орудия, и 4 скребка (с плоским и округлым лезвием (рис. 122:29), один скребок со шпорой и обработан с трех сторон). Подобные скребки встречаются на Варфоломеевской стоянке в слоях 3, 2 Б и 2 А.

С глубины 50–60 см собрано 23 фрагмента посуды. Орнаментированных фрагмента всего два. Один украшен орнаментом в виде зигзага (рис. 119:2) нанесенного мелким наколом, как и в слое 2 А Варфоломеевской стоянки (рис. 91:4; 93:4,1; 97:1), второй – тремя линиями горизонтальных наколов. Интересен фрагмент с глубокой загладкой выполненной зубчатым инструментом. Каменный инвентарь представлен 40 находками, из которых 3 из кварцита и одна из песчаника. Из орудий можно выделить 6 скребков (3 с прямым лезвием, 1 со скошенным и 2 с округлым (рис. 122:30), обломок орудия и 3 пластины с ретушью (рис. 122:8,10). Остальные находки представлены отщепами и обломками пластин.

На глубине 60–70 см обнаружено 40 черепков, три из которых орнаментированы. Один фрагмент украшен тремя вертикальными линиями крупных овальных наколов и овальными вдавлениями по срезу венчика (рис. 119:6), как и в слое 2 Б стоянки Варфоломеевская (рис. 84:2,5). Еще один фрагмент орнаментирован жемчужными вдавлениями (рис. 121:4) как и в слое 2 А Варфоломеевской стоянки (рис. 95: 7, 8, 9). В горизонте обнаружены две придонные части от плоскодонных сосудов, одна из которых орнаментирована

накольчатый орнамент в виде сетки и тремя рядами горизонтальных линий под ней (рис. 119:9), а также черепок, заглаженный с внутренней стороны крупным зубчатым штампом. Каменный инвентарь представлен 26 находками, из которых 5 из кварцита, остальные из кремня. К орудиям относятся 2 скребка с плоским и округлым (рис. 122:34) рабочим краем и 2 пластины с ретушью (рис. 122:38).

С горизонта 70–80 см собрано 60 фрагментов керамики, из которых 9 орнаментированы, 6 венчиков и 3 днища (рис. 119:8). Два венчика украшены жемчужными вдавлениями и гофрой по срезу венчика (рис. 118:2,4) как в слое 2 А Варфоломеевской стоянки (рис. 95:7-9; 98:6). Остальные украшены линиями горизонтальных, вертикальных и наклонных наколов (которые иногда почти неотличимы от прочерка) (рис. 120: 1,4,6,8,12). Еще один венчик украшен наклонными линиями наколов, вдавлениями по срезу венчика и наколами и прочерками на обратной стороне черепка (рис. 120: 4). Один фрагмент толстостенного венчика украшен зубчатым штампом (рис. 120:6). Каменный инвентарь представлен 41 находкой – три из кварцита, остальные из светло-серого и темно-серого кремня. К орудиям относятся 11 скребков из кремня (7 с округлым (рис. 122: 11,33,35), 3 с прямым (рис. 122:18) рабочим краем и один со «шпорой» (рис. 122:40). Подобные скребки встречаются в 3, 2 Б, 2 А слоях стоянки Варфоломеевская. В горизонте обнаружены два сегмента с «гелуанской ретушью» (рис. 122:53,54).

На глубине 80–90 см обнаружено 55 черепков, из которых 15 орнаментированы (рис. 119:4), а 5 являются венчиками сосудов. Наибольший интерес представляют венчики, орнаментированные зигзагом, выполненным мелким наколом с добавлением отдельных наколов (рис. 120: 2,3) и венчик украшенный семью горизонтальными линиями с вписанным между ними зигзагом (рис. 118: 1). Подобные венчики встречаются в нижнем слое Варфоломеевской стоянки (рис. 78: 9) и слое 2Б (рис. 86: 6). На последнем венчике прочерченные линии выполнены едва заметным наколом. Три фрагмента орнаментированы жемчужными вдавлениями (рис. 121: 2,3,5), как и в слое 2 А Варфоломеевской стоянки (рис. 95: 7, 8, 9). Каменный инвентарь представлен 64

находками – 9 из кварцита, остальные из кремня преимущественно темно-серого цвета. К орудиям относятся: крупный «шлифовальный» камень красного цвета из твердой породы, похожей на гранит; 15 скребков: из кварцита – 1 экз., из полосчатого, темно-серого и светло-серого кремня по 4 экз. По форме рабочего края скребки представлены: с округлым – 7 экз. (рис. 122:39), прямым – 6 экз., и скошенным – 1 экз. (рис. 122:22) рабочим краем, а так же стрельчатый – 1 экз. В слое обнаружено 5 геометрических микролитов: 4 трапеции со струганой спинкой (рис. 122:45,46,48,50) и 1 обломок сегмента (рис. 122:55).

С горизонта 90–100 см получено 56 фрагментов керамики, из которых 3 венчика и 11 орнаментированных стенок сосудов. Наиболее интересной находкой является венчик с горизонтальными прочерченными линиями и вертикальным зигзагом (рис. 120:7), подобные орнаментальные композиции не встречаются на посуде Варфоломеевской стоянки. Остальные фрагменты невыразительны и встречаются в слоях 2 А и 2 Б Варфоломеевской стоянки. К каменным изделиям относятся 42 артефакта, из которых 38 изготовлены из кремня, а 4 из кварцита. К орудиям относятся: обломок шлифовального орудия из мелкозернистой породы, 14 скребков (4 с плоским (рис. 122:15)), 7 с округлым рабочим краем (рис. 122:14,21) и 4 экз. с ретушью по трем сторонам орудия (рис. 122:12). Подобные орудия распространены в 3, 2 Б и 2 А слоях стоянки Варфоломеевская. Два орудия обломаны, но по форме напоминают скребки. В горизонте обнаружены 3 геометрических микролита – 2 трапеции со струганой спинкой (рис. 122:47,49) и 1 обломанная трапеция похожая на параллелограмм (рис. 122:22,39). Пластины с ретушью представлены 2 экз. (рис. 122:6,9).

С глубины 100–110 см извлечено: 66 фрагментов керамики, из которых 11 орнаментированы (рис. 119:1), 3 венчика (рис. 118:5; 120:5), которые находят аналогии в материалах слоя 2А Варфоломеевской стоянки (рис. 90:6; 93:1,3) и 2 плоских днища сосудов (рис. 119:7), которые встречаются во всех слоях стоянки Варфоломеевская. Наибольший интерес представляет находка венчика орнаментированного четырьмя накольчатым зигзагами и сочетанием вертикальных и горизонтальных накольчатых линий с внешней стороны и

овальными наколами по срезу венчика и с внутренней стороны (рис. 118:5). Не меньший интерес вызывает находка трех фрагментов посуды с загладкой крупным зубчатым штампом с внутренней стороны сосуда, которые не встречаются на Варфоломеевской посуде. Каменный комплекс представлен 36 находками – 1 из кварцита, остальные из кремня светло-серого, темно-серого цвета и реже из темного прозрачного. Орудия представлены скребками (11 экз.) с плоским – 4 экз. (из них 3 скребка обработаны по двум граням), округлым – 5 экз. (рис. 122:20) и скошенным – 2 экз. (рис. 122:19,28) рабочим краем. К орудиям можно отнести три фрагмента ретушированных пластин.

С горизонта 110–120 см получено 60 фрагментов керамики. Из них 10 орнаментированы (рис. 119:5; 120:11,13), 4 представлены венчиками и один придонной частью сосуда. К наиболее интересным находкам можно отнести: венчик сосуда, с двух сторон орнаментированный косыми и горизонтальными линиями наколов и украшенный по срезу венчика ногтевыми вдавлениями (рис. 118:2). Один фрагмент выбивается из материалов стоянки Алгай. Он украшен мелким прочерченным зигзагом, который образует угол (рис. 119:5). В коллекции Варфоломеевской стоянки подобный орнамент отсутствует. В слое обнаружены и фрагменты посуды с загладкой крупным зубчатым штампом с внутренней стороны сосуда. Каменный инвентарь представлен 35 артефактами, из которых 2 экз. изготовлены из кварцита, а остальные из кремня. К орудиям относятся: 6 скребков (рис. 122:25-27,36), два из которых повреждены, 2 пластины с ретушью и 1 без ретуши (рис. 122:5), крупный кварцитовый скобель и трапеция со струганой спинкой (рис. 122:51)

С глубины 120–130 см извлечено 19 фрагментов керамики, три из которых орнаментированы. Орнамент все больше похож не на мелкие накольчатые линии, а на прочерченные. В слое был найден один венчик и две придонные части. Подобные элементы орнамента наиболее часто встречаются в слое 2 А и 2 Б. Один фрагмент орнаментирован накольчатым орнаментом в виде косых полос и тремя рядами горизонтальных линий под ней. Подобный орнамент встречался на придонной части, на глубине 60-70 см. В слое обнаружены 5 фрагментов посуды с

загладкой крупным зубчатым штампом с внутренней стороны сосуда. Каменный инвентарь представлен 12 артефактами. К орудиям относятся: небольшой обломок шлифовального орудия из мелкозернистой породы (как и на глубине 90–100 см) и два скребка с ретушью по двум граням.

На глубине 130–140 см собрано 17 фрагментов керамики, из них два венчика и одно донце. На трех черепках проделаны сквозные отверстия (рис. 118:6). Подобные отверстия встречаются в нижнем (рис. 77), 2 Б (рис.84) и 2 А (рис. 94) слое Варфоломеевской стоянки.

Последние находки были обнаружены в 9 кв. на глубине 150-160 см, где было значительное углубление культурного слоя. В слое найдены 5 фрагментов посуды, два из которых орнаментированы. Один фрагмент принадлежит плоскому днищу и на одном черепке проделано сквозное отверстие. Каменный инвентарь представлен 5 находками, из которых одна изготовлена из кварцита. Орудия представлены двумя обломками скребков.

Керамический материал стоянки Алгай, полученный в 2015 году, был подробно обработан Васильевой И.Н. На основании морфологических особенностей верхних частей сосудов и стенок с орнаментом исследователь выделил две группы сосудов стоянки Алгай:

1) сосуды с ямочно-жемчужным пояском и часто с насечками или овальными вдавлениями по срезу венчика;

2) сосуды с накольчато-прочерченным орнаментом, выполненным в технике накальвания, отступания, прочерчивания и прочерчивания с редкими остановками.

Первая группа керамики представлена в общем объеме изученных образцов 9 фрагментами верхних частей. Они имеют прямой или слегка отогнутый наружу край венчика. Все сосуды отличаются значительной толщиной стенок 7-10 мм. Орнамент нанесен в виде округлых ямок диаметром 5 мм, с внешней стороны, перпендикулярно поверхности, с внутренней стороны оставлены «жемчужины». Внешний край венчика часто украшен вдавлениями овальной формы, по-видимому, тем же орудием, что и ямки. Все изученные образцы (100%)

изготовлены из «жирного» ила со средним и большим содержанием растительности, обломками раковины как естественным компонентом сырья. В состав формовочных масс вводился органический раствор, признаки присутствия которого выявляются по многочисленным пустотам с черным маслянистым и блестящим налетом. Изготовление сосудов было связано с приемами лоскутного налёпа (который, судя по уже известным материалам, является древнейшим технологическим приемом на разных территориях), с формообразованием их в формах-моделях. Приемы обработки поверхностей следующие: простое заглаживание и уплотнение гладким материалом. Обращает на себя внимание тот факт, что преобладающая часть этих сосудов (7 образцов из 9, примерно 78%) имеют следы заглаживания на внутренней, реже и на внешней поверхностях, специфичным орудием, оставившим параллельные широкие бороздки (типа гребенчатого штампа). Полученные данные свидетельствуют о костровом обжиге керамики с длительным периодом обжига при низких температурах в восстановительной атмосфере и непродолжительной выдержкой при температурах калия (650-700°).

Вторая группа керамики более многочисленна. Однако, опираясь только на достоверные признаки принадлежности образцов к данной группе, можно привлечь к характеристике около 30 сосудов. К данной группе отнесены плоскодонные сосуды, орнаментированные с помощью техник накальвания, отступания, прочерчивания и прочерчивания с редкими останками. Выявлена определенная зависимость толщины стенок сосудов от вида сырья, из которого они были сделаны: если из ила, то толщина стенок колеблется от 8 до 10 мм; если из илестых глин, то толщина составляет 5-7 мм. Сосуды второй группы сделаны из трех видов ИПС: илов, илестых глин и природных глин. При этом использовалось только «жирное» сырье (слабозапесоченное и незапесоченное). Из общего количества изученных образцов (91 обр.) только один изготовлен из «тощего» (среднезапесоченного) сырья. Соотношение сосудов из разных видов ИПС в целом по памятнику, учитывая только привлеченную к подсчетам керамику второй группы, составляло: илестые глины - 83%, илы - 10%, глины –

7%. Зафиксирована определенная зависимость рецептуры формовочных масс от вида сырья. Илы, как правило, использовались только с добавкой органического раствора, к илистым глинам и глинам добавляли дробленую раковину и органический раствор. В некоторых случаях можно предполагать наличие в илистых глинах раковины естественного происхождения. Способы изготовления сосудов второй группы также можно связать с лоскутным налепом. Формообразование, вероятно, производилось в формах-моделях с помощью приема выбивания. Способы обработки поверхностей включают простое заглаживание и уплотнение гладким материалом. Уплотнение осуществлялось очень тщательно, часто ему подвергались обе поверхности (внешняя и внутренняя), иногда поверхность сосудов сохраняла блеск. Обращает на себя внимание тот факт, что не обнаружено ни одного случая заглаживания поверхностей сосудов второй группы орудием типа гребенчатого штампа (орнаментированных образцов, которые четко можно отнести к этой группе). На закрепительной стадии можно предполагать применение кострового обжига керамики с длительным периодом обжига при низких температурах в восстановительной атмосфере и непродолжительной выдержкой при температурах каления (650-700°). Только такие условия позволяют сохранять целостность черепка и не выгорать обломкам раковины в черепке.

Характеризуя в целом выделенные группы керамики стоянки Алгай, следует отметить, что: морфологические особенности сосудов первой группы обнаруживают значительную близость елшанской керамической традиции, однако технология изготовления, в частности, представления о пластичном сырье, указывают на нижневолжское происхождение. В культурных слоях неолитических стоянок Волго-Уралья известны сосуды елшанской формы, но изготовленные из илистого сырья. По нашему мнению, они оставлены коллективами, история сложения которых связана с процессами смешения елшанских групп и мигрантов из Нижнего степного Поволжья. Обнаружение такой керамики на стоянке Алгай в Нижнем Поволжье может свидетельствовать о существовании определенных контактов между разными регионами Поволжья.

Морфология и технология керамики второй группы стоянки Алгай очень близки керамике орловской культуры, а именно, Варфоломеевской стоянки.

Раскоп 2016 г. был прирезан к предыдущему раскопу с юго-восточной стороны. Площадь раскопа составила 14 м², толщина культурного слоя – от 1,4 до 1,7 м (по дну жилища) без учета балласта. Культурный слой стоянки стратиграфически делится на два примерно равных по мощности слоя. Балласт, образовавшийся в результате строительства котлована, составляет от 30-40 см. Первые находки были обнаружены в слое 4 (80 см). Средняя часть светло-желтого суглинка доходит до слоя 9-10 (105-110 см с балластом или 80-85 см от дневной поверхности). Под этим слоем была обнаружена хозяйственная яма, наполненная костями животных, имеющая углубление к северо-востоку (ее максимальная глубина -50 см в кв.15) на дне ямы находилась прослойка из золы, под которой залегал более темный слой. В западной стенке раскопа на глубине 110 см (140 см с балластом) начинался борт жилища из плотной материковой глины. Само жилище уходит в северо-восточную стенку, где его глубина составляет 170 см в 15 кв. и 150 см в 13 кв. (без балласта) (рис. 123: 1,2).

Последующие раскопки жилища позволят выяснить его форму и размер, а также получить точные данные о его хронологических границах. С учетом обнаружения многочисленных костей над жилищем и прослойки из золы можно предположить, что оно сгорело, а затем было использовано как хозяйственная яма. Подобные жилища известны на неолитической стоянке Варфоломеевская. Однако по данным автора раскопок – А.И. Юдина – на Варфоломеевской стоянке жилища из верхних слоев пререзают сооружения более нижних горизонтов [Юдин, 2004]. Это может привести к смешиванию разновременных материалов и получению неточных данных. Жилище неолитической стоянки Алгай позволит исследователям получить качественно новые и точные данные.

Материалы полученные в этих двух слоях стоянки Алгай несколько различаются. Это относится как к керамике, так и к каменным орудиям. Данная разница подтвердилась и радиоуглеродными определениями по материалам исследования 2014–2016 годов.

Керамика стоянки Алгай обнаруженная в 2014–2016 гг. обладает рядом идентичных черт. По технико-типологическим параметрам она соответствует материалам Варфоломеевской стоянки [Васильева, 2012; Выборнов, Юдин, Васильева и др., 2016. С. 237]. В 2016 году сосуды стоянки Алгай представлены 50 фрагментами посуды. Все сосуды плоскодонные, орнаментированные с помощью техник накальвания, отступания, прочерчивания и прочерчивания с редкими останковками (рис. 124). Орнаментальные композиции находят близкие аналогии с варфоломеевскими: горизонтальные ряды отступающего накола или прочерка, дополненные зигзагом, наклонными линиями и отдельными наколами; шевроны; композиции из редко поставленных треугольных наколов и насечек. Толщина черепков в среднем составляет 6-10 мм. Сосуды изготовлены лоскутным налепом. Формообразование, по-видимому, производилось в формах-моделях и с помощью приема выбивания. Способы обработки поверхностей включали: простое заглаживание или уплотнение гладким материалом. В некоторых случаях можно предполагать наличие в илестых глинах раковины естественного происхождения. В то же время коллекция стоянки содержит некоторое количество неорнаментированных стенок сосудов, изготовленных из илестых глин с примесью дробленой раковины, со следами заглаживания. При этом следует учитывать, что определения велись по небольшим фрагментам от сосудов, что в принципе допускает использование для разных частей сосудов разных способов заглаживания. Морфология и технология керамики второй группы стоянки Алгай очень близки керамике орловской культуры, а именно, Варфоломеевской стоянки. Следует отметить, что керамика с прочерченным орнаментом встречается не только в нижних горизонтах (18 гор.), но и в верхних (7 гор.), что свидетельствует о продолжительном времени ее существования.

В 2014 году на стоянке было обнаружено около 150 изделий из камня, в 2015 г. – 370, а в 2016 году – 190 изделий. Материалом для работы служил кремьнь светло-серого и темно-серого матового (синеватого) цвета, реже полосчатый и темный кремьнь. В 2016 году обнаружено 5 сколов с нуклеуса. Они небольшие, что говорит о нехватке кремья на стоянке Алгай. Орудия

изготавливались на пластинчатых отщепах, пластинах и отщепах (рис. 125: 1; 127). Скребки составляют наибольшую группу орудий (39 экз.) (рис. 125:1). По форме рабочего края скребки делятся на: округлые, прямые и со скошенным лезвием. Пластины (и пластинчатые сколы) с ретушью и без составляют вторую по численности группу (25 экз.). Геометрические микролиты представлены 9 экз. (рис. 125:2) из них трапеций со струганой спинкой – 1 экз. (рис. 127:8), а сегментов с односторонней ретушировкой дуги 7. У одного вкладыша трапециевидной формы обломан один рабочий край (рис. 127:32). Аналогичные сегменты из такого же сырья хорошо представлены в материалах каиршакского типа Северного Прикаспия. Если в раскопе 2014 года трапеции со струганой спинкой (2 экз.) залегали в верхних слоях памятника – 40–60 см, а сегмент – на глубине 100–110 см, то в 2015 г. все трапеции (9 экз.) были обнаружены и на глубине 80–110 см вместе с сегментами (3 экз.), которые залегали на глубине 70–90 см. Это может свидетельствовать о сосуществовании этих двух традиций, как и в слое 2Б Варфоломеевской стоянки [Юдин, 2004]. Однако раскопки стоянки Алгай в 2016 году свидетельствуют о том, что с 16 по 8 горизонт были обнаружены лишь сегменты, и в 8 слое появляется трапеция со струганой спинкой. Это доказывает, что трапеции со струганной спинкой появились позже сегментов, и они плавно сменяют их. Результаты раскопок 2015 года объясняются тем, что в раскоп попала большая хозяйственная яма, в результате чего артефакты могут быть перемешаны. В горизонте 14 было найдено крупное шлифованное тесло, из светло-серого кремня, которое вертикально залегало в слое (рис. 126:2). Обнаружены проколки на отщепах и пластинах – 5 экз., а так же украшения из морской раковины, имеющие аналоги в Варфоломеевской стоянке [Юдин, 2004].

Для более полного понимания стратиграфии стоянки и решения противоречия относительно смешанного характера геометрических микролитов (по данным раскопа 2015 года) в 20 метрах севернее раскопа Алгай был разбит раскоп № 2 площадью 8 м². По данным стратиграфии он больше напоминал раскоп 2014 года, а главное имел непотревоженные ямами или жилищами культурный слой. Кремневый инвентарь раскопа № 2 (рис. 128; 129) опровергает

возможность сосуществования трапеций со струганой спинкой и сегментов. В нижних слоях (сл. 24) располагаются сегменты (рис. 128), которые затем сменяются трапециями (сл. 14) (рис. 128).

На всем протяжении культурного слоя и, особенно, в его нижней, наиболее насыщенной находками половине, содержалось большое количество обломков костей животных. В сравнении с 2015 г. количество костей животных уменьшилось в 6–7 раз, что объясняется раскопками жилища, поверх которого находилась хозяйственная яма значительно меньших размеров. Обнаружено более 20 позвонков от крупной рыбы.

Остеологический материал, полученный на неолитической стоянке Алгай, был обработан П.А. Косинцевым. В результате исследования мы получили представление об активной охотничьей деятельности неолитического населения. В хозяйственной яме раскопа 2015 года обнаружено огромное количество костей принадлежащих (табл. 5): 607 костей тура (62 особи), 203 кости сайги (50 ос.), 155 костей лошади (47 ос.), 150 костей лошади/кулана, 108 костей кулана (41 ос.), одна кость от одной особи кабана. Как и в коллекции 2014 года обнаружены кости домашней собаки.

Поселение Орошаемое находится в 1.5 км от районного центра Александров Гай и в 150 м от стоянки Алгай. В 1984 году на стоянке были проведены раскопки, которые возобновились в 2014-2016 гг. Культурный слой стоянки достигал 1.2 м [Выборнов, Юдин, Васильева и др., 2016. С. 235].

Керамический материал невыразителен, обнаружен 1 фрагмент с гребенчатым штампом и неорнаментированные стенки сосудов.

Каменный инвентарь соответствует материалам прикаспийской культуры. Кварцит составляет 77% всей коллекции. Из него изготовлены: нуклеус, 3 скребка, наконечник в форме «рыбки» и листовидный наконечник. Кремневые орудия также немногочисленны: 1 нуклеус, 1 скребок и заготовка наконечника.

В слое с прикаспийским материалом были обнаружены кости животных: тур (4 ос.), сайга (4 ос.), лошадь (1 ос.) и мелкий рогатый скот (3 ос.). По костям для данного памятника получена дата – 5667 ± 100 BP.

Раскоп 2015 г. был прирезан к предыдущему с западной и южной сторон. В самых северных квадратах, на понижении был обнаружен третий горизонт светло-коричневого суглинка. Все три слоя разделены прослойками светло-желтого суглинка.

Керамика встречена в незначительном количестве (20 экз.). Сосуды плоскодонны. Найдены типичный для прикаспийской культуры венчик с «воротничком» на внешней стороне и оттиском штампа с квадратными отверстиями. Технично–технологическим анализом исследовано 8 образцов. Первая группа сосудов сделана из илистых глин (7 обр.) Вторая группа керамики (1 обр.) изготовленна из смеси дробленой в сухом состоянии ожелезненной высокопластичной глины и жирного ила [Выборнов, Юдин, Васильева и др., 2016. С. 141]. Технологии керамики 1 группы находят близкие аналогии в гончарстве орловского неолитического населения [Васильева, 2012].

Каменные предметы представлены 111 экз. В качестве сырья использовался серый кварцит 81%. К находкам можно отнести: нуклеус из кварцита; скребло на сколе нуклеуса; пластины из кварцита (12 экз.) и кремня (2 экз.) без ретуши; пластины с ретушью (2 экз.); скребки на укороченных пластинах из кварцита (7 экз.) и кремня (1 экз.); скребки на отщепах (2 экз.) На стоянке обнаружены отщепы и чешуйки.

Изделия с двусторонней обработкой представлены: обломками наконечников стрел в форме «рыбки» (2 экз.); обломком кремневого наконечника и обломком ножа. Обнаружено орудие похожее на «вкладыш», по граням которого нанесена ретушь.

Значительную часть находок в слое составляли кости животных. Обнаружены кости сайги, лошади, тура, овцы. Кости овцы, на данном памятнике, присутствуют практически на всем протяжении формирования слоя прикаспийской культуры [Выборнов, Юдин, Васильева и др., 2016].

В 2016 г. были продолжены раскопки поселения Орошаемое I (энеолитический участок). Прирезка в 16 м² была сделана с юго-западной стороны. Мощность культурного слоя достигала от 230-265 см. Стратиграфически

выделены 3 слоя. Верхний слой (30-60 см) состоит из серовато-коричневого суглинка. Керамика немногочисленна и представлена мелкими фрагментами. Судя по одному венчику и двум стенкам сосудов орнаментированных полой камышинкой можно предполагать сходство с хвалынской культурой [Выборнов, Юдин, Васильева и др., 2017]. Каменный инвентарь верхнего слоя, также немногочисленный. Он представлен отщепами, пластинчатыми отщепами, пластинами из кварцита и кремня, двумя скребками и проколкой из кварцита.

Средний культурный слой (15-60 см) отделен от верхнего светло-желтым суглинком. Керамика малочисленна и невыразительна, судя по двум фрагментам украшенным гребенчатым штампом, она имеет аналогии в прикаспийской культуре. Каменный инвентарь представлен: нуклеусом, крупными отщепами; сколами; пластинами; скребками; двумя ножами и пластиной с ретушью по брюшку (возможно вкладыш). Каменный инвентарь соответствует параметрам прикаспийской культуры [Выборнов, Юдин, Васильева и др., 2017].

Под светло-желтым суглинком залегает третий слой (40-80 см) стоянки Орошаемое I. Керамика немногочисленна, но выразительна. Один из венчиков украшен насечками по внутренней поверхности и подтреугольным наколом с внешней стороны. Второй венчик украшен треугольным напльвом и узким подтреугольным наколом. Керамика из нижнего слоя по своим характеристикам относится к орловской культуре. Каменный инвентарь представлен: отщепами; пластинами с ретушью; скребками на пластинах, продольных сколах и отщепах; половиной сегмента. По своим характеристикам он, как и керамика соответствует орловской культуре.

В работе при описании памятников были подробно рассмотрены и проанализированы проблемные вопросы наиболее ранних неолитических памятников региона – Кугат IV и Кулагайси. Пожалуй, основной проблемой стоянок Кугат IV и Кулагайси является отсутствие сохранившегося культурного слоя на стоянке. Они относятся к развеемым памятникам. Следовательно, можно предположить, что эти стоянки могли регулярно посещаться в разное время. Иначе говоря, они могут содержать в себе как более ранние, так и более поздние

материалы. Это подтверждается находкой двусторонне обработанного ножа, который наиболее вероятно относится к энеолитической эпохе. Материалы стоянок Кугат IV и Кулагайси представлены десятками артефактов, что крайне мало для понимания быта обитателей стоянки. И.Н. Наумова настаивала на преобладании среди орудийного набора стоянок Кугат IV и Кулагайси геометрических микролитов. Это, по мнению исследователя, соответствует мезолитическим группам данного региона. Но сравнительный анализ кремневых комплексов стоянок Кугат IV и Кулагайси с жеколганской и истайской мезолитическими группами [Выборнов, 2008.] показал архаичные признаки кремневых комплексов памятников Кугат IV и Кулагайси. Это подтверждает их более ранний возраст по сравнению с материалами развитого неолита. На памятниках в небольшом количестве обнаружены и округлодонные керамические сосуды, что соответствует раннеолитическому времени. На основании всех имеющихся данных можно с уверенностью говорить о раннеолитическом возрасте памятников Кугат IV и Кулагайси и о формировании каиршакско-тентексорской культуры на местной основе без каких-либо инородных включений [Выборнов, 2008. С. 46].

Из-за песчаных почв степного Поволжья многие памятники не имеют сохранившегося культурного слоя. Так на стоянке Каиршак I [Выборнов, Козин, 1988] культурный слой был раздут ветровой эрозией еще в древности. На стоянке Каиршак III культурный слой сохранился неравномерно [Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 19]. На стоянке Тентексор слой сохранился лишь в понижениях искусственного происхождения: хозяйственных ямах, очагах, котлованах жилищ. На памятниках раннего этапа культурные слои не сохранились. В то же время на стоянке Байбек ситуация схожая с комплексом Каиршака III и Тентексора I. Достоверно культурный слой фиксируется лишь в ямах и зольниках.

П.М. Кольцов акцентирует внимание на ряде различий между материалами поселений Джангар и Тентексор I. При этом исследователь соглашается с их близким хронологическим возрастом. [Кольцов, 2004. С. 118–119]. Отличия проявляются как в керамическом инвентаре: это толстостенность и рыхлость

посуды Тентексора и отсутствие узкого, протянутого накола, так и в кремневом комплексе стоянок. Во-первых, это касается количественных различий в кремневом комплексе стоянок. На поселении Джангар число находок намного превосходит количество артефактов на Тентексоре. Во-вторых, на Джангаре сохраняется микролитичность, а на стоянке Тентексор, пластины намного крупнее и толще. Радиоуглеродные определения верхнего слоя поселения Джангар (6564 ± 44) синхронны стоянке Тентексор (6650 ± 100 ВР; 6540 ± 100 ВР). Следовательно, мы можем наблюдать, как одновременные памятники могут развиваться по-разному.

Одной из главных проблем поселения Джангар является не везде сохранившийся нижний слой и нарушенный верхний слой. В 1 и 2 слоях поселения Джангар присутствуют орудия, которых нет в 3-ем слое. К ним относятся наконечники с боковой выемкой, остря, оформленные по одному краю, пластинки с выделенной ретушью головкой. Первый слой выделяется наличием трапеции со струганной спинкой, скребками стрельчатой и нуклевидной формы, боковыми резцами, листовидными наконечниками стрел, мотыгообразными орудиями и сосудом с наплывом по внутренней стороне [Кольцов, 2004]. Такие новации, как доминирование гребенчатого штампа в орнаментации керамики, широкое применение кварцита и техника двусторонней обработки камня, тоже вызывают ряд вопросов. Можно предположить, что второй слой стоянки Джангар был сильно поврежден верхним (первым) слоем, а в нем обнаружены материалы энеолитического времени.

До сих пор среди ученых нет единого мнения относительно вопроса – являются ли памятники каиршакского и тентексорского типов последовательными этапами одной культуры, или они представляют собой разные культурные образования. В работе уже рассматривались материалы стоянки Качкарстау, которые подтверждают существование на данной территории памятников более ранних, чем Тентексор и Жекалган. Датировки подтверждают данное предположение: Тентексор I – 6660 ± 80 ВР, а Качкарстау – 6730 ± 80 ВР. Хронологический интервал между памятниками каиршакского и тентексорского

типов заполняет не только стоянка Качкарстау – 6730 ± 80 ВР, но и стоянка Байбек в Северном Прикаспии – 6955 ± 80 ВР, что свидетельствует в пользу единой каиршакско-тентексорской культуры.

На джангарской и варфоломеевской посуде специфические каиршакские композиции, состоящие из прочерченных линий в обрамлении наколов, встречаются не часто. Подобная керамика фиксируется в нижних слоях данных поселений, которые их исследователи синхронизируют с существованием Каиршака III. Между тем, подобная синхронизация, в значительной мере, базировалась на радиоуглеродной дате, полученной для нижнего слоя Варфоломеевской стоянки и сходном составе споро-пыльцевого комплекса этого слоя с каиршакским [Юдин, 1995]. Памятники находятся в различных климатических зонах. Варфоломеевская стоянка находится на Севере. Климат там не такой засушливый, и растительный состав значительно отличается. А радиоуглеродные определения нижнего слоя Варфоломеевской стоянки (7250 ± 80 ВР) отличается от каиршакских (7775 ± 42 ВР) примерно на 500 лет. Нижний слой поселения Джангар (6990 ± 90 ВР), судя по радиоуглеродным датировкам, моложе Каиршака III более чем на 700 лет. Варфоломеевка и Джангар по радиоуглеродным определениям более близки стоянке Каиршак I (7230 ± 90 ; 7100 ± 200 ВР).

Результаты исследования каменных индустрий синхронных памятников степного Поволжья и изучение новых материалов стоянок Алгай и Орошаемое I позволили выявить своеобразие в развитии кремневых индустрий в различных районах степного Поволжья. В материалах стоянки Тентексор геометрические микролиты представлены лишь трапециями со струганой спинкой, как и в синхронном ему слое 2А Варфоломеевской стоянки. Эволюционную смену сегментов с гелуанской ретушью на трапеции со струганой спинкой мы можем наблюдать на стоянке Алгай, где в нижних слоях обнаружены сегменты, а в верхних встречаются только трапеции со струганой спинкой. В отличие от приведенных примеров в верхнем слое стоянки Джангар совместно с трапециями со струганой спинкой залегают сегменты с гелуанской ретушью. Подобный

пример подтверждает возможность сосуществования двух традиций. Помимо этого, заготовки для изготовления орудий стоянки Тентексор отличаются от заготовок для изделий синхронных стоянок степного Поволжья. На Тентексоре для изготовления артефактов использовались крупные сколы, а на синхронной стоянке Джангар (верхний слой) доминируют пластины. Изученные материалы различных районов степного Поволжья фиксируют своеобразие развития каменных индустрий.

Примеры особенности развития встречаются и в технологии изготовления керамики степного Поволжья. Технично–технологический анализ керамики данного региона был проведен И.Н. Васильевой [Васильева, 1999; 2006; 2006а; 2008; 2009; 2012; Васильева, Выборнов, 2009; 2016]. Полученные данные свидетельствуют о том, что на стоянках Северного Прикаспия от ранних памятников типа Кугат IV и Каиршак III, до поздних – стоянка Тентексор – для создания посуды использовался исключительно ил. В Нижнем Поволжье технология изготовления сосудов отличается от Северного Прикаспия. В нижнем слое Варфоломеевской стоянки из ила изготовлен 21 % посуды и по мере эволюции стоянки (к верхнему слою) ил, как источник сырья, исчезает. Илистые глины, доминирующие в 3 слое (79%), в слое 2Б (63%), 2А (53%) и верхнем слое (43%), постепенно заменяются глиной. На примере стратифицированной Варфоломеевской стоянки мы можем наблюдать эволюцию сырья от ила в нижнем слое к илистой глине в 2Б и глине в 2А слое. Не на всех памятниках Орловской неолитической культуры происходит эволюция пластинчатого сырья. В то время как на Варфоломеевской стоянке использовались илистые глины и глины, на поздненеолитической стоянке Орловка большая часть сосудов (80%) была изготовлена из ила [Васильева, 2008]. Схожая ситуация складывается и на поздненеолитической стоянке Тентексор I в Северном Прикаспии, где вся керамика изготовлена из илов [Васильева, 1999]. На стоянках Алгай и Орошаемое I также зафиксированы немногочисленные фрагменты сосудов из ила. Вышесказанное подтверждает неравномерность перехода к новому сырью, даже в

границах одной культуры, что свидетельствует об эволюционном своеобразии керамических индустрий в разных районах степного Поволжья.

На основе новых материалов, в том числе стратифицированных стоянок Алгай и Орошаемое, фиксируется своеобразие в развитии кремневых индустрий в разных районах степного Поволжья.

Анализируя материалы неолита степного Поволжья, можно сделать вывод о неравнозначности источников. На ряде памятников количество находок недостаточно для достоверного анализа и валидных выводов. Смешанный характер материалов и разветвленный культурный слой некоторых стоянок приводили исследователей к ошибочным предположениям. Однако, существование опорных памятников с сохранившимися слоями: Каиршак III, Тентексор, Джангар, Варфоломеевка – позволили исследователям получить достоверный материал и создать рабочие модели периодизации и хронологии региона. Исследования новых неолитических стоянок Байбек, Алгай и Орошаемое I дали качественно новый материал и позволили решить ряд спорных вопросов.

2.2. Методика обработки источников.

Проблема перехода от мезолита к неолиту уже давно вызывает повышенный интерес исследователей как на Западе, так и на Востоке Европы. До сих пор ученые не пришли к единому определению содержания понятия неолит. Этому вопросу были посвящены многочисленные работы и исследования, среди которых выделяются два подхода к данной проблеме.

Первый подход отражен в трудах западных исследователей и характеризуется тем, что под термином «неолит» рассматриваются культуры с производящей экономикой. Основной проблемой исследования в данном случае является переход от присваивающей экономики к производящей. Характер, причины и последствия этих изменений остаются предметом обсуждений до сих

пор. Это связано с тем, что с начала 20-х годов, когда Г. Чайлд [Child, 1925] разработал концепцию «неолитической революции», большая часть исследователей начала связывать неолит с земледелием. Чайлд и его последователи до сего времени рассматривают распространение неолита в Европе как сельскохозяйственную колонизацию [Долуханов, 2003. С. 193]. Новые исследования неолита позволили западным ученым расширить список критериев неолита, в него включили оседлость, социальное расслоение и символику. Вскоре термин «неолит» был связан с набором культурно-экономических изменений, включавших применение посуды из керамики, земледелие и скотоводство.

В советской и российской археологии понятие «неолит» отличается от западного. До недавнего времени считалось, что термин "неолит", т.е. новый каменный век, введен в археологическую науку Д. Леббоком в 1865 г. для обозначения исторического периода, в начале которого люди научились шлифовать и сверлить каменные орудия, делать глиняную посуду и заниматься скотоводством и земледелием. Однако когда работа Д. Леббока 1865 года была переведена на русский язык, подобные критерии перехода к неолиту в ней отсутствовали [Ставицкий, 2014. С. 172]. Вероятнее всего, то, что приписывается Д. Леббоку, было сделано Л. Морганом. Именно он считал появление керамики маркером перехода от одной ступени развития к другой [Морган, 1935. С. 10].

А.Я. Брюсов [Брюсов, 1952. С. 6] под неолитическими культурами понимал такие, в которых появляются и развиваются каменные орудия, а так же присутствуют следующие отличия от предшествующей эпохи: 1) появление и развитие орудий и форм предметов, не встречающихся в прошлой эпохе; 2) появление и развитие изделий из другого сырья; 3) отсутствие изделий из металла среди местных изделий, но допустимость появления привозных артефактов.

В данном исследовании, вслед за А.Я. Брюсовым, мы понимаем термин «археологическая культура» как единство археологических памятников на сплошной и ограниченной территории, относящихся к определенному промежутку времени. Это единство выражается в близком сходстве типов орудий труда, утвари, оружия и украшений, находимых в этих памятниках, в сходстве

типов построек и погребальных обрядов, в однообразном изменении их форм с течением времени [Брюсов, 1952. С. 20]. Большинство отечественных археологов принимает данное определение, внося незначительные корректировки [Фосс, 1949. С. 6–19; 1952. С. 47; Третьяков, 1972. С. 21; Формозов, 1959; Гурина, 1973. С. 15; Клейн, 1970. С. 51; Артамонов, 1971. С. 20; Аникович, 1989. С. 120]. М.Е. Фосс первостепенное внимание при выделении и характеристике археологических культур эпохи неолита уделяет керамическим комплексам, особенно орнаментации [Фосс, 1952. С. 66–77].

Ряд исследователей считает, что появление традиции изготовления глиняной посуды, будучи единственным археологически уловимым признаком становления неолита на территории Восточной Европы, не должно рассматриваться лишь как формальный признак. Распространение на огромной территории идентичных керамических традиций в небольшой хронологический период, возможно, имело сакральное значение. Точность копирования технологии изготовления, выбора сырья, орнаментации, форм сосудов свидетельствует о сохранении начальных традиций в среде местного населения на протяжении значительного промежутка времени [Мазуркевич, Долбунова, 2009. С. 80].

Основными единицами археологии были и остаются культуры, которые в отдельных регионах объединяются в культурные общности или области. Обычно для каждого периода выделяются культуры, которые связаны или не связаны с культурами предшествующего периода и последующими образованиями. Так А.Н. Мелентьевым была выделена сероглазовская культура [Мелентьев, 1975], включающая в себя комплексы мезолита и раннего неолита. В дальнейшем за сероглазовскими комплексами оставили только материалы мезолита, а неолитические материалы были выделены в каиршакский и тентексорский культурный тип. Неолитические культуры могут продолжать традиции культур эпохи мезолита, как это происходит в степном Поволжье. Автохтонность неолита данной территории доказывают истайские и жеколганские группы памятников, которые сосуществуют на позднемезолитической фазе. Наличие в кремневом

инвентаре ряда признаков, присущих этим мезолитическим группам, встречаются и в раннеолитических стоянках Кугат IV и Кулагайси.

Вопрос о названии неолитической культуры Северного Прикаспия также оставался открытым. Уже говорилось, что термин «сероглазовская» остается за мезолитической культурой Северного Прикаспия. С этим солидарен и П.М. Кольцов [Кольцов, 1990. С. 62–64]. Поскольку каиршакские и тентексорские комплексы равноценны по информативности материала и пригодности памятников на момент исследования, был рекомендован термин каиршакско-тентексорская культура [Васильев, Выборнов, 1988]. Его дальнейшее изменение вполне приемлемо и не носит важного характера [Выборнов, 2008. С. 36].

Что же касается названия неолитической культуры Нижнего Поволжья, то на данный момент этот вопрос проработан не в полной мере. Вследствие высокого сходства материалов стоянок Джангар и Варфоломеевской по своей информативности было предложено обозначение – джангаро-варфоломеевская [Васильев, Выборнов, 1988. С. 17].

В степном Поволжье выделяются две неолитические культуры. Различий между ними значительно меньше, чем общих черт.

Несмотря на ряд отличительных черт, в степном Поволжье исследователями были выделены две культуры времен неолита. Их сближает серия общих признаков. Для керамического инвентаря это использование илистых формовочных масс с примесью ракушки, плоскодонность посуды, прямостенность и профилированность стенок сосудов, орнаментальные композиции, нанесенные прочерками и наколами чаще всего в верхней части сосуда, сходство мотивов и орнаментальных композиций. Близость в каменном комплексе выражается в пластинчатости, микролитоидности, высоком проценте орудий труда, преобладании скребков, значительном количестве геометрических микролитов (сегменты с гелуанской ретушью и трапеции), отсутствие двусторонне обработанных орудий [Выборнов, 2008. С. 36].

Отличия позднемезолитических памятников степного Поволжья послужили основой различия неолитических культур данной области [Васильев,

Выборнов, Комаров, 1991]. Развитие неолитических культур степного Поволжья, несмотря на некоторые отличия в процессе перехода к энеолиту, всё же достаточно сходны [Выборнов, 2008. С. 37]. Таким образом, вышеперечисленные сходные признаки, касающиеся достаточно существенных сторон развития неолитических культур интересующей территории, позволяют объединить джангарскую и каиршакскую культуры в рамках более высокой таксономической структуры – нижневолжской культурной области [Выборнов, 1988а; Васильев, Выборнов, 1988]. Специфический характер неолита степного Поволжья ни у кого из исследователей (за исключением А.В. Виноградова) и не вызывает вопросов. Предложенные учеными единицы, как североприкаспийская область или североприкаспийский очаг и нижневолжская культурная область, не противоречат, а, скорее, дополняют друг друга [Выборнов, 2008. С. 37–38].

А.И. Юдин считает, что о Варфоломеевской стоянке и поселении Джангар можно говорить как о памятниках, принадлежащих к культурам одной культурной области [Юдин, 2000. С. 42]. На этом основании, соглашаясь с теорией А.А. Выборнова, делает логичный вывод: «Представляется наиболее удачным первое определение – нижневолжская культурная область, так как географически это более широкий ареал, чем собственно Северный Прикаспий и более точно отражает территорию распространения неолитической общности» [Юдин, 2006. С. 17]. Следует отметить наблюдения Е.В. Козина о близком сходстве материалов каиршакского и варфоломеевского типов, что позволило ему присоединиться к выводу А.А. Выборнова о нижневолжской культурной области [Козин, 2002. С. 26]. П.М. Кольцов включает в пределы североприкаспийской области и орловскую культуру [Кольцов, 2004. С. 142; 2005. С. 292], хотя она находится в степной зоне Нижнего Поволжья. За счет этого происходит увеличение территориальных границ данной таксономической единицы. Более основательным для понимания ситуации в соотношении культур степного Поволжья является следующее рассуждение П.М. Кольцова: «В то же время, как отмечалось нами выше, именно в неолите складываются этнические общности. Следовательно, имеются все предпосылки говорить о том, что перечисленные

выше культуры принадлежат не только одной культурно-исторической области, но и, возможно, общности этнического порядка» [Кольцов, 2004. С. 142]. С данным рассуждением солидарен и А.И. Юдин, который выделяет нижеволжскую культурную общность. А.И. Юдин отмечает, что «относительно неолитических культур Нижнего Поволжья можно утверждать, что в результате их изучения и сопоставления «область» вполне обоснованно можно заменить на «общность», учитывая их единое генетическое происхождение и финал в рамках мариупольской общности» [Юдин, 2003. С. 36]. Позднее исследователь отмечает, что «более высокий таксономический ранг этих культур – именно общность, а не область, так как все три культуры, несомненно, обладают признаками единого происхождения, их развитие было подвергнуто общим закономерностям и хорошо прослеживаются следы их культурного взаимодействия» [Юдин, 2006. С. 17]. Ведутся дальнейшие разработки критериев обозначения нижеволжского неолита культурно-исторической областью или общностью [Юдин, 2006а. С. 3–12; 2007. С. 6–17; 2008. С.3 62–373].

Материалы неолитических стоянок левобережья Северного Прикаспия объединяются рядом технико-технологических признаков. В керамическом инвентаре - это использование илов, баночная и профилированная формы сосудов, плоскодонность, орнаментация выполненная наколами и прочерками, образующими геометрические узоры. В каменном комплексе - это единство отражается пластинчатым характером скалывания, высоким процентом орудий, преобладающей ролью и многообразием скребков, а также наличием геометрических микролитов с «гелуанской» ретушью [Выборнов, 2008. С. 23]. Эти признаки являются маркером для каиршакской культуры. Но, помимо каиршакской культуры, в Северном Прикаспии существуют памятники тентексорского типа. Их таксономический уровень не столь ярко выражен, отсюда появляется вопрос о соответствии их схеме выделения культур предложенной в 50-х г. XX в.

В работе с комплексами степного Поволжья использованы типологический, стратиграфический, планиграфический и картографический методы. При работе с

массовым материалом применялись статистический и формально-классификационный методы. Большое внимание было уделено результатам радиоуглеродного датирования неолитических материалов, которые производились в ряде лабораторий, в том числе на АМС. Повышенное внимание при работе с керамическими коллекциями стоянок степного Поволжья уделялось результатам технико-технологического изучения неолитической керамики осуществленного И.Н. Васильевой.

Одни исследователи, выделяя археологические культуры, рассматривают керамику эпохи каменного века в качестве равнозначного фактора среди других материалов — орудий труда, украшений, жилищ, позволяющих судить об этнических общностях [Брюсов, 1952; Формозов, 1965]. Другие придают ей первостепенное значение [Фосс, 1949.]. Вероятнее всего, что ближе к истине вторая группа археологов [Третьяков, 1984. С.76], но следует подчеркнуть, что роль керамики и ее орнаментации в процессе определения археологических культур не оспаривается никем. Это объясняется тем, что у различных этнических общностей исторически складываются различные комплексы узоров, которыми украшаются посуда, утварь, одежда. Каждый из этих комплексов характерен лишь для одной народности, хотя отдельные узоры могут иметь очень широкое распространение. Исследователи подчеркивают, что у родственных народностей сходство в украшении бытовых предметов проявляется гораздо заметнее, чем у чуждых друг другу групп населения.

При работе с керамическими комплексами памятников за основу была взята методика, разработанная Н.Н. Гуриной, для неолитической посуды [Гурина, 1988]. В результате археологических исследований накоплено огромное количество керамического материала. Однако методика его обработки отстает от темпов накопления. Первейшим этапом обработки керамики является выделение фрагментов одного сосуда. Это трудоемкий процесс, позволяющий определить количество и форму сосудов на поселении и восстановить орнаментацию [Гурина, 1988. С. 3].

Долгие годы основой для описания керамики служила работа В.А. Городцова [Городцов, 1901. С. 577–672], в которой каждый термин ассоциировался у исследователей только с одним конкретным понятием. При сопоставлении культур огромное значение имеет орнаментация керамики. Однако часто термины «узор», «композиция», «элемент», «мотив» употребляются произвольно. Отсутствует единообразие в наименовании элементов орнамента. Учитывая эти факторы, группа ЛОИА разработала схему изучения и описания керамики. Основной задачей была унификация анализа и описания керамики по всем параметрам и установление единых понятий с целью выявления общих и особенных ее черт в отдельных памятниках и культурах [Гурина, 1988. С. 3].

Наиболее сложным является исследование орнамента. Необходимо рассматривать орнаментацию сосудов в целом и в то же время выделять ее составные части. Принято понимать орнамент как узор, построенный на ритмическом чередовании геометрических или иных элементов [Гурина, 1988. С. 3]. Описание следует начинать с исходных элементов, лежащих в основе орнаментации, в случае степного Поволжья это прочерки и наколы.

Благодаря различным сочетаниям слагаются мотивы. В нашем случае это преимущественно геометрические фигуры, построенные сочетанием прочерченных и накольчатых линий. Мотивы сложного строения, образующие горизонтальные, вертикальные или диагональные ряды, слагают зоны. Орнамент складывается в композицию. Особое значение приобретают мотивы, и потому они должны выделяться из всей орнаментации, не подменяясь частью композиции [Гурина, 1988. С. 4].

Изучение технологии производства неолитической посуды проводилось на основании историко-культурного подхода разработанного А.А. Бобринским [Бобринский, 1987; 1999]. В ряде работ, И.Н. Васильева исследует неолитические памятники степного Поволжья. [Васильева, 1997. С.193; 1999. С.97; 2006. С.435; 2008; 2009. С.78]. Методика исследования основана на бинокулярной микроскопии, тематически строгих экспериментах, трасологии, сравнении археологических образцов с эталонными сериями, а также на статистической

обработке полученных результатов. В целом, данные, полученные в результате технико-технологического анализа, представляют собой систему взаимосвязанных признаков, по которым можно реконструировать навыки труда на следующих ступенях естественной структуры гончарного производства. Любое гончарное производство включает три последовательных стадии, которые делятся на ступени: 1 — подготовительная стадия, в рамках которой происходит отбор, добыча и подготовка исходного сырья, а также составление формовочных масс; 2 — созидательная, связанная с конструированием, формообразованием и механической обработкой поверхностей сосудов; 3 — закрепительная, включающая операции по приданию изделиям прочности и водонепроницаемости [Бобринский, 1997. С. 92].

Исследование должно включать характеристику технологии сосудов и их формы: 1 — отощитель глины (органический, неорганический — трава, песок, дресва, шамот, раковина и др.); 2 — техника лепки (подлеп, налеп-стыковка, выколачивание, применение твердой основы); 3 — толщина стенок (тонкие 0,5—0,7, средние — 0,7—0,9, толстые — 1,0—1,5 см); 4 — обработка поверхности, одной или обеих (заглаживание-рукой, расчесы штампом, штриховка, ангобирование); 5 — форма сосуда в целом (полуяйцевидная, профилированная); а — срез края (прямой, скошенный, приостренный, утоньшенный, гофрированный, с орнаментом или гладкий); б — форма шейки (сильно вогнутая, слабо вогнутая, сосуд непрофилированный), в — стенки (прямые, слабо отогнутые, сосуд «закрытой» формы), г — днище (острое, приостренное, округлое, уплощенное, плоское, шиловидное, оттянутое).

Для микроскопического изучения были отобраны все имеющиеся в коллекции целые сосуды, а также крупные фрагменты верхних и донных частей сосудов — всего 306 образцов керамики из коллекций следующих памятников: Кугат IV (2), Каиршак I(10), Каиршак II (2), Каиршак III (164), Каиршак IV (2), Тентексор I (10), Тентексор II (1), Тентексор III (1), Кызыл-Хак (2), Тау-Тюбе (2), Буровая 42 (2), Жекалган I(1), Жекалган III (1), Досанг 3 (1), Комбак-Тэ (1), Харабали (1), Аксарайская (1). Выборка образцов керамики, вполне достаточна

для выработки суждений обо всем керамическом материале исследованных памятников [Васильева, 1999. С. 76].

Таким образом, для гончарства неолитического населения Северного Прикаспия были характерны следующие черты: 1) представление об илах как сырье для изготовления посуды; 2) отбор сырья: слабозапесоченного и запесоченного; 3) на ступенях добычи и обработки сырья: приемы добычи сырья во влажном состоянии, его очистка от крупных примесей и подсушивание; 4) введение в формовочные массы органических растворов; 5) на ступени конструирования начина: однослойное налепливание и с дополнительным наращиванием днища; 6) на ступени конструирования полого тела: распространение двух способов — лоскутного комковатого налепа и лоскутного спиралевидного налепа; 7) использование форм-моделей на ступени формообразования; 8) применение простого заглаживания и лощения поверхностей; 9) низкотемпературный обжиг сосудов, с использованием органических растворов на закрепительной стадии производственного процесса [Васильева, 1999. С. 93].

Одним из важнейших неолитических памятников является Варфоломеевская стоянка. С данного памятника к микроскопическому анализу было привлечено 263 образца от разных сосудов из 4-х слоев стоянки, которые были четко зафиксированы в стратиграфических слоях. Микроскопическое исследование керамики Варфоломеевской стоянки позволило установить, что для ее изготовления использовались все три вида исходного пластинчатого сырья: ил, илистая глина и глина. В результате исследования установлено, что; во-первых, очевидно изживание традиций использования илов; во-вторых, увеличение доли глины в пластинчатом исходном сырье; в-третьих, довольно устойчивый объем илистых глин, доля которых практически не уменьшается к эпохе энеолита [Васильева, 2012].

Для сравнения с Варфоломеевской стоянкой использовался технико-технологический анализ памятника Алгай. Проводимый по методике А.А. Бобринского анализ показал, что керамика стоянки изготовлена из жирного

ожелезненного пластинчатого сырья. Наличие нитевидной растительности позволило выделить два типа сырья: илистые глины – 62% (с наличием остатков растительности) и глины – 37% (без признаков растительности). В материалах стоянки Алгай полученных в 2014 г. следов применения илов (как в материалах 3 слоя Варфоломеевской стоянки) в качестве сырья отмечены не были. В керамике обнаружена примесь раковины. Сосуды из обоих типов сырья были обнаружены практически во всех слоях памятника. В формовочной массе была выявлена примесь толченой раковины и органические растворы животного и растительного происхождения. Изучение формообразования и конструирования сосудов было осложнено фрагментированным состоянием материала. Сосуды были сделаны лоскутным налепом, а обработка поверхности осуществлялась заглаживанием и уплотнением поверхности [Выборнов, Юдин, Васильева и др., 2015. С. 237].

Сравнение приемов изготовления сосудов стоянок Алгай и Варфоломеевская показало их существенную близость на всех ступенях гончарной технологии, особенно с навыками изготовления керамики из слоев 2Б и 2А [Васильева, 2009. С. 65-77; Васильева, 2012; Выборнов, Юдин, Васильева и др., 2015; Васильева, Выборнов, 2016].

Полученные данные по неолитической гончарной технологии имеют определенное значение для анализа процессов культурогенеза в степном Поволжье. Гончарные традиции населения этих культур (представление об илистых глинах как сырье для керамики, а также добавление в формовочные массы толченой раковины) уходят корнями в неолитическое гончарство региона. Взгляды на пластинчатое сырье, по мнению А.А. Бобринского, относятся к наиболее устойчивым элементам гончарной технологии, к группе субстратных навыков, которые способны сохраняться без видимых изменений очень длительное время даже в условиях смешения культурных традиций разных групп населения [Бобринский, 1997. С. 34].

Работа с кремневым инвентарем осуществлялась на основе типологических разработок предложенных коллективом авторов. Данная схема была дополнена некоторыми элементами классификации кремневых орудий разработанной Д.Я.

Телегиным на материалах мезолита-неолита степной зоны Украины [Телегин, 1978].

Некоторые памятники были подвергнуты трасологическому методу определения функций каменных орудий предложенный С.А. Семеновым. Дальнейшее развитие он получил в работах Г.Ф. Коробковой и В.Е. Щелинского. Параллельно с трасологическим методом развивался технологический. Здесь следует отметить монографию «Технологический анализ каменных индустрий» Е.Ю. Гири [Гиря, 1997], и П.Е. Нехорошева «Технологический метод изучения первичного расщепления камня Среднего Палеолита» [Нехорошев, 1999]. В 2000 г. вышла работа Г.Н. Поплевко «Методика комплексного исследования каменных индустрий» [Поплевко, 2000], где постулируется необходимость объединения технологического и трасологического изучения камня в рамках единого исследования – комплексного. Для работы с комплексами мезолита – раннего неолита Северного Прикаспия применялись исследования И.В. Горашука [Горашук, 2007].

Данные планиграфии и стратиграфии ряда памятников позволили установить локализацию материалов в пределах раскопа и позволили выделить участки хозяйственной активности населения. Наиболее значимый материал был получен со стоянки Байбек. Значительное количество ям и зольников позволили установить типологию и хронологию как различных форм сосудов, так и связать ее с геометрическими микролитами. Картографический метод использовался для выявления ареала распространения неолитических памятников в пределах степного Поволжья, и реконструкции возможных путей передвижения населения в рамках указанной территории.

Поскольку на территории степного Поволжья не всегда сохраняются органические остатки (уголь), а радиоуглеродные датировки по костям и почве не всегда соответствуют периодизации исследуемых культур, была предпринята попытка датировать органику в керамике. Датирование проводилось в Киевской радиоуглеродной лаборатории и лаборатории Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Данная методика достаточно

подробно освещена в печати [Skripkin, Kovalyukh, 1998; Ковалюх, Скрипкин, 2007; Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2008; Зайцева, Скрипкин, Ковалюх и др., 2008; Zaytseva, Skripkin, Kovalyukh и др., 2008; Zaitseva, Skripkin, Kovalyukh и др., 2009; Зайцева, Скаковский, Посснерт и др., 2011; Кулькова, 2014]. Кроме того, была проведена работа по перепроверке полученных дат. Она осуществлялась как в отечественных лабораториях, так и за рубежом на АМС. Рассмотрена серия радиоуглеродных определений полученных по почве, костям и раковине из раннеэнеолитического слоя ряда памятников. Работа с датами осуществлялась согласно рекомендациям опубликованным Г.И. Зайцевой [Зайцева, 2004]. Калибровка дат проводилась в программе OxCal 3.10.

Для выяснения некоторых вопросов методического характера привлекались специалисты естественных наук: ботаники, геологи, зоологи. Работа по идентификации растительных остатков в керамике Северного Прикаспия выполнялась на кафедре ботаники СамГПУ под руководством В.И. Матвеева. Итогом исследования явилось, описание и обоснование проведенной идентификации растений. Основной задачей проведения данного анализа было выявление различий между глинистым и глиноподобным сырьем. Однако полученные данные указывают больше на значительное сходство минералогического состава илов и глин, чем на их различие.

Палеозоологический анализ стоянки Байбек, проведенный П.А. Косинцевым, способствует определению видового состава фаунистических останков. Это позволяет реконструировать характерные и особенные черты хозяйственной деятельности обитателей стоянки. Открытием явилось обнаружение костей рыб, что придает уникальность данному памятнику.

Почвоведческий анализ, проведенный И.В. Ивановым, позволяет предположить, что почва стоянки Байбек вполне могла сложиться за период с 7200-6950 ВР. Сравнение почв стоянок Каиршак III и Байбек позволяет предположить, что почва Байбека менее развита и формировалась позднее, чем почва Каиршака III, что, по мнению И.В. Иванова, требует проверки. Это

предположение подтверждается, полученными в настоящее время радиоуглеродными датами по обоим памятникам.

Материалы дистанционного зондирования земли установили уровень акватории Каспия в неолитический период. Он превышал современный на 7 м и находился в пределах отметок от 20 до 22 метров. Абсолютные отметки показывают, что в этот период акватория Каспийского моря могла находиться в непосредственной близости от стоянки Байбек [Антимонов, 2014. С. 18].

В работе был задействован ряд теоретических методов исторического исследования. Историко-сравнительный и историко-типологический методы использовались для выявления стадийных этапов взаимодействия археологических культур, а также общего и частного в характере развития раннего неолита лесостепного Поволжья. Принцип историзма позволил рассмотреть неолитический период от мезолита до энеолита и связать со схожими явлениями сопредельных регионов.

В результате комплексного подхода и междисциплинарного исследования материалов неолита степного Поволжья, используемых в едином методическом ключе, мы получаем качественно новую информацию позволяющую решить дискуссионные вопросы и создать рабочую типологическую и хронологическую модель региона.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ, ХРОНОЛОГИИ И ХОЗЯЙСТВА

3.1 Периодизация и хронология неолита степного Поволжья

В середине 70-х г. XX века А.Н.Мелентьев выделил сероглазовскую культуру. Автор определял ее хронологические рамки VII–VI тыс. до н.э., опираясь на аналогии сегментам с двусторонней обработкой дуги в натуфийской культуре, датированной радиоуглеродным методом [Мелентьев, 1976. С.11–13; 1978. С. 101]. Таким образом, предположение о более раннем времени сложения неолита в южных областях получило еще одно подтверждение.

Стоянки Каиршак III и Каиршак I имели схожие материалы, что позволило ученым выделить их в особый культурный тип, названный «каиршакским» [Васильев, Выборнов, Козин, 1988. С. 43]. Выше уже сравнивались хронологические позиции каиршакской и тентексорской групп, но в том же районе была обнаружена еще одна группа памятников – типа Кугат–Кулагайси [Козин, Комаров, 1988. С. 7–14]. Кремневый инвентарь памятников Кугат IV и Кулагайси имеет более архаичный облик, чем на стоянках каиршакского типа. Это подтверждается наличием пластин со скошенным концом, остриями, параллелограммами, сегментами (с двух и односторонней обработкой дуги), а также симметричными трапециями. Кремневые орудия сопоставляются с известными в данном регионе мезолитическими стоянками [Васильев, Выборнов, Комаров, 1988; Мелентьев, 1977]. Керамический комплекс так же выглядит древнее памятников каиршакского типа: керамика округлодонна, орнамент нанесен прочерком и единичными наколами [Васильев, Выборнов, Козин, 1988. С. 43].

Исследования материалов стоянок каиршакского типа предоставили ученым возможность на основании технико–типологических признаков строить

первые хронологические модели и высказывать предположения о преемственности памятников. Полученные комплексы позволили выделить следующие этапы в развитии населения Северного Прикаспия: ранний, представленный памятниками Кугат и Кулагайси, развитый – каиршакский тип, а так же поздний – тентексорского типа [Васильев, Выборнов, Козин, 1988. С. 43; Козин, 1987].

Раскопки поселения Джангар позволили П.М. Кольцову отметить в каменном комплексе значительное снижение отщеповой техники: в первом слое – 51%, во втором 33% и 25% в третьем. Автор раскопок считал это технической переориентацией в развитии каменной индустрии и отмечал это как важный хронологический индикатор [Кольцов, 1988. С. 52]. Сопоставление каменного инвентаря трех слоев поселения Джангар выявило как определенную близость между собой, так и различия, которые не являются принципиальными и позволяют рассматривать их в качестве отдельных хронологических звеньев в развитии одной и той же культуры [Кольцов, 1988. С. 84]. Анализ материалов поселения Джангар позволил П.М. Кольцову сделать следующие выводы: во-первых, все три комплекса в культурном отношении едины; во-вторых отличия между верхним и двумя нижними (3 и 2 слои) отражают два хронологических этапа в существовании стоянки.

Для выяснения периодизации и хронологии рассматриваемого периода большое значение имеет керамика. В первую группу были выделены сосуды с прочерченным орнаментом. Аналоги керамики этой группы встречаются в средних слоях Ракушечного яра [Белановская 1976, 2003] и на Виловатовской стоянке [Васильев, Выборнов, Габяшев и др., 1980. С. 185]. На территории Северного Прикаспия подобная керамика прослежена на стоянках Каиршак I [Выборнов, Козин, 1988] и III [Васильев, А.А. Выборнов, Е.В. Козин, 1989]. Сосуды второй группы отличаются лишь накольчатым орнаментом, которые по составу теста глины, форме и орнаментации могут быть сопоставимы с Виловатовской и Ивановской стоянками [Моргунова, 1980]. Аналоги керамике этой группы можно встретить и на волгоградских стоянках Орловка [Мамонтов,

1974], Алтата [Деревягин, Третьяков, 1974]. Определенное сходство встречено и на территории Северного Прикаспия на стоянках Тентексор и Жекалган.

Отмеченные аналогии позволили предположительно датировать первый этап поселения Джангар второй половиной V тыс. до н.э. Важно, что эти данные совпадают с радиоуглеродной датой – 6100 ± 70 ВР полученной по древесному углю со второго горизонта стоянки [Кольцов, 1988. С. 88].

Для определения хронологической позиции второго этапа наиболее показательной является профилированная керамика, орнаментированная гребенчатым штампом, а так же кремневый инвентарь. П.М. Кольцов хронологически сопоставляет второй этап Джангара с гребенчатой керамикой верхних слоев Ракушечного яра. Отмечая, что подобная керамика на Джангаре составляет лишь 1% коллекции, в то время как на памятниках Нижнего Дона, она является ведущей. Это свидетельствует о том, что данный тип сосудов появляется к концу существования стоянки и не получил распространения. Это позволило предположить, что материалы верхнего горизонта Джангара отражают период, когда начинают формироваться культуры, характеризующие уже энеолитический этап [Кольцов, 1988. С. 88]. На территории степного Поволжья уже в пределах первой половины IV тыс. до н.э. начинают складываться ранние энеолитические памятники с гребенчатой керамикой [Васильев, 1981. С. 58–66]. Учитывая вышесказанное, для существования второго этапа поселения Джангар наиболее приемлимым является начало IV тыс. до н.э. Подтверждением этому служит радиоуглеродная дата, полученная для верхнего горизонта поселения Джангар – 5980 ± 70 ВР [Кольцов, 1988. С. 88]. Полученный вещевой материал поселения Джангар, отвечающий критерию надежности, позволил провести технико-типологические сравнения с другими неолитическими комплексами, а с появлением радиоуглеродных датировок, стало возможным проводить еще и хронологические соотношения памятников неолита.

А.И. Юдин определяет хронологические рамки орловской культуры на основании типологического сравнения с памятниками сопредельных территорий, а так же на основании радиоуглеродных, палинологических и палеомагнитных

данных [Юдин, 1995. С.9]. Средний неолит характеризуется нижним слоем Варфоломеевской стоянки. На сопредельных территориях наибольшее технико-технологическое сходство выявлено с нижними третьим и вторым слоями поселения Джангар. Это подтверждается не только общими для нижневолжского региона признаками, но и четырьмя основными группами керамики, тождественностью 15-и орнаментальных композиций, а так же наличием в кремневом инвентаре сегментов и трапеций [Юдин, 1995. С. 9].

Для Варфоломеевской стоянки аналогии прослеживаются и в материалах стоянок Виловатовская, Ивановская, а так же Каиршак III, которую П.М. Кольцов и А.И. Юдин синхронизировали с нижним слоем Джангара, чей возраст датируется второй половиной V тыс. до н.э. (6100 ± 70 BP) [Кольцов, 1988. С. 88]. Однако данная дата вступает в определенное противоречие с радиоуглеродными определениями возраста нижнего слоя Варфоломеевской стоянки.

Некалиброванная дата нижнего слоя Варфоломеевской стоянки – 6980 ± 200 BP очень близка датам, полученным на стоянке Каиршак III: 6950 ± 100 , 6720 ± 80 BP. Синхронность стоянки Каиршак III и нижнего слоя Варфоломеевки подтверждается и составом споро-пыльцевых комплексов (по данным Е.А. Спиридоновой). Таким образом, данный этап датируется первой половиной V тыс. до н.э. Поздний неолит на Варфоломеевской стоянке представлен горизонтами 2Б и 2А. Слой 2Б отнесен к первому этапу позднего неолита и синхронизируется с нижней половиной верхнего слоя поселения Джангар, это подтверждается радиоуглеродными датами для слоя 2Б – 6090 ± 160 BP и 6400 ± 230 BP и указывает на вторую половину V тыс. до н.э. [Юдин, 1995. С. 9].

Второй этап позднего неолита представлен слоем 2А Варфоломеевской стоянки. Для него получена серия калиброванных дат: 4351-4337; 4226-4002; 4334-4047; 4214-3991 BC, которые, по мнению А.И. Юдина, хорошо укладываются в хронологическую шкалу финального неолита Поволжья [Юдин, 1995. С. 9].

Верхний слой Варфоломеевской стоянки отнесен к переходному неолитическому периоду, на основании появления в нем воротничковой и

гребенчатой керамики. Таким образом, верхней хронологической границей орловской культуры можно считать начало IV тыс. до н.э. [Юдин, 1995. С. 10].

Сравнительный анализ материалов поселения Джангар и Варфоломеевской стоянки показал, что керамика данных памятников подвержена как общим, так и специфическим закономерностям в своем развитии. На основе анализа кремневого инвентаря, исследователь пришел к сходным выводам. [Юдин, 1995].

В 1998 г. Ю.А. Лаврушин, Е.А. Спиридонова, Л.Д. Сулержицкий получили абсолютные даты по углистой почве стоянок Каиршак III, VI и Тентексор. Для нижнего культурного горизонта памятника Каиршак III опубликованы следующие радиоуглеродные датировки: низ слоя – 6950 ± 190 BP, верх слоя – 6720 ± 80 BP [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998. С. 51–56]. Эти даты сопоставлялись с определениями, полученными на Варфоломеевской стоянке – 6980 ± 200 BP для нижнего слоя. Для второго горизонта каиршакской культуры получена радиоуглеродная дата – 6100 BP [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998, С. 54], которая совпадает с датой – 6100 ± 70 BP по древесному углю со второго горизонта стоянки Джангар, а так же синхронизируется с радиоуглеродными датировками для слоя 2Б Варфоломеевской стоянки (6090 ± 160 и 6400 ± 230 BP) и указывает на вторую половину V тыс. до н.э. Таким образом, эти датировки позволяли синхронизировать поздний этап каиршакской культуры, развитой этап джангарской культуры и поздний этап орловской культуры.

По почве со стоянки Тентексор была получена радиоуглеродная дата – 5500 ± 150 BP, выглядывшая на фоне даты Каиршак III валидной, так как материалы стоянки Тентексор относились к позднему неолиту, а стоянки Каиршак III к раннему этапу.

В начале 2000-х г. источниковедческая база значительно возросла, что позволило более точно определять место неолитических памятников среди культурных образований сопредельных регионов. Но новых радиоуглеродных дат по неолиту степного Поволжья получено не было, что затрудняло определение абсолютной хронологии. Кроме того, в той совокупности радиоуглеродных дат,

имевшиеся на соответствующий момент, прослеживались определенные противоречия.

Слои Варфоломеевской стоянки формировались на протяжении более тысячи лет. Нижний (3) слой датируется 6980 ± 200 ВР, судя по калиброванным датам слой 2А относится к последней трети V тыс. до н.э. Интервал одной из этих дат приходится на конец V начало IV тыс. до н.э. Верхний слой относится к энеолитическому времени, хотя сохраняет основные черты неолита [Юдин, 2000. С. 41].

Ранее уже упоминалось культурно-хронологическое сходство Варфоломеевской стоянки с памятниками Каиршак III, Тернтексор и Джангар. Остановимся на этом подробнее. Находки из третьего слоя Варфоломеевской стоянки сопоставляются с материалами каиршакского типа [Выборнов, Козин, 1988. С. 92–105; Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 18–46]. Сравнивая керамику стоянок, прослеживается сходство в форме сосудов: баночные открытые и закрытые, плоскодонные и профилированные, а так же наличие сосудов ладьевидной формы (на стоянке Каиршак III найден лишь один сосуд). Несмотря на отличия в технике нанесения орнамента: Каиршак III – прорисованный с одиночными наколами, а Варфоломеевка – накол в отступающей манере, орнаментальные композиции памятников находят ряд аналогий. В кремневом комплексе стоянки сближает: пластинчато-отщеповый характер индустрии, микролитичность, явное преобладание скребков, а так же большое количество геометрических микролитов. Хронологическое единство памятников подтверждают радиоуглеродные даты доступные на тот момент: 6980 ± 200 ВР – нижний слой Варфоломеевской стоянки и 6950 ± 190 ВР – для Каиршака III [Барынкин, Козин, 1998. С. 69]. Основываясь на эти данные, А.И. Юдин считает возможным, говорить о единой культурной подоснове памятников Каиршак III и стоянки Варфоломеевская.

Сравнительный анализ керамики нижнего слоя Варфоломеевской стоянки и 2-го и 3-го слоя Джангара показал их синхронность [Юдин, 2000, С. 42]. На памятниках выделены четыре типа керамики, которые совпадают по форме и

некоторым орнаментальным композициям. Кремневые комплексы нижнего слоя поселения Джангар и Варфоломеевской стоянки находят ряд аналогий в материалах Северного Прикаспия. Единство прослеживается в сегментах с двухсторонней и односторонней ретушировкой дуги, а так же в трапециях, обработанных по боковым граням.

По технико-типологическим характеристикам материалы слоя 2Б Варфоломеевской стоянки наибольшие аналогии находят с верхним слоем поселения Джангар. Памятники сближает как аналогичная форма сосудов, так и наличие напыла на внутренней стороне венчика. Это подтверждается и сходством в орнаментальных композициях. Лишь две композиции поселения Джангар не находят схожих узоров в керамике Варфоломеевской стоянки, и они украшены гребенчатым штампом (1,8% коллекции). Керамика слоя 2А Варфоломеевской стоянки в отличие от нижних слоев все больше различается с материалами поселения Джангар. В слое 2А напыль на внутренней стороне венчика украшается орнаментом, и постепенно эволюционирует в воротничок на внешней стороне сосуда, по мнению А.И. Юдина, чего не встречено на посуде Джангара. [Юдин, 2004]. Количество слабопрофилированной керамики на поселении Джангар на 17% больше чем на Варфоломеевской стоянке. Наибольшее ее количество, концентрируется в верхнем слое поселения Джангар. Еще одним отличием является сокращение прочерченной керамики на Варфоломеевской стоянке. Ее количество плавно уменьшается от нижнего слоя к верхнему и заменяется накольчатой керамикой. В слое 2А присутствуют орнаментальные композиции, которых нет на поселении Джангар. К ним относятся: прямоугольники, косая сетка, шестиугольники, плетенка, «сотový» орнамент. На раннем этапе материалы Варфоломеевской стоянки и поселения Джангар находят много общих черт, но в двух верхних слоях Варфоломеевской стоянки появляются различия: это преобладание трапеций со струганой спинкой, в то время как на Джангаре сегменты сосуществуют с трапециями. Главным же отличием можно считать различный характер вторичной обработки орудий

[Юдин, 2000. С. 43]. На Варфоломеевской стоянке техника двухсторонней оббивки, противоположающей ретуши почти не применялась, в отличие от Джангара.

П.М. Кольцов считает наиболее вероятной датой для позднего неолита Северо-Западного Прикаспия – 2-ю половину V тыс. до н.э. Подтверждает это радиоуглеродное определение, полученное для верхнего слоя поселения Джангар – 5890 ± 70 BP [Кольцов, 1988. С. 16]. Развитой этап неолита, исследователь определяет второй половиной VI – первой половиной V до н.э., отмечая, что эти данные согласуются с радиоуглеродными определениями стоянки Джангар, полученными из 2-го культурного слоя (6100 ± 700 BP) и из шурфа, заложенного на памятнике (6870 ± 130 BP) [Кольцов, 2004. С. 108]. Памятники раннего этапа П.М. Кольцов определяет первой половиной VI тыс. до н.э., ориентируясь на определение возраста Чохского поселения и культур сопредельных территорий [Кольцов, 2004. С. 104–105].

Однако данные определения вызывают ряд вопросов. Дата 6100 ± 70 BP означает конец V тыс. до н.э., а не первую половину. Остаются вопросы и касательно изъятия материала из шурфа, это особенно актуально для второго слоя, так как он был поврежден хозяйственными постройками. Значительный хронологический разрыв между ранним и развитым этапами джангарской культуры так же вызывает ряд вопросов. Учитывая схожесть ранненеолитических материалов Тубузгухудука и 3-его слоя Джангара, такой хронологический разрыв кажется маловероятным. Не случайно ряд исследователей сохранил свои прежние позиции, внося лишь незначительные поправки [Выборнов, 2003. С. 63; Юдин, 2004; 2006б. С. 18–20].

А.И. Юдин разделяет позицию П.М. Кольцова, о времени существования ранненеолитических памятников, отмечая, что оно не может быть позднее первой четверти VI тыс. до н.э. [Юдин, 2006б. С. 19]. Но по радиоуглеродному датированию памятники развитого этапа фиксировались рубежом VI–V тыс. до н.э., иначе говоря, образуется значительный хронологический разрыв порядка 750 лет.

А.А. Выборнов предполагает, что дата, полученная П.М. Кольцовым, вероятнее всего, относится ко 2-ому слою Джангара (6870 ± 130 ВР), который залегал в белесом, насыщенном известью, суглинке с включениями карбонатов [Кольцов, 2004. С. 52–53]. Данный слой мог возникнуть при аридизации, приходящейся, по мнению ученых, на последнюю четверть VI тыс. до н.э. А значит, нижний слой поселения Джангар можно отнести к третьей четверти VI тыс. до н.э. В таком случае ранний неолит в данном регионе может датироваться первой половиной VI тыс. до н.э. как предполагают П.М. Кольцов и А.И. Юдин [Выборнов, 2008]. Однако, это является одной из версий интерпретации, которая нуждается в дополнительной проработке и новых аргументах.

Е.В. Козин для ранненеолитических памятников кугатского типа считает приемлемой дату рубежа VII-VI тыс. до н.э. Развитой неолит относится к первой половине VI тыс. до н.э. и представлен стоянками каиршакского типа. Тентексорский тип датируется серединой или первой половиной V тыс. до н.э. [Козин, 2000. С. 32–33]. А.И. Юдин провел подобную работу для культур Нижнего Поволжья [Юдин, 2006в. С. 371–372]. Развитой этап неолита Нижнего Поволжья по результатам калибровки был отнесен к первой половине VI тыс. до н.э., а поздний (слой 2Б Варфоломеевки, слой 2 Джангара) – к последней четверти VI – началу V тыс. до н.э. Второй этап позднего неолита (слой 2А Варфоломеевки, Тентексор, верхний слой Джангара) был датирован второй половиной V – началом IV тыс. до н.э.

Данные корректировки весьма противоречивы, что и вызвало у исследователей ряд вопросов. Так, А.А. Выборнов и А.И. Юдин отметили, что, несмотря на калибровку дат, поздний этап оторван от развитого минимум на 600 лет [Выборнов, 2006. С. 103–104; Юдин, 2007. С. 12]. В.В. Ставицкий обратил внимание на значительную погрешность даты Варфоломеевской стоянки ± 200 лет, что, по его мнению, могло привести ее в категорию ошибочных [Ставицкий, 2004. С. 208]. Дата 6400 ± 230 ВР не может быть валидной, так как на поселении Джангар наплывы на венчиках и трапеция со струганой спинкой встречаются лишь в верхнем слое памятника, который датируется 5970 ± 70 ВР, следовательно,

слой 2Б не может быть древнее, среднего слоя поселения Джангар [Ставицкий, 2004. С. 208].

Синхронизация комплекса стоянки Каиршак III и нижнего слоя Варфоломеевской стоянки базировалась на радиоуглеродной дате из нижнего слоя Варфоломеевской стоянки и сходном составе споро-пыльцевого комплекса этого слоя с каиршакским [Юдин, 1995]. Однако памятники находятся в различных климатических зонах, Варфоломеевская стоянка находится севернее, климат там не такой засушливый и растительный состав значительно отличается.

Результаты радиоуглеродного датирования известные на тот момент так же были небыстречны. Верхний слой поселения Джангар датируется началом IV тыс. до н.э. (5890 ± 70 BP), а второй слой, материалы которого типологически более близки нижнему слою, датируется концом V тыс. до н.э. (6100 ± 70 BP). Разрыв между слоями составляет около 200 лет. При этом для пограничного 2-ого и 3-его слоя получена дата 6870 ± 130 BP. Получается, что второй слой занимает почти целое тысячелетие, развитой этап растягивается на полторы тысячи лет, а вся джангарская культура существует около двух тысячелетий [Выборнов, 2008. С. 78]. Наиболее вероятно, что хронологические границы раннего этапа джангарской культуры явно занижены, или даты 2-ого и 1-ого слоев Джангара необходимо проверить.

Схожая ситуация складывалась и с радиоуглеродными датировками по Варфоломеевской стоянке. Нижний слой датируется началом V тыс. до н.э., а верхний – последней четвертью IV тыс. до н.э., то есть памятник существовал около двух тысяч лет. Вероятно дата нижнего слоя Варфоломеевской стоянки или даты слоя 2А некорректны [Выборнов, 2008. С. 55–56].

И.Н. Наумов наиболее архаичным считает артефакты стоянки Каиршак III. Типологически 3-ий слой поселения Джангар сходен с комплексом данного памятника, содержащего более архаичный кремневый комплекс и прочерченно-накольчатую керамику [Наумов, 1998. С.11].

Что касается позиции В.В. Ставицкого, то он полагает, что признаки каиршакского типа на Варфоломеевской посуде являются не показателем

одновременности, а реминисценцией. Исследователи синхронизируют эти памятники на основании радиоуглеродных дат, которые, в свою очередь, вызывают определенные сомнения [Ставицкий, 2004. С. 205–216]. В общий хронологический интервал попадают только 1-ый и 2-ой слой поселения Джангар и 3-ий и 2Б слой Варфоломеевской стоянки. Автор считает, что Джангарская традиция начинается раньше Варфоломеевской, но и заканчивается она тоже раньше [Ставицкий, 2004. С. 210–213].

По всей вероятности, аридизация климата зафиксированная в интервале 7500–7200 ВР [Иванов, 1986; Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998] стала причиной миграции части каиршакского населения на север. Число неолитических стоянок уменьшается, количество находок значительно сократилось, население покидало как крупные стоянки, так и небольшие стоянки. По мнению В.В. Ставицкого, это придало определенный импульс развитию памятников типа Варфоломеевки и Джангара и привело к распространению прочерченно-накольчатой традиции украшения керамики. В дальнейшем происходит ее эволюция по пути уменьшения удельного веса прочерченного орнамента, который сокращается до 11% на сосудах верхнего слоя Варфоломеевской стоянки и сходит на нет на поселении Тентексор. Кроме возрастания роли накольчатого орнамента, на варфоломеевской керамике наблюдается появление ряда сложных узоров, которые отсутствуют на Каиршаке III, но являются характерными для Тентексора. Это состоящие из наколов прямоугольники, фигуры, напоминающие песочные часы, горизонтальные зигзаги, шевроны, вписанные друг в друга ромбы [Ставицкий, 2004. С. 211]. В верхнем слое Варфоломеевки уменьшается количество сосудов с напылом на венчике, которые на Тентексоре представлены единичными экземплярами (4,5%). Примерно равную долю в посуде этих комплексов занимают профилированные сосуды (24% и 20%). По пути сближения с тентексорской развивается и каменная индустрия Варфоломеевской и Джангарской стоянок. Основываясь на этих выводах В.В. Ставицкий считает, что джангаро-варфоломеевские древности не только заполняют хронологический пробел между памятниками каиршакского и

тентексорского типов, но и иллюстрируют процесс трансформации одних традиций в другие [Ставицкий, 2004. С. 211].

А.А. Выборнов предполагал, что тентексорский тип возникает на каиршакской основе, и на каком-то втором культурном компоненте. Этот компонент не джангарский, так как к моменту появления тентексорцев джангарцы уже модифицируются в варфоломеевский тип. Однако и с ним у тентексорцев сходство носит весьма условный характер, что не позволяет присоединиться к точке зрения исследователей о возвратном характере происхождения тентексорских древностей. Если вышеперечисленные традиции шли эволюционным путем, то тентексорские материалы вторым компонентом, возможно, имеют неместную основу [Выборнов, 2008].

Новый этап в изучении хронологии степного Поволжья стал возможен с получением в радиоуглеродной лаборатории в г. Киеве серии из 46 дат [Выборнов, 2008; Юдин, 2008а]. Для стоянки Каиршак III получено 6 дат: – 7950±90, 7890±90, 7780±90, 7740±70, 7680±90, 7530±90 ВР, то есть первая половина VI тыс. до н.э. Для стоянки Каиршак I получили две даты: 7230±90 и 7180±90 ВР, то есть последняя четверть VI тыс. до н.э. Радиоуглеродные определения подтвердили предположение о разновременности стоянок Каиршак I и III, которые ранее основывались на типологическом сравнении. Радиоуглеродные определения, полученные в Киевской лаборатории, удревели возраст памятников каиршакского типа на тысячу лет, и теперь он определяется первой четвертью VI тыс. до н.э. А.А. Выборнов на основании полученных дат предполагал, что хронологического разрыва между памятниками не прослеживается. Окончание каиршакских древностей фиксируется началом V тыс. до н.э., а значит, стоянки этого типа существуют тысячу лет. Полученные радиоуглеродные даты значительно сокращают разрыв между каиршакскими и тентексорскими памятниками.

Новые данные появились и для памятников тентексорского типа. Для стоянки Тентексор I были получены две даты: 6640±80 и 6630±80 ВР [Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2008. С. 191–193]. Они, как и даты стоянки Каиршак III,

оказались на тысячу лет древнее прежних. Датировки для памятника Тентексор I были проверены в радиоуглеродной лаборатории г. Уппсала профессором Г. Посснертом. Полученная дата – 6695 ± 40 ВР фактически совпадает с датами полученными в киевской лаборатории [Зайцева, Скрипкин, Ковалюх, Выборнов, Долуханов, Посснерт, 2008].

Для типологически более раннего памятника тентексорского типа – стоянки Качкарстау – получена дата, подтверждающая его архаизм – 6730 ± 80 ВР. Стоянка Тентексор III получила дату – 7005 ± 90 ВР, что очень важно, так как она подтверждает предположения А.А. Выборнова о неодновременности памятников тентексорского типа. Судя по датам, хронологический диапазон тентексорского типа – первая половина V тыс. до н.э., а значит, временного разрыва не существует.

Для керамики 3-его слоя поселения Джангар были получены две даты: 7080 ± 90 и 6990 ± 90 ВР, то есть рубеж VI и V тыс. до н.э. Второй слой был датирован 6780 ± 90 и 6680 ± 90 ВР – первая четверть V тыс. до н.э. Керамика из верхнего слоя датирована 5480 ± 80 ВР или середина IV тыс. до н.э. По мнению А.А. Выборнова, последняя дата явно выбивается из общей серии, что вызывает сомнения в ее валидности [Выборнов, 2008. С. 61–62].

Для Варфоломеевской стоянки в Киевской лаборатории была получена серия дат, но в связи с тем, что культурные слои стоянки были сильно повреждены жилищными постройками следует относиться к ним с осторожностью. Для 3-его слоя получены даты: 7760 ± 100 ; 7620 ± 100 ; 7250 ± 80 ; 7170 ± 90 ; 7080 ± 80 ; 7120 ± 90 ВР. Керамика слоя 2Б датировалась: 7230 ± 90 ; 7070 ± 90 ; 6980 ± 90 ВР. Керамика слоя 2А получила даты: 7100 ± 80 ; 6970 ± 80 ; 6540 ± 80 ; 6860 ± 90 ; 6040 ± 80 ; 5870 ± 90 ; 6890 ± 80 ; 5810 ± 80 ВР. [Выборнов, 2008. С. 281]. Эти даты значительно отличаются от полученных ранее.

Даты для слоя 2А указывают на его существование с первой четверти V тыс. до н.э., до первой четверти IV тыс. до н.э. Новые даты не фиксируют хронологический разрыв в 600 лет между слоями 2Б и 2А, как это показывали прежние даты. Схожая ситуация и с третьим слоем. Теперь между третьим слоем

и слоем 2Б нет разницы в 500 лет. По новым датам выстраивается последовательная хронологическая схема: нижний слой – последняя четверть VI тыс. до н.э.; 2Б – конец VI начало V тыс. до н.э., а 2А – первая четверть V тыс. до н.э. Именно этим А.И. Юдин объясняет эволюционное развитие каменного и керамического комплекса от нижнего (3-его) до 2А слоя Варфоломеевской стоянки [Юдин, 2008. С. 121–127].

А.А. Выборнов, основываясь на полученных радиоуглеродных определениях, отмечал совпадение дат для стоянки Каиршак III, нижних слоев Варфоломеевской стоянки и материалов третьего слоя поселения Джангар с комплексом Каиршак I. Когда в начале V тыс. до н.э. завершает свое существование каиршакская традиция, то комплексы 2-ого слоя Джангара и слоя 2Б Варфоломеевской стоянки продолжают функционировать. Каиршакские памятники сменяют тентексорские, развиваясь, как минимум, до середины V тыс. до н.э. В Северо-Западном Прикаспии в это время заканчивается джангарская линия. На левобережье Нижнего Поволжья фиксируется комплекс Варфоломеевской стоянки 2А, а на правом берегу – Орловки [Выборнов, 2008. С. 57]. Основываясь на радиоуглеродные определения, полученные на тот момент, А.А. Выборнов предполагал, что каиршакские комплексы функционируют около тысячи лет, а тентексорские памятники около 500 лет. Таким образом, каиршакско-тентексорские древности развиваются почти полторы тысячи лет [Выборнов, 2008. С. 57].

А.В. Вискалин был не согласен с мнением А.А. Выборнова, что материалы стоянки Каиршак I по типологическому анализу имеют более поздний возраст по сравнению с комплексом Каиршак III [Вискалин, 2010. С. 166]. А.В. Вискалин предполагает, что по ряду типологических признаков материалы стоянки Каиршак I более ранние, чем Каиршак III, на которой обнаружена посуда профилированной и биконической форм [Вискалин, 2010. С. 166]. Однако не следует забывать, что на елшанских памятниках ранняя посуда характеризуется именно такими признаками. Еще одним доказательством позднего возраста стоянки Каиршак I является трапеция со струганой спинкой, характерная для

более позднего времени [Выборнов, 2008]. Радиоуглеродные датировки подтверждают более древний возраст Каиршака III (7775 ± 42 , 7700 ± 100 BP) по сравнению с Каиршаком I (7180 ± 90 , 7100 ± 200 BP) [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 201]. Определенным доказательством является то, что на древнейшей стоянке каиршацкого типа была распространена посуда биконической формы. На стоянке Байбек количество сосудов подобной формы уменьшается, а в материалах стоянки Каиршак I их нет совсем. Орнаментальные композиции подвержены сходной тенденции: от сложных геометрических орнаментов со стоянки Каиршак III до более простых на стоянке Каиршак I. Это свидетельствует об определенном регрессе в керамической традиции каиршацкого типа [Барацков, 2013. С. 61].

До сих пор в хронологии неолита степного Поволжья сохраняется ряд дискуссионных вопросов. Наиболее важным является определение хронологических рамок бытования, как отдельных стоянок, так и культур в целом. В последние годы в этом направлении проводится целенаправленная и систематическая работа, результаты которой оперативно вводятся в научный оборот, как в отечественной печати, так и за рубежом [Барацков 2011a, 2013a; Барацков, Выборнов, Кулькова и др., 2012; Барацков, 2015; Барацков, 2016; Андреев, Барацков, Выборнов и др., 2016; Выборнов, 2008, 2008a, 2009, 2012, 2013, 2014; Выборнов, Ковалюх, Скрипкин и др., 2008; Выборнов, Андреев, Барацков и др., 2013, 2014; А.А. Выборнов, Гречкина, Кулькова и др., 2016; Выборнов, Юдин, Васильева и др., 2016; Vybornov, Zaitseva, Kovaliukh и др., 2012; Vybornov, Kulikova, Goslar и др., 2013; Zaitseva, Skripkin, Kovaliukh и др., 2009].

Несмотря на значительный прогресс в вопросе изучения хронологии Северного Прикаспия, тем не менее, оставались спорные вопросы. Так, по костям со стоянки Каиршак III в киевской лаборатории были получены даты – 7190 ± 80 и 7010 ± 80 BP, а в лаборатории РГПУ в 2011 году – 7030 ± 100 BP, совпавшие с датами 2007 г. С учетом интервалов, они близки значениям по углистой почве. Получается, что даты по костям моложе дат по керамике. Это вызывает определенное противоречие между датами середины 90-х гг. XX века и

значениями, полученными после 2000-х г. Столь ранние значения дат по керамике можно было бы трактовать тем, что неолитические сосуды Северного Прикаспия изготавливались не из глины, а из озерного ила, который содержит естественную примесь раковин моллюсков [Васильева, 1999. С. 76]. Поэтому даты удревнены в силу резервуарного эффекта [Fisher, Heinemeier. 2008]. Однако специалисты определили, что раковины не морские, а озерные [Бобринский, Васильева, 1998. С. 194–217], то есть совпадающие по времени с моментом изготовления керамики. Но, как удалось выяснить, и они дают определенное удревнение. Подтверждением этому служит пример с датировкой керамики стоянки Тентексор. В 2007 г. в лаборатории г. Уппсала из фрагментов были извлечены и продатированы раковины моллюсков – 7235 ± 45 ВР, а по оставшейся керамической массе получена дата – 6695 ± 40 ВР, совпавшая с киевскими. Таким образом, резервуарный эффект в данном случае составляет 500 лет [Зайцева, Скрипкин и др., 2008. С. 218]. Однако, необходимо подчеркнуть, что перед датированием образцов в обеих лабораториях из керамической массы естественная примесь раковин моллюсков удалялась с помощью плавиковой кислоты. В связи с чем, предполагать в данном случае резервуарный эффект, маловероятно [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 200]. Определенным подтверждением правильности этих дат является значение, полученное в 2012 году по органике в керамике стоянки Тентексор, в лаборатории РГПУ – 6650 ± 100 ВР. Оно полностью совпало с датами по органике в керамике стоянки Тентексор, которые были получены в лабораториях г. Уппсалы и г. Киева. Более того, по необожжённым костям со стоянки Тентексор в этой же лаборатории получена дата – 6540 ± 100 ВР, совпавшая с определениями по органике в керамике. Кроме этого, по костям с этого же памятника в лаборатории ИИМК РАН получена сходная дата – 6070 ± 290 ВР. С учетом поправки это – 6400 ВР, что вполне согласуется с предшествующими датами.

В 2011 г. по обугленным костям со стоянки Тентексор в Санкт-Петербургской радиоуглеродной лаборатории получена дата – 5560 ± 100 ВР, совпадающая с датой по углистой почве. Столь позднее значение даты,

полученной по обожжённым костям, может объясняться потерей коллагена во время обжига. Нельзя исключать, что совпадение дат по углистой почве и обожжённым костям связано с более поздним пожаром, поскольку почвенный слой стоянки Тентексор не был перекрыт балластом [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 201]. В подтверждение дат по Тентексору, относящихся к V тыс. до н.э. может служить следующий аргумент. Специалисты, изучающие неолит южных регионов единодушно синхронизируют материалы Тентексора и слоя 2А Варфоломеевской стоянки. По нагару с керамики последней стоянки на АМС в г. Уппсала получены даты 6693 ± 39 и 6544 ± 38 ВР [Выборнов, Зайцева, Скаковский, 2011. С. 383–385], которые, во-первых, совпадают с киевскими, во-вторых – со значениями по керамике и костям Тентексора.

Несмотря на совпадение дат по органике в керамике, нагару, костям животных сделанных в разных лабораториях [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 202], в коллекции Тентексор имеется фрагмент, который по ряду признаков (более тонкостенный и плотный, чем остальные; орнамент нанесен поверхностно, мелким наколом) отличается от основного комплекса. Дата, полученная по нагару на АМС в радиоуглеродных лабораториях г. Хельсинки и Уппсала – 7261 ± 47 ВР, оказалась древнее основного комплекса стоянки примерно на 600 лет. Такая разница, вероятнее всего, объясняется тем, что данный сосуд ближе к материалам более ранней стоянки Тентексор III, чей возраст датируется 7005 ± 90 ВР. Эта информация дает дополнительные сведения о хронологическом соотношении памятников каиршакского и тентексорского типов, подтверждая незначительность хронологического разрыва между ними.

Что касается материалов стоянки Каиршак III, то по несоответствию дат по керамике и костям возможны разные варианты трактовки. По данным исследователей, на достаточно массовом материале для эпохи неолита одного из районов Европы, даты по костям омолаживали возраст на несколько сотен лет [Кузьмин, 2012]. Примером может послужить Варфоломеевская стоянка. Для слоя 2А по нагару и керамике как в киевской, так и в лаборатории г. Уппсала (на

АМС) были получены даты: 6693 ± 39 , 6544 ± 38 , 6540 ± 80 ВР, по костям – 5430 ± 60 ВР и по углю – 5390 ± 60 , 5220 ± 50 ВР.

Исследователи предполагают, что даты по костям, которые на 500 лет моложе дат по керамике на стоянке Каиршак III, относятся к верхнему уровню залегания материала [Выборнов, 2008. С. 10]. А он, по датам Е.А. Спиридоновой, как раз моложе нижнего на 500–600 лет [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998. С. 52]. Для радиоуглеродного анализа материалов стоянки Каиршак III были взяты кости кулана из квадрата 33, а в соседнем 32 квадрате они отличаются от остальных костей стоянки Каиршак III. Они гораздо лучше сохранились, на них видны следы подлощенности и обработки, все они из второго горизонта. Кости из других квадратов сохранились гораздо хуже, они пористые и рыхлые. Во втором горизонте жилища стоянки Каиршак III найдены два фрагмента от одного сосуда тентексорского типа. В квадрате 28 (соседнем с 33 квадратом), в верхнем слое памятника были обнаружены три фрагмента керамики от одного сосуда. Они отличаются от каиршакских и более сходны с тентексорскими [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 201]. Но в отличие от последних, представленных на собственно стоянке Тентексор и более раннем комплексе этого типа – стоянке Качкарстау, они тоньше и прочнее последних. Прослеживается биконичность, присущая каиршакской, а не тентексорской керамике. Овальные наколы в отступающей манере более мелкие и нанесены поверхностно, а не так глубоко, как на тентексорской посуде. Можно предположить, что эти фрагменты, как и кости, принадлежат более позднему, чем основной каиршакский комплекс, – раннему тентексорскому типу. Они выглядят более ранними, чем фрагменты стоянки Тентексор III, которые датируются – 7005 ± 90 ВР [Выборнов, 2008. С. 239]. Вероятно, они появились на стоянке уже после того как каиршакское население покинуло его. А значит, полученные даты по костям – 7190 ± 80 ; 7010 ± 80 и 7030 ± 100 ВР валидны, но относятся не к материалам каиршакского типа, а к раннему тентексорскому типу [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 201].

Для разрешения данного противоречия датирование материалов эпохи неолита Северного Прикаспия было продолжено. По органике в керамике стоянки Каиршак III на АМС в лаборатории г. Уппсала в 2011 г. получена дата – 7775 ± 42 BP [Выборнов, Зайцева, Скаковский, 2011. С. 383–385], подтверждающая даты лаборатории г. Киева. Еще одним доказательством валидности служит дата, полученная в лаборатории РГПУ по нагару с керамики стоянки Каиршак III – 7700 ± 120 BP. Она практически полностью совпала с уппсальской и киевской датами по органике в керамике. Можно было бы допустить, что и нагар приводит к каким-то отклонениям. Исходя из данных полученных Я. Хейнемейером, нагар может удревнять только в случае его появления в результате приготовления рыбной пищи. Причем, удревнение может составлять до 500 лет. Однако если Варфоломеевская стоянка расположена на берегу древнего озера, то в ее материалах обнаружены каменные и костяные орудия рыболовства, кости и чешуя рыб. Все это свидетельствует о занятии рыбной ловлей населения Варфоломеевской стоянки [Юдин, 2003. С. 91]. Стоянка Каиршак III, расположена примерно в 600 м от ближайшего водоема, что для рыболовов не свойственно. В многочисленной коллекции каменных и костяных изделий не обнаружено орудий труда, связанных с рыболовством. Судя по данным палеогеографов, в период существования памятника в его окрестностях не представлены древесные породы, необходимые для изготовления лодок [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998. С. 51]. Нет в комплексе ни рубящих, ни долотовидных орудий, предназначенных для их изготовления. Анализ многочисленных фаунистических остатков, проведенный П.А. Косинцевым, позволил сделать вывод о том, что ни на одном неолитическом памятнике Северного Прикаспия не обнаружено костей рыб, исключение составляет лишь стоянка Байбек. Поэтому, до проведения анализа нагара на С13 N15, допустимо усомниться в рыбной производной нагара на керамике стоянки Каиршак III. Из этого следует вывод о валидности даты, полученной по нагару, а значит и тем датам по керамике, которые соответствуют ей. Дело в том, что самые древние значения (7950 ± 90 ; 7890 ± 90 BP), противоречат данным палеогеографов о

ситуации в данном регионе на рубеже бореального и атлантического периодов. Специалисты приводят данные о весьма неблагоприятной для обитания обстановке, вызванной масштабной аридизацией в период 8200–7800 ВР [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1990.], обозначая его кризисом или катастрофой. Лишь после этого наступает нормальный режим увлажнения, способствовавший большой задернованности поверхности, что создавало возможные условия обитания животных и человека [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 203].

Одним из наиболее спорных аспектов изучения неолита степного Поволжья являются хронологические рамки его развития. Для их определения необходимо выявить наиболее достоверные датировки для конкретных памятников. В этом направлении уже проделана достаточно большая работа [Наумов, 1998; Ставицкий, 2004а; Выборнов, 2008а; Юдин, 2014]. Однако, при несомненной положительной тенденции, по ряду позиций не сложилось единого мнения. Так, анализируя значительный разброс радиоуглеродных дат для стоянки Каиршак III (7950±90 ВР, 7775±42, 7030±100 ВР) В.В. Ставицкий соглашается с тем, что даты по кости, неверно отражают хронологию памятника. За вычетом исключений, автор статьи считает, что даты по костям животных являются наиболее надежными, поскольку они не подвержены различным резервуарным эффектам [Ставицкий, 2014а].

Однако надежность дат по костям вызывает сомнения. В степном Поволжье благодаря сухому климату кости животных хорошо сохраняются. В Северном Прикаспии, на стоянке Байбек они залегали в культурном слое и получили даты: 5800±130 и 5700±100 ВР. Эти даты на тысячу лет отличаются от остальных датировок по органике в керамике (6920±120 ВР), кости (6955±80 ВР) и углю (6986±44 ВР) [Выборнов, 2014].

Еще одним примером несоответствия дат по костям и другим материалам является стоянка Тентексор в Северном Прикаспии. Датировка, полученная по кости (6070±290 ВР), отличается от остальных дат по керамике (6695±40–6630±80 ВР) и кости (6540±100 ВР). Значение, полученное по обожженной кости

(5500±150 BP) в результате потери коллагена, не валидно [Барацков, 2015. С. 229]. Поздние даты по костям, полученные из слоя 2Б (6400±230 BP) и 2А (5430±60 BP) Варфоломеевской стоянки, противоречат более валидным датам по керамике и нагару для соответствующих слоев. Вопрос относительно датировок костей на стоянке Каиршак III уже рассматривался выше [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012].

У исследователей нет единого мнения, о том, какая посуда является древнейшей в степном Поволжье. В.В. Ставицкий отмечает, что самая ранняя керамика является неорнаментированной [Ставицкий, 2014б. С. 119]. Что же касается наиболее древних датировок, полученных по неорнаментированной посуде, то на стоянке Каиршак III наблюдается регресс в технологии орнаментации керамики. В более древних горизонтах (четвертом и третьем), керамика украшена более сложными и многообразными орнаментальными композициями, что гораздо реже встречается в первом и втором горизонтах. Количество неорнаментированной посуды увеличивается к верхней границе памятника [Барацков, 2013]. Из полученных данных можно сделать вывод, что население стоянки Каиршак III принесло с собой керамику со сложными орнаментальными композициями, которые со временем стали упрощаться и неорнаментированная посуда не является древнейшей на данном памятнике. На стоянке Каиршак III неорнаментированная и орнаментированная посуда залегает на одинаковой глубине. Важно отметить, что радиоуглеродные даты по неорнаментированной керамике с данного памятника несколько моложе, чем значения для фрагментов с узорами: 7500 BP и 7900-7700 BP соответственно [Выборнов, 2008]. Подтверждением этой версии могут служить материалы стоянки Байбек в Северном Прикаспии. Здесь в соседних объектах обнаружена разнотипная керамика: в зольнике 2 посуда биконической формы без орнамента, а в яме 1 найдены прямостенные орнаментированные сосуды [Гречкина, Выборнов, Кутуков, 2014. С. 84]. Примечательно, что даты для этих объектов почти совпадают: неорнаментированная в зольнике 2 6827±100 BP, а орнаментированная в яме 1 – 6952±80 BP [Выборнов, Гречкина, Кулькова и др.,

2016]. Более того, орнаментированная керамика в рамках одного интервала чуть моложе. Полученные даты позволяют фиксировать синхронное бытование этих типов посуды.

Достаточно ранние даты получены и для материалов южной части Нижнего Поволжья. Исследователи, опираясь на типологию, относили материалы стоянки Кулагайси к раннему неолиту Северного Прикаспия [Козин, Комаров, 1989]. Памятники Кугат и Кулагайси типологически выглядят древнее стоянки Каиршак III. Особенно в кремневом комплексе, имеющем в себе пережитки мезолитической эпохи. Округлодонные сосуды также свидетельствуют о более древнем возрасте стоянок. Однако для данных памятников получено всего несколько дат по керамике: Кугат IV – 7560 ± 90 и 7680 ± 100 ВР, а для стоянки Кулагайси 7380 ± 120 ВР [Барацков, 2016. С. 150], которые не были перепроверены ни другими материалами, ни в других лабораториях. Они более молодые, чем даты по материалам стоянки Каиршак III. Поэтому данный вопрос требует дополнительной проработки. Но в любом случае подтверждается предположение исследователей о значительной древности прикаспийской неолитической посуды, основанное на анализе технологии изготовления керамики [Васильева, Выборнов, Зайцева, 2012. С. 374].

Что касается материалов стоянки Каиршак I, то на основании типологического анализа допускался их более поздний возраст по сравнению с комплексом Каиршак III [Выборнов, 2008. С. 19]. Данное предположение подтвердилось датами по органике в керамике, сделанными в киевской лаборатории – 7230 ± 90 и 7180 ± 80 ВР. Более того, в последнее время эти даты получили подтверждение в лаборатории РГПУ – 7100 ± 200 ВР. Это противоречит предположению А.В. Вискалина о том, что по ряду типологических признаков материалы стоянки Каиршак I более ранние, чем Каиршак III, на которой обнаружена посуда профилированной и биконической форм [Вискалин, 2010. С. 166]. При этом не следует забывать, что на елшанских памятниках ранняя посуда характеризуется именно такими признаками. Еще одним доказательством позднего возраста стоянки Каиршак I является трапеция со струганой спинкой,

характерная для более позднего времени. Приведенные выше даты подтверждают более древний возраст стоянки Каиршак III.

Еще одним важным подтверждением преемственности каиршакско-тентексорской культуры могут выступать четыре фрагмента керамики найденные в третьем горизонте стоянки Каиршак III. Орнаментальные композиции на фрагментах керамики идентичны, но на двух фрагментах орнамент нанесен в прочерчено-накольчатой технике (рис. 9:7,8), а еще два фрагмента украшены наколами (рис. 9:10; 11:5). Вероятнее всего фрагменты украшенные наколом попали на стоянку уже после того как каиршакское население покинуло его, и относятся не к материалам каиршакского типа, а к раннему тентексорскому типу.

Стоит отметить еще ряд моментов, сближающий памятники каиршакского и тентексорского типа. Во втором штыке жилища стоянки Каиршак III найдены три фрагмента от одного сосуда тентексорского типа (рис. 11: 11,12). Они отличаются от каиршакских и более сходны с тентексорскими. Но в отличие от последних, представленных на собственно стоянке Тентексор и более раннем комплексе этого типа стоянке Качкарстау, они тоньше и прочнее. Наколы в отступающей манере более мелкие и нанесены поверхностно, а не так глубоко как на тентексорской посуде. Можно предположить, что эти фрагменты, как и подлощенные кости лучшей сохранности из соседнего квадрата, имеющие радиоуглеродные определения – 7190 ± 80 ; 7010 ± 80 и 7030 ± 100 ВР, принадлежат более позднему, чем основной каиршакский комплекс – раннему тентексорскому типу [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 201]. Они выглядят более ранними, чем фрагменты стоянки Тентексор III, которые датируются – 7005 ± 90 ВР.

Предположение Е.В. Козина о преемственности каиршакских и тентексорских комплексов в рамках сероглазовской культуры находит поддержку в материалах сероглазовских комплексов (по А.Н. Мелентьеву). В них обнаружены сосуды и с типичным каиршакским орнаментом, нанесенным в прочерчено-накольчатой технике (рис. 115:3) и сосуды, украшенные геометрическим орнаментом, выполненные в технике мелкого накола (рис. 115:4), характерного для тентексорской посуды. Примечательно, что на стоянке Каиршак

III встречается орнамент идентичный сероглазовскому (рис. 115:2). При этом точно такой же орнамент мы видим на неолитической стоянке Байбек в Северном Прикаспии (рис. 115:1). Стоянка Байбек относится к каиршакскому типу [Гречкина, Кутуков, 2009. С. 20–23; Гречкина, Кутуков, Выборнов, 2014], но есть связь и с тентексорским типом. Орнаментальные композиции двух памятников имеют ряд схожих орнаментальных композиций. Они отличаются лишь способом нанесения орнамента.

В.В. Ставицкий обращает внимание на то, что даты по костям стоянки Каиршак III смыкаются с датировками по керамике стоянки Каиршак I. Не смотря на то, что оба комплекса относятся к одной культуре, орнаментальные композиции на посуде стоянки Каиршак I становятся проще, отсутствуют сосуды с ребром и сложные орнаментальные композиции. Вместе с тем, появляются трапеции со струганой спинкой – более поздний признак. Все это свидетельствует о хронологической разнице между памятниками. Подтверждением этому являются материалы раскопок неолитической стоянки Алгай в Нижнем Поволжье 2014-2016 гг. Большинство сегментов залегали в нижних и средних слоях памятника, а трапеции со струганой спинкой в верхних слоях [Выборнов, Юдин, Васильева и др., 2015. С. 237]. В раскопе 2015 года трапеции и сегменты залегали во всех слоях совместно [Барацков, Выборнов, Юдин и др., 2016. С. 49-50]. Это объясняется тем, что в раскоп попала хозяйственная яма, которая была использована и в более позднее время.

Таким образом, на настоящий момент можно предполагать время развития каиршакских и тентексорских неолитических комплексов в Северном Прикаспии со второй четверти VI тыс. до н.э. и до середины V тыс. до н. э. [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 203].

На сегодняшний день хронологическое соотношение материалов стоянок Джангар и Варфоломеевская является дискуссионным вопросом. Для эталонного неолитического памятника Варфоломеевская стоянка получено достаточно большое количество дат по разным материалам в различных лабораториях. Несмотря на это сохранялся ряд спорных моментов, поэтому работа по

радиоуглеродному датированию была продолжена. Ситуация в определенной мере осложняется значительным разбросом дат различных слоев Варфоломеевской стоянки. Так, даты для 3-его слоя имеют расхождение от 7760 ± 100 до 6379 ± 47 ВР, слоя 2Б от 7280 ± 100 до 6400 ± 230 ВР, а 2А от 7100 ± 100 до 5220 ± 50 ВР. По радиоуглеродным данным прослеживается не только слишком значительное время существования слоев, но и перекрытие или сосуществование двух слоев одновременно, что невозможно. Подобное может объясняться не только не валидностью датировок, но и, как отмечает автор раскопок и В.В. Ставицкий, значительным количеством жилищ на памятнике. В таком случае крайне затруднительно установить реальное стратиграфическое положение датируемого материала, отсюда и появляется столь значительный разброс в датировках.

Для 3-его слоя радиоуглеродные датировки получены в Киевской лаборатории: 7760 ± 100 , 7620 ± 100 , 7250 ± 80 , 7170 ± 90 , 7120 ± 90 , 7080 ± 80 ВР – керамика и 6980 ± 200 ВР – уголь. К сожалению, материалы нижнего слоя Варфоломеевской стоянки не были продатированы в зарубежных лабораториях. Некоторые ученые отмечали сходство материалов стоянки Каиршак III и нижнего слоя Варфоломеевской стоянки. Следовательно, если стоянка Каиршак III датируется 7700 ВР, то и наиболее ранние значения Варфоломеевской стоянки – 7760 ± 100 , 7620 ± 100 ВР – можно признать валидными. Вместе с тем другие ученые считали материалы стоянки Каиршак III архаичнее чем Варфоломеевские, а значит, есть вероятность, что полученные даты удревнены.

Значительный хронологический разрыв между ранними датами (7760 ± 100 , 7620 ± 100 ВР) и более близкими слою 2Б (7250 ± 80 , 7170 ± 90 , 7120 ± 90 , 7080 ± 80 ВР) можно объяснить аридизацией климата, произошедшей в период 7500-7200 ВР [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1988]. Стерильная прослойка между нижним и 2Б слоем подтверждает теорию об аридизации климата. Это означает, что наиболее архаичные датировки вероятнее всего валидны. Столь близкие значения дат третьего слоя (7250 ± 80 , 7170 ± 90 , 7120 ± 90 , 7080 ± 80 , 6980 ± 200 ВР) и слоя 2Б (7230 ± 90 , 7164 ± 120 , 7100 ± 110 , 7070 ± 90 , 7034 ± 41 , 6980 ± 90 ВР)

Варфоломеевской стоянки могут объясняться нарушением нижнего слоя котлованами из верхних горизонтов, что приводило к смешению артефактов. Если доверять датировкам нижнего слоя, то этот хронологический разрыв попадает на время аридизации, следовательно, даты 7760 ± 100 и 7620 ± 100 ВР могут быть валидны. В таком случае и даты порядка 7700 ВР для раннеолитической стоянки Каиршак III могут быть достоверны. Для решения проблемы хронологического соотношения материалов стоянки Джангар и Варфоломеевка необходимо получение качественно новых материалов и радиоуглеродных определений полученных по ним. Для этого, как уже отмечал В.В. Ставицкий, материал для датирования с Варфоломеевской стоянки должен быть не из слоя, а из конкретного жилища [Ставицкий, 2014а].

Для керамики слоя 2Б Варфоломеевской стоянки киевская лаборатория получила значение последней четверти VI тыс. до н.э. – 7230 ± 90 ВР. Для слоя 2Б лаборатория РГПУ по нагару с фрагментов керамики от двух разных сосудов, обнаруженных на глубине 150–160 см, получила даты, почти совпавшие с киевскими значениями – 7164 ± 120 , 7100 ± 110 ВР [Выборнов, Андреев, Барацков и др., 2013. С. 256]. Для верхнего уровня этого же слоя имелась дата по органике в керамике – конец VI тыс. до н.э. – 7070 ± 90 ВР. В уппсальской лаборатории по нагару на АМС получено идентичное значение – 7034 ± 41 ВР. Киевская дата начала V тыс. до н.э. – 6980 ± 90 ВР была проверена в познаньской лаборатории по нагару на АМС. Значение оказалось сходным – 6850 ± 40 ВР. Судя по датам, наиболее вероятный интервал функционирования слоя 2Б от 7100 до 6900 ВР [Выборнов, Андреев, Барацков и др., 2013. С. 256].

Для слоя 2А дата по органике в керамике, полученная в киевской лаборатории – 6540 ± 80 ВР, была подтверждена в лаборатории г. Уппсала. Определения по нагару для двух сосудов, изученных на АМС, дали сходные результаты – 6693 ± 39 и 6544 ± 38 ВР. Для специалистов радиоуглеродного анализа это стало одним из оснований, позволяющих делать выводы о работоспособности методики датирования по органике в керамике [Выборнов, Зайцева, Скаковский, 2011. С. 383–385]. Еще одним доказательством работоспособности методики

стало следующее совпадение дат. В РГПУ был продатирован нагар с двух фрагментов сосудов. Первый с глубины 90–100 см с наплывом на внутренней стороне венчика получил дату 6650 ± 150 ВР, которая совпала с киевской по органике 6540 ± 80 ВР и уппсальской 6544 ± 38 ВР по нагару на АМС. Вторым фрагмент, полученный с глубины 90–100 см с тройным рядом наколов и утолщением внутри венчика получил похожую дату – 6363 ± 150 ВР. Если судить по полученным радиоуглеродным датам, то наиболее приемлемый интервал существования слоя 2А – от 6700 до 6400 ВР.

Для верхней части слоя 2А Варфоломеевской стоянки в киевской лаборатории были получены даты по органике из керамики порядка – 5800 ВР, которые не находили объяснения и вызывали дополнительные вопросы. В лаборатории РГПУ продатирован нагар с сосуда, залежавшего в верхнем слое на глубине 9–10 см. Полученная дата – 5800 ± 150 ВР полностью совпадает со значением по органике в керамике из слоя 2А – 5810 ± 80 ВР. В случае если даты точны, то вероятнее всего они отражают хронологический период мариупольских и хвалынских древностей. Хронологические рамки прикаспийской культуры хорошо сопоставляются с датами верхнего слоя Варфоломеевской стоянки.

Для правобережья Волги имелись радиоуглеродные датировки по материалам поселения Джангар. Они сделаны по углю для первого и второго слоев памятника и фиксировали рубеж V и IV тыс. до н.э. [Кольцов, 1988]. На основании этих дат исследователи допускали сосуществование неолитического населения с хвалынской культурой [Матюшин, 1996. С. 106]. Затем были получены даты из киевской радиоуглеродной лаборатории – 7080 ± 90 , 6990 ± 90 ВР [Выборнов, 2008. С. 240]. Они были на 1000 лет древнее тех, что были получены по углю. Ситуация была аналогична материалам Каиршака III, Тентексора и Варфоломеевской стоянки. Решению данного противоречия способствовала дата по углю, взятая из очага между третьим (нижним) и вторым (средним) слоями – 6870 ± 130 ВР [Кольцов, 2004. С. 139].

В случае если по органике в керамике для третьего слоя дата 6990 ± 90 ВР, по углю между слоями 6870 ± 130 ВР, по органике в керамике второго слоя –

6780±90 ВР, то это соотношение еще раз доказывало приемлемость методики датировки по органике в керамике. При этом оставался открытым вопрос о времени верхнего слоя. Для него получена дата по нагару на АМС в лабораториях г. Хельсинки и Уппсала – 6564±44 ВР [Выборнов, Андреев, Барацков и др., 2013. С. 257]. Она хорошо согласуется с периодизацией поселения Джангар, подтверждает правомерность дат по органике в керамике и снимает целый ряд других вопросов. В данном случае можно лишь добавить, что даты по углю 6100±70 и 5890±70 ВР, полученные в середине 80-х годов XX века, скорее всего, отражают находки мариупольского времени, присутствующие в верхнем слое Джангара [Выборнов, Андреев, Барацков и др., 2013. С. 257].

Тем не менее, на ряде неолитических памятников для наиболее верхних слоев часто встречаются датировки, аналогичные наиболее поздним датам поселения Джангар. Так, для стоянки Каиршак III по почве верхнего слоя получена дата 6100±70 ВР, а по керамике стоянке Кызылхак – 5890±90 ВР. Похожие даты получены по костям животных (5800±130 и 5700±100 (Le) ВР) и гуминам из керамики (5738±100 Spb-1053 ВР) со стоянки Байбек. В разряд наиболее поздних дат попадают и датировки керамики (6040±80; 5870±90; 5810±80 (Ki) ВР) слоя 2А, а также дата по нагару с первого слоя стоянки Варфоломеевская. Несмотря на то, что валидность многих из приведенных дат оспаривается в данной работе, следует отметить возможность существования ряда поздненеолитических памятников в начале 4 тыс. до н.э.

Эпонимным памятником неолита степного Поволжья является стоянка Орловка [Мамонтов, 1974]. Специалисты соотносили ее материалы с поздненеолитическими комплексами стоянок Тентексор, верхним слоем Джангара и слоем 2А Варфоломеевки [Васильев, Выборнов, Козин, 1986; Юдин, 1988; Кольцов, 1988; Наумов, 1998]. Дата полученная по керамике – 6647±150 ВР (Spb-1721) [Андреев, Барацков, Выборнов, 2016] – совпала с датировками этих комплексов. Учитывая, что определения по ним получены по костям, нагару, органике в керамике и углю, а дата по Орловке – по фрагменту сосуда, подтверждается предположение исследователей о валидности дат по керамике

[Зайцева, Скаковский, Посснерт и др., 2011]. Еще одна дата получена по органике в керамике тентексорского типа поздненеолитической стоянки Жеколган – 6566 ± 120 BP (Spb-1728), в керамическом комплексе которой представлены напльвы с внутренней стороны венчика и оттиски зубчатого штампа. Такие признаки присущи сосудам верхнего слоя поселения Джангар и стоянки Тентексор. На этом основании специалисты синхронизировали данные комплексы с материалами Жеколгана, что и подтвердилось совпадением радиоуглеродных дат для этого типа памятников [Андреев, Барацков, Выборнов и др., 2016].

В Северном Прикаспии в 2008 году открыта неолитическая стоянка Байбек [Гречкина, Кутуков, 2009; Гречкина, Кутуков, Выборнов, 2014]. По технико-типологическим признакам памятник занимает промежуточную позицию между материалами стоянок Каиршак III и Каиршак I [Васильев, Выборнов, Козин, 1989; Выборнов, Козин, 1988], которые датируются 7775 ± 42 BP и 7180 ± 90 BP. Для стоянки Байбек в познаньской лаборатории по нагару с керамики получена дата – 7350 ± 50 BP [Выборнов, Андреев, Барацков и др., 2014], подтверждающая типологические построения исследователей. Это единственная дата для памятников каиршакского типа относящаяся к третьей четверти VI тыс. до н.э. Именно в это время, по данным палеогеографов, на территории Северного Прикаспия наблюдаются аридные условия.

Вторая дата для стоянки Байбек получена по костям животных – 6955 ± 80 BP [Выборнов, Андреев, Барацков и др., 2014], она несколько моложе даты по нагару. Здесь возможны разные варианты. Учитывая значительное количество костей рыб на стоянке Байбек, нельзя исключать влияние на дату по нагару резервуарного эффекта. Во-вторых, не следует исключать некоторое омоложение дат по костям, по сравнению с датировками по другим органическим веществам. Так, по костям Каиршака III получены даты 7190 ± 80 BP, 7030 ± 100 BP и 7010 ± 80 BP [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 202], которые в определенной мере согласуются с датой по костям с Байбека. Однако следует отметить, что контекст залегания костей на Каиршаке III наиболее вероятно связан с верхним уровнем слоя. Для стоянок Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья таких примеров

достаточно. Одним из них могут служить даты поселения Байбек, полученные по костям – 5800 ± 130 и 5700 ± 100 ВР [Выборнов, Андреев, Барацков и др., 2014]. Следует отметить, что для радиоуглеродного анализа выбирались наиболее крупные, необожженные кости, залегающие в слое. Эти даты относятся к первой четверти IV тыс. до н.э. и соответствуют времени энеолитической хвалынской культуры [Выборнов, Андреев, Барацков и др., 2014]. В ходе раскопок на стоянке Байбек не было обнаружено инокультурных артефактов. Столь позднее значение дат по костям можно объяснить воздействием на кости гуминовых кислот. Радиоуглеродная датировка гуминовых кислот из керамики (5738 ± 100 ВР) совпадает с датировкой почвы из ямы 2 (5850 ± 90 ВР), эти значения полностью соответствуют значениям полученным по костям [Выборнов, Гречкина, Кулькова и др., 2016. С. 153].

При этом дату, полученную по костям (6955 ± 80 ВР), подтверждает датировка по органике из керамики – 6920 ± 120 ВР, сделанная в лаборатории РГПУ г. Санкт-Петербурга М.А. Кульковой. Следовательно, если признать даты по костям и органике из керамики валидными, то возраст стоянки Байбек не – 7350 ± 50 ВР, а 6955 ± 80 ВР, что на 400 лет меньше.

Косвенным образом эту версию подтверждает то, что, по предварительным заключениям И.В. Иванова, стоянка Байбек находится на слое почвы, который не мог сформироваться во время аридизации в Северном Прикаспии в период 7500–7200 ВР. Почвообразование на песках происходит относительно быстро, профиль песчаных почв с их горизонтами формируется за 100-200 лет. Скорости формирования черноземов уменьшаются при аридизации климатических условий и возрастают при увеличении увлажнения, из чего следует означает, что почва вполне могла сложиться за период с 7200-6950 ВР. Сравнение почв стоянок Каиршак III и Байбек позволяет предположить, что почва Байбека менее развита и формировалась позднее, чем почва Каиршака, что, по мнению И.В. Иванова, требует проверки. Почва Каиршака лучше сформирована вследствие более длительного развития и постепенного, возможно и колебательного, улучшения климатических условий увлажнения от раннего неолита к энеолиту.

В радиоуглеродной лаборатории г. Хельсинки по нагару с керамики стоянки Байбек была получена дата – 6304 ± 61 ВР, которая не вписывается ни в ряд ранних (7350 ± 50 , 6955 ± 80 , 6920 ± 120 ВР), ни поздних (5800 ± 130 , 5700 ± 100 ВР) датировок. По мнению специалистов, нельзя исключать длительное (около 1000 лет) существование памятника [Гречкина, 2015]. Так, опираясь на радиоуглеродные датировки, Т.Ю. Гречкина определяет время существования стоянки с третьей четверти VII тыс. до н.э. до третьей четверти VI тыс. до н.э. [Гречкина, 2015. С. 81]. Однако предполагать тысячелетнее существование стоянки, у которой культурный слой развит столь слабо, и в основном залегает в ямах, нет веских оснований. Противоречит этой версии фактическая неизменность кремневого и керамического материалов стоянки, которые за столь длительное время претерпели бы изменения. Примером может послужить стоянка Варфоломеевская, на которой выделено три культурных слоя глубиной до 220 см, которые развивались более тысячи лет. Керамический и кремневый комплексы стоянки плавно эволюционировали на всем протяжении существования памятника.

Для выяснения возраста стоянки Байбек датирование было продолжено. В конце 2016 года были получены даты, которые объясняли значения датировок по костям. Вероятнее всего столь поздние значения были получены в результате воздействия на кости гуминовых кислот. По гуминам из керамики была получена дата -5738 ± 100 ВР (SPb-1053), а по почве из ямы 2 – 5850 ± 90 ВР (ИГАН-4594) [Выборнов, Гречкина, Кулькова и др., 2016. С. 155]. Нельзя исключать воздействие гуминовых кислот и на сборный нагар из ямы 2, по которому получена дата – 6304 ± 61 ВР (Hela-3490) [Выборнов, Гречкина, Кулькова и др., 2016. С. 155]. Радиоуглеродная датировка зуба кулана, полученная на УМС – 1640 ± 34 ВР (Ua-50261), объясняется тем, что материал был получен из более поздней норы, которая попала в слой стоянки.

Из трех дат стоянки Байбек, полученных по нагару, две выпадают на периоды, когда, по данным палеогеографов, в регионе фиксировались аридные условия. Первая датировка нагара из ямы 1 – 7350 ± 50 ВР попадает в интервал масштабной аридизации – 7500-7200 ВР [Болиховская, 1990. С. 56], вторая дата

из зольника 2 – 7937 ± 48 BP (Ua-50262) [Выборнов, Гречкина, Кулькова и др., 2016. С. 155] соответствует времени крайне аридных условий [Лаврушина, Спиридонова, Сулержицкий, 1998. С. 55]. Вероятнее всего обе даты подвержены резервуарному эффекту, так как на стоянке Байбек найдено большое количество рыбных костей [Яниш, 2014. С. 222]. Версия о том, что кости рыб удревняют радиоуглеродные значения примерно на 500 лет [Philippsen, 2012] уже рассматривалась на примере датировки для стоянки Каиршак III. [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012]. Появились подтверждения, что кости рыб могут удревнять возраст материалов на 1000 лет. Из одного слоя неолитической стоянки Алгай были получены даты по углю – 6605 ± 32 BP и позвонкам рыб – 7580 ± 46 BP, которые подтверждают удревнение даты на 1000 лет.

Поскольку датировки по нагару оказались невалидны, радиоуглеродное определение было сделано по углю – 6986 ± 44 BP (Ua-50260). Вторая дата по углю из зольника 2 – 6827 ± 100 BP [SPb-1712] [Выборнов, Гречкина, Кулькова и др., 2016. С. 155] полностью подтвердила не только первую дату из лаборатории в г. Уппсала, но и даты по кости и органике в керамике порядка 6900 BP. Датировка угля из зольника 2, позволяет установить удревнение нагара (7937 ± 48 BP) из этого же объекта на тысячу лет.

На основании полученных дат из зольника 2 и ямы 1 можно предположить их одновременность, что крайне важно, так как это подтверждает совместное сосуществование прямостенных орнаментированных сосудов и биконических неорнаментированных сосудов. Радиоуглеродные датировки почвы – 6868 ± 70 BP (SPb-1708) и гуминовых кислот – 6849 ± 100 BP (SPb-1722) из ямы 4 совпадают не только между собой, но и со значениями по кости в яме 1 (6952 ± 80), по углю (6948 ± 120) и кости (6940 ± 80 BP) в яме 2, а также с датой по керамике из зольника 3 (6925 ± 120 BP SPb-1716) [Выборнов, Гречкина, Кулькова и др., 2016. С. 155] и костями из раскопа 1 (6868 ± 70 BP). Данный факт позволяет сделать выводы не только о совпадении датировок по органике в керамике, кости, углю и гуминовым кислотам, но и о существовании стоянки на протяжении приблизительно 150 лет и единстве материалов неолитического памятника Байбек. Более того,

орнаментированная посуда датируется несколько моложе неорнаментированной, что противоречит мнению В.В. Ставицкого [Ставицкий, 2014б. С.119].

Для раскопа 1 были сделаны три датировки по органике в керамике. С учетом поправки две из них соответствуют основному массиву дат стоянки Байбек – 7050 ± 120 BP (SPb-1719) и 7064 ± 120 BP (SPb-1718), они были проверены датой по углю – 7041 ± 120 BP (SPb-1715). Из серии дат, сделанных в конце 2016 года, выбивается лишь одна – по органике в керамике – 7300 ± 120 BP (SPb-1717), она соответствует ранней дате по нагару – 7350 ± 50 BP и вероятнее всего не валидна [Выборнов, Гречкина, Кулькова и др., 2016. С. 154].

Для стоянки Алгай расположенной в Саратовской области в радиоуглеродной лаборатории г. Познань для нижнего горизонта – 150–140 см была получена дата по нагару с керамики – 6800 ± 40 BP. Она хорошо соотносится с датой по нагару полученной в этой же лаборатории, для слоя 2Б Варфоломеевской стоянки – 6850 ± 40 BP. Указанная дата подтверждает типологическое сходство нижних горизонтов Алгая и слоя 2Б Варфоломеевской стоянки. Сходные даты получены и для материалов стоянки Байбек в Северном Прикаспии (6955 ± 80 – кость и 6920 ± 120 BP – керамика) [Выборнов, Андреев, Барацков и др., 2014], где обнаружены аналогичные сегменты.

Дата по нагару для нижнего горизонта стоянки Алгай была проверена в лаборатории РГПУ г. Санкт-Петербурга. М.А. Кулькова по кости с горизонта 140-130 см получила дату – 6654 ± 80 BP, которая прекрасно стыкуется со значением по нагару, из лаборатории г. Хельсинки. В 2016 году даты по нагару и кости стоянки Алгай получили подтверждение датировкой по кости (6820 ± 80 BP Spb – 1510) с нижнего уровня стоянки (150-140 см) [Барацков, Выборнов, Юдин и др., 2016. С. 49]. К нижнему горизонту можно отнести еще одну дату по кости – 6577 ± 80 BP (Spb – 1778) полученную с глубины 130-120 см. Таким образом, мы получаем четкие хронологические границы нижнего горизонта Алгай: кость – 6820 ± 80 BP (150-140 см); нагар – 6800 ± 40 BP; кость – 6577 ± 80 BP (130-120 см). В конце 2016 года была получена дата по гуминам со дна жилища – 7284 ± 80 BP (Spb – 1476). При условии, что дата валидна, она значительно удревает время

существования памятника. Достоверность датировки стоянки Алгай может подтвердить радиоуглеродное датирование сделанное по углю (7245 ± 60 SPb-2141) на соседней стоянке Орошаемое. Существует вероятность, что дальнейшие раскопки позволят выявить материалы аналогичные 3-ему слою стоянки Варфоломеевская.

Материалы верхнего уровня культурного слоя стоянки Алгай, содержащие в себе трапеции со струганой спинкой, керамику с наплывом по внутренней стороне венчика, крупный овальный накол, утюжок, позволяют предполагать его более поздний возраст по сравнению с нижней частью [Выборнов, Юдин, Васильева и др., 2015]. Предположение подтверждается радиоуглеродной датой, полученной по костям с горизонта 50-60 см – 5720 ± 120 BP [Выборнов, Юдин, Васильева и др., 2015]. Сходная дата получена по нагару с керамики Варфоломеевской стоянки из верхнего слоя – 5800 ± 150 BP [Выборнов, Андреев, Барацков и др., 2013]. В 2016 году с горизонта 70-60 см была получена дата по кости – 5680 ± 80 BP (Spb – 1476), которая с учетом поправки даты 5720 ± 120 BP – выглядит валидно, а так же дата по коллагену с глубины 80-70 см – 5875 ± 60 BP (SPb-1968), которая подтверждает значения датировок по костям. Важно отметить, что в материалах стоянки Алгай обнаружена керамика, изготовленная из ила. В небольшом количестве она встречается в нижних горизонтах памятника, что еще раз подтверждает предположение о более раннем возрасте технологии изготовления посуды Северного Прикаспия [Васильева, Выборнов, Зайцева, 2012].

По мнению автора работы на памятнике Алгай в рамках нижнего слоя можно выделить материалы средних горизонтов стоянки Алгай (120–100 см). Они почти не отличаются от нижних горизонтов и типологически аналогичны комплексам из слоя 2А Варфоломеевской стоянки, которые имеют радиоуглеродные даты: 6693 ± 39 , 6650 ± 150 , 6540 ± 80 , 6544 ± 38 , 6363 ± 150 BP. В радиоуглеродной лаборатории г. Орхус с горизонта 110–100 см (середина слоя) стоянки Алгай по различным материалам были получены близкие даты: уголь – 6605 ± 32 BP, 6490 ± 40 BP, 6360 ± 250 BP (Spb – 1411) (120-110); кость – 6479 ± 70 BP

(Spb – 1477) (110-100см) и 6318 ± 33 ВР; нагар – 6245 ± 32 ВР. Дата по углю – 6360 ± 250 ВР возможно объясняется малым количеством полученного бензола, но при учете поправки она вполне валидна [Барацков, Выборнов, Юдин и др., 2016. С. 49]. Из одного слоя (110 см) неолитической стоянки Алгай были получены даты по углю – 6605 ± 32 ВР и позвонкам рыб – 7580 ± 46 ВР. Подобные значения являются наглядным примером удревнения материала связанного с рыбной составляющей на 1000 лет. Остальные даты хорошо соотносятся с датировками слоя 2А Варфоломеевской стоянки, подтверждая типологическое сходство материалов двух памятников. Но главное состоит в том, что они позволяют выстроить точную хронологическую модель развития стоянки Алгай. Нижний слой (150–140 см) – 7284 ± 80 ВР, 6800 ± 40 и 6820 ± 80 ВР, слой с глубины 140–130 см – 6654 ± 80 ВР, с горизонта 130-120 см – 6577 ± 80 ВР. Средний слой (120–90 см) – 6605 ± 32 , 6479 ± 70 ВР, 6360 ± 250 ВР, 6318 ± 33 , 6245 ± 32 , 6490 ± 40 ВР. Верхний слой (80–50 см) – 5875 ± 60 , 5720 ± 120 , 5680 ± 80 ВР. С незначительными отклонениями получается, что каждый горизонт стоянки (10 см) в среднем существовал около 100 лет. Подтверждается это и датами, по углю полученными из двух очагов находящихся друг над другом на глубине 110-100 см – 6605 ± 32 и 90 см – 6490 ± 40 ВР. При условии, что радиоуглеродные датировки точны, стоянка Алгай является уникальным памятником, который существовал от 7200 до 5700 ВР. На основании первых радиоуглеродных определений у исследователей складывалось мнение о том, что стоянка Алгай без значительных перерывов развивалась в течение тысячи лет. Аналогичная ситуация, судя по полученным в последние годы радиоуглеродным датам, констатируется и на Варфоломеевской стоянке. Однако, судя по материалам стоянки Алгай, у автора работы, складывается мнение, что комплекс можно разделить на две разновременные группы. Первая представлена развитым неолитом (сегмент с гелуанской ретушью), а вторая – поздним неолитом (трапеции со струганой спинкой). Эту версию подтверждает, тот факт, что между верхним и средним слоем фиксируется прослойка, в которой количество находок крайне незначительно, а в хронологической таблице датировок существует лакуна (6300–6100 ВР). Не

исключено, что она вызвана отсутствием значимого материала для датировок с глубин 100-80 см, но вероятнее всего она связана с аридизацией климата. На находящейся неподалеку стоянке Варфоломеевская фиксируется схожая ситуация – даты порядка 6400-6100 ВР отсутствуют. Судя по стратиграфии и хронологии стоянки Алгай, можно предположить, что в период – 6300-6100 ВР стоянка не посещалась из-за аридизации климата. Но без получения новых данных этот вопрос остается открытым.

Авторы раскопок считают, что дальнейшее исследование позволит определить пространственно-хронологическое соотношение раскопок Алгай и Орошаемое I (находящееся в 150 метрах от стоянки Алгай). Выяснить представляют ли они две разновременные, но расположенные на одном мысу стоянки, или мы имеем дело с одним памятником, древнее население которого постепенно переселялось ближе к речному берегу. Учитывая значительную площадь памятника и мощность культурного слоя, а также его сохранность, есть хорошие перспективы для получения новой качественной информации. Не исключено, что на памятнике при последующих раскопках будут обнаружены и слои другого времени, как это было при исследовании Варфоломеевской стоянки [Выборнов, Юдин, Васильева и др., 2015. С. 241].

Стоит обратить внимание на то, что верхние слои стоянки Алгай датируются 5875 ± 60 , 5720 ± 120 ВР и 5680 ± 80 ВР, а датировка, сделанная по кости с памятника Орошаемое – 5667 ± 100 (Spb-1474) ВР, 5807 ± 26 (UGAMS-23059) ВР и 5890 ± 120 (Spb-1429) ВР. Полученные даты не только близки, но и пересекаются, из чего можно предположить, что какое-то время оба памятника могли существовать на одной территории, но, вероятно, в разные сезоны. Летом жили охотники (Алгай), а ближе к зиме могли приходить скотоводы (Орошаемое). Возможен вариант и совместного обитания населения обоих памятников на столь незначительной территории, однако материалов свидетельствующих о контактах этих групп населения не обнаружено.

Несмотря на значительный объем радиоуглеродных дат, полученных по памятникам степного Поволжья, еще остается ряд дискуссионных вопросов.

Одним из них является вопрос относительно древнейших дат стоянки Каиршак и нижнего слоя Варфоломеевки. Типологически древнейшими памятниками считаются стоянки Кугат IV (7680 ± 100 и 7560 ± 90 ВР) и Кулагайси (7380 ± 120 ВР). Однако радиоуглеродные определения данных памятников уступают датировкам стоянок Варфоломеевская (нижний слой) – 7760 ± 100 ВР и Каиршак III – 7775 ± 42 ВР. Делая выводы на основании типологии, можно предположить, что наиболее ранние датировки Каиршака III и Варфоломеевки не валидны. Однако значительный объем полученных дат делает это предположение маловероятным.

Более обоснованно выглядит версия о том, что датировки по нагару в некоторых случаях удревняют полученное значение, а, следовательно, даты – 7775 ± 42 и 7700 ± 100 ВР для стоянки Каиршак III не валидны. В последнее время получено несколько примеров подобного удревнения. Так, например, часть дат полученных для стоянки Байбек попадают в периоды аридизации – 7937 ± 48 , 7350 ± 50 ВР и 7300 ± 120 , а одна (6304 ± 61 ВР) не стыкуется ни с основным массивом датировок, ни с более поздними датами. Кроме того, на стоянке Байбек, в отличие от Каиршака III, обнаружено большое количество костей рыб, которые, как мы знаем на примере памятника Алгай, могут удревнять датировку на 1000 лет.

Версию об удревнении основного массива датировок стоянки Каиршак III наиболее убедительно показывают определения различных материалов сделанные по одному образцу. Так датировка карбонатной фракции дала результат – 7870 ± 100 ВР, а определение органической фракции этого же фрагмента показало дату – 7290 ± 190 ВР. Для стоянки Каиршак III существует еще две датировки от одного фрагмента, значения которых расходятся. Фрагмент керамики получил дату – 7300 ± 200 ВР, а нагар с этого черепка датируется – 7700 ± 100 ВР. На основании дат полученных в последнее время можно сделать вывод о том, что определения по органике в керамике, являются валидными.

Несмотря на то, что большая часть дат по нагару и керамике фиксирует время существования стоянки Каиршак III в благоприятное время (7770 – 7530 ВР), которое было между двумя аридизациями, ряд дат выпадает на интервал

времени от 7300 – 7000 ВР. Вместе с тем часть этих датировок попадает в финал аридизации (7300±200 и 7290±190 ВР) или представлена датами по костям (7190±80, 7030±100 и 7010±80 ВР), о валидности которых уже говорилось в работе. Датировки, полученные по углистой почве стоянки Каиршак III (6950±100 и 6720±80 ВР), подтверждают ряд более поздних дат. В случае если поздние (7300–7000 ВР) датировки стоянки Каиршак III верны, то хронологически они почти сливаются с датами стоянки Каиршак I (7200–7100 ВР), которая типологически выглядит позднее.

Несмотря на более аргументированную версию о времени существования стоянки Каиршак III – порядка 7700 ВР, существует вероятность, что стоянка датируется примерно 7300–7000 ВР. В таком случае типологически и хронологически выстроится схема с наиболее древними памятниками: Тубузгухудук, Кугат IV (7600 ВР) и Кулагайси (7600 ВР); развитой этап будет представлен памятниками: Каиршак III (7300-7000 ВР), Каиршак I (7200-7100 ВР), Байбек (6950–6850 ВР), третий слой Варфоломеевской стоянки (7250-7100 ВР) и слой 2Б (7100–6900 ВР), нижний слой поселения Джангар (7100– 6900 ВР) и слой 2 (6900-6700 ВР), а также нижний горизонт стоянки Алгай (6800 ВР). Поздний этап характеризуют материалы стоянок: Варфоломеевская слой 2А (6700 – 6400 ВР), Тентексор (6700 – 6550 ВР), Жеколган (6550 ВР) средний горизонт стоянки Алгай (6600-6300 ВР).

Благодаря радиоуглеродному датированию различных материалов (нагар, органика, уголь и кости) степного Поволжья, мы получаем непротиворечивую хронологическую модель неолита данного региона. На настоящий момент можно предполагать время развития каиршакских и тентексорских неолитических комплексов в Северном Прикаспии со второй четверти VI тыс. до н.э. и до середины V тыс. до н.э., где памятники тентексорской культурной традиции появляются с начала V тысячелетия до н.э. На правом берегу р. Волги развитие неолитической культуры на поселении Джангар проходило в период с последней четверти VI тысячелетия до середины V тысячелетия до н.э. Получили подтверждение хронологические рамки развития слоев стоянки Варфоломеевская.

Так нижний слой датируется от 7700 до 7600 ВР, 2Б – от 7100 до 6900 ВР, 2А от 6700 до 6400 ВР. Верхний слой этого памятника датируется началом IV тысячелетия до н.э. Благодаря новым исследованиям были получены данные для стоянки Алгай. Судя по этим данным, памятник с перерывом, вызванным аридизацией, существовал на протяжении тысячи лет нижний слой (150-140) см – 7284±80 ВР, 6800±40 ВР; (140-130 см) – 6654±80 ВР; средний слой (110–90 см) – 6605±32; 6318±33; 6245±32 ВР и верхний слой (70–50 см) – 5720±120 ВР), что делает его перспективным объектом исследования.

Исследования материалов полученных в 80-х г. предоставили ученым возможность на основании технико–типологических признаков выстраивать не только периодизацию степного Поволжья, но и создавать первые хронологические модели и высказывать предположения о преемственности памятников. Полученные комплексы позволили выделить этапы в развитии населения Северного Прикаспия: раннего, представленного памятниками Кугат и Кулагайси, развитого – каиршакский тип, а так же позднего – тентексорского типа [Васильев, Выборнов, Козин, 1988. С. 43; Козин, 1987].

Новый этап в изучении хронологии степного Поволжья стал возможен с получением серии из 46 дат. Радиоуглеродные определения подтвердили предположение о одновременности стоянок Каиршак I и III, которые основывались на типологическом сравнении. Новые датировки для памятников Каиршак III и Тентексор оказались на тысячу лет древнее прежних. Благодаря датам, полученным по поселению Джангар и Варфоломеевской стоянки, выстраивалась последовательная хронологическая схема: 3-ий слой – последняя четверть VI тыс. до н.э.; 2Б – рубеж VI и V тыс. до н.э.; а 2А – первая четверть V тыс. до н.э.

В связи с получением значительного количества радиоуглеродных дат и новых материалов были предложены варианты решения спорных вопросов степного Поволжья. Получили обоснование определения по костям, которые моложе дат по керамике. На ряде примеров получены данные об удревнении нагара образовавшегося в результате приготовления рыбной пищи.

Подтвердилось предположение о времени развития каиршакских и тентексорских неолитических комплексов в Северном Прикаспии со второй четверти VI тыс. до н.э. и до середины V тыс. до н. э. [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012]. Были предложены и соотнесены хронологические рамки бытования различных слоев стоянки Варфоломеевская и Джангар. Материалы полученные со стоянки Байбек, позволили решить ряд важных вопросов. Совпадение датировок по органике в керамике, кости, углю и гуминовым кислотам, позволяет сделать выводы не только о валидности датирования органики в керамике, но и существовании стоянки на протяжении приблизительно 150 лет и единстве материалов неолитического памятника Байбек. Исследование стоянки Алгай позволило типологически и хронологически соотнести его материалы с Варфоломеевской стоянкой. На основании датировки полученной со дна жилища по гуминам, существует вероятность, что дальнейшие раскопки позволят выявить материалы аналогичные 3-ему слою стоянки Варфоломеевская. В материалах стоянки Алгай обнаружена керамика изготовленная из ила, что еще раз подтверждает предположение о более раннем возрасте технологии изготовления посуды Северного Прикаспия. Если радиоуглеродные датировки точны, то стоянка Алгай, является уникальным памятником, который существовал от 7250 до 5700 ВР. Судя по стратиграфии и хронологии стоянки Алгай, можно предположить, что в период – 6300-6100 ВР стоянка не посещалась из-за аридизации климата, что находит подтверждение и в датировках стоянки Варфоломеевская.

Благодаря радиоуглеродному датированию различных материалов (нагар, органика, уголь, кости и гумины) степного Поволжья мы получаем непротиворечивую хронологическую модель неолита данного региона.

Благодаря прояснению хронологии неолита Нижнего Поволжья появляется возможность рассмотреть соотношение памятников Нижнего Поволжья с памятниками сопредельных регионов.

Вероятнее всего в первой половине VII тыс. до н.э. население Нижнего Поволжья и Средней Волги не взаимодействовали друг с другом. Первые контакты могли произойти в связи с аридизацией климата происходившей на

территории степного Поволжья со второй половины VII тыс. до н.э. [Спиридонова, Алешинская, 1999]. На основании зарождения у елшанского населения сосудов, сделанных из илов с примесью раковины [Васильева, 2007] и появления плоских днищ, можно предположить, что влияние носило однонаправленный характер – с южных степей, на север. В.В. Ставицкий также считает, что влияние южных культур на северные было вызвано мощной аридизацией климата, что приводило к миграциям степных копытных животных, за которыми перемещались и неолитические охотники [Ставицкий, 2014. С. 117].

А.В. Вискалин отмечает появление на елшанских памятниках венчиков с наплывами – утолщениями и легкую биконичность сосудов [Вискалин, 2014а. С. 148]. Последнее характерно для материалов стоянок степного Поволжья Каиршак III и Байбек. Сосуды биконических форм также обнаружены в Приаралье и, по мнению К.М. Андреева, данный технологический прием вполне мог быть привнесен елшанским населением из обозначенного региона. Также с влиянием нижневолжского населения может быть связано постепенное увеличение количества пластин и изготовленных из них орудий на поздних елшанских стоянках [Андреев, 2016. С. 6]. Кремневый комплекс елшанской культуры носит отщепово-пластинчатый характер и отличается от мезолитических комплексов региона [Андреев, 2014]. На поздних елшанских памятниках количество пластин и орудий, изготовленных из них, увеличивается. Это может быть связано с влиянием населения Варфоломеевской стоянки, где 60% орудий изготовлено на пластинах [Юдин, 2004].

А.В. Вискалин высказывает версию о том, что влияние елшанской культуры доходило даже до раннеолитического населения Северного Прикаспия. По его мнению, результат подобного влияния в последней четверти VI тыс. до н.э. отражается в материалах стоянок Кугат IV и Кулагайси, в которых проявляются такие елшанские черты, как профилированность венчика и округлодонность [Вискалин, 2013. С. 42; Вискалин, 2014. С. 54]. Однако, такая черта как профилированность распространена довольно широко и доказать, что подобная посуда впервые появилась на каиршакских или елшанских памятниках,

затруднительно [Барацков, 2016. С. 149]. Тем более, что радиоуглеродные даты для материалов обоих типов совпадают. В керамике стоянок Кугат IV и Кулагайси наблюдается ряд значительных технологических и типологических отличий от раннеолитических артефактов лесостепного Поволжья. Их посуда изготовлена из илов с примесью толченой раковины, орнаментальные композиции нанесены в технике прочерка или овального накола, а кремневая индустрия имеет ярко выраженный пластинчатый характер [Козин, Комаров, 1989]. Подобные черты не характерны для ранних елшанских материалов. Учитывая значительный территориальный разрыв между комплексами елшанского и каиршакского типов, довольно сложно представить объемный характер их взаимодействия.

Определенное сходство материалов раннеолитических стоянок Кугат IV и Кулагайси с елшанскими комплексами отмечено В.В. Ставицким, может быть связано с близостью к раннеолитическим культурам Приазовья [Ставицкий, 2014. С. 118]. Вместе с тем подобная версия нуждается в дополнительном фактическом подтверждении.

Не исключено, что с незначительным влиянием раннего неолита лесостепного Поволжья на северную часть степного Поволжья может быть связано, отмечаемое И.Н. Васильевой, распространение на Варфоломеевской стоянке традиции использования илистых глин при производстве керамики [Васильева, 2012]. Использование илистых глин вместо илов может быть объяснено высыханием традиционных источников пластичного сырья, что подтолкнуло население к использованию традиционного сырья в высушенном состоянии [Васильева, 2012. С. 15]. Данную версию необходимо подтвердить большим количеством фактов.

Версия А.В. Вискалина о том, что ранняя миграция с Дона на Волгу привела к распространению на Нижней и Средней Волге треугольного накола и сложению орловской культуры, а более поздняя вызвала распространение овального накола и появление тентексорской культуры, вызывает ряд вопросов [Вискалин, 2015. С. 27]. На стоянке Каиршак III обнаружены фрагменты керамики с овальными

наколами в отступающей манере, которые принадлежат раннему тентексорскому типу и выглядят более архаичными [Барацков, 2013], чем фрагменты стоянки Тентексор III, которые датируется 7005 ± 90 ВР. Сосуды стоянок Кугат IV и Кулагайси орнаментированы в технике прочерка или овального накола, а судя по типологии и хронологии, они являются одними из древнейших в степном Поволжье.

О важности орнаментальных композиций, а не манере их нанесения, могут свидетельствовать находки четырех фрагментов керамики на стоянке Каиршак III. Орнаментальные композиции на фрагментах идентичны, но на двух фрагментах орнамент нанесен в прочерчено–накольчатой технике, а еще два фрагмента украшены отступающими наколами (рис. 9: 7,8,10) [Барацков, 2014. С. 22]. На стоянке Качкарстау, которая датируется 6730 ± 80 лет ВР, отмечены признаки присущие как каиршакской так и тентексорской культуре: встречается сочетание подпрямоугольных линий и овального накола. Вышесказанное ставит под сомнение гипотезу о том, что вторая волна миграции могла вызвать появление тентексорской культуры. Версия о том, что миграция с Нижнего Дона привела к сложению орловской культуры весьма спорная. Орнаментальные композиции Варфоломеевской стоянки значительно более сложные, чем на Ракушечном Яре, а треугольный накол отмечен почти на 50% богато орнаментированной посуды (таблица 2). Этого нельзя сказать о посуде Ракушечного Яра, где лишь 9% посуды украшены орнаментом [Белановская, 1976; 1983; 1995; Белановская, Тимофеев, 2003; Мазуркевич, Долбунова, 2012; Мазуркевич, Долбунова, Кулькова, 2013]. На ранних памятниках степного Поволжья (Каиршак III, нижний слой Варфоломеевки, Кугат, Кулагайси) преобладают сложные орнаментальные композиции, которые, как показывают материалы каиршакского типа, по прошествии времени становятся все проще [Барацков, 2013]. А судя по сходным хронологическим датировкам древнейших памятников степного Поволжья и стоянки Ракушечный Яр [Мазуркевич, Долбунова, Кулькова, 2013; Цибрий, Долбунова, Мазуркевич и др., 2014; Долбунова, 2015], влияние населения с Нижнего Дона маловероятно. Значительно больший объем находок и мощность

культурного слоя Варфоломеевской стоянки, также ставит под сомнение версию о влиянии населения Ракушечного Яра на сложение Варфоломеевской стоянки.

Кроме того, серьезно разнятся технологии изготовления орловской и ракушечной посуды [Васильева, Выборнов, 2016. С. 47]. Часть композиций состоящих из прочерченных линий в обрамлении наколов находят явные аналогии на посуде Каиршака III, а не Ракушечного Яра. Вышесказанное ставит под сомнение сложение орловской культуры под влиянием Нижнего Дона [Барацков, 2016. С. 150].

Вероятнее всего начало активного взаимодействия населения степного Поволжья и Средней Волги началось в VI тыс. до н.э., когда носители традиции накольчато-прочерченной орнаментации Нижнего Поволжья проникают на юг лесного Поволжья [Васильев, Выборнов, 1988. С. 29]. Это могло быть связано с благоприятным климатом и ростом населения в степном Поволжье. В этот период население лесостепи заимствует такие традиции как треугольный накол в отступающей манере и геометризованные схемы узоров [Андреев, 2016. С.7].

Версия В.В. Ставицкого о незначительном влиянии культур степного Поволжья на формирование накольчатой традиции Среднего Поволжья, выглядит не вполне обоснованной [Ставицкий, 2014. С. 119]. Так К.М. Андреев отмечает, что у населения Средней Волги широкое распространение получает накол в отступающей манере, который распространен на нижеволжской посуде. А в материалах развитого неолита лесостепного Поволжья фиксируются сложные орнаментальные композиции представленные на сосудах Нижней Волги, что, по мнению исследователя, доказывает связь между регионами. Проведенный сравнительный анализ мотивов орнамента, приводит к выводу, о влиянии носителей керамической традиции второго слоя Варфоломеевской стоянки на формирование накольчатой традиции орнаментации средневолжской культуры. В результате проникновения населения Нижней Волги на юг лесостепи происходит их смешение с населением елшанской культуры, что дает толчок к развитию посуды с чертами присущими обеим керамическим традициям [Андреев, 2016. С. 9].

Таким образом, появление новых орнаментальных композиций в лесостепном Поволжье, вероятнее всего было связано с влиянием населения иной культурной принадлежности, а не саморазвитием елшанской гончарной традиции [Андреев, 2016. С. 9].

3.2 Проблемы происхождения производящего хозяйства в неолите степного Поволжья

А.Н. Мелентьев - один из первых исследователей, кто на примере прикаспийской культуры начал ставить вопрос о производящем хозяйстве в позднем неолите Северного Прикаспия [Мелентьев, 1980]. Поздний неолит выделялся автором по орудиям изготовленным из кварцита и керамике, украшенной овальными контурами из прочерков, заполненных оттисками зубчатого штампа [Мелентьев, 1976]. Именно такие признаки были связаны с производящим хозяйством [Мелентьев, 1980]. И.Б. Васильев и А.Т. Синюк относили прикаспийскую культуру к энеолитической эпохе, а Н.С. Котова, В.П. Третьяков [Третьяков, 1984] и В.В. Ставицкий [Ставицкий, 2013] считали ее переходной нео-энеолитической культурой. Если принимать точку зрения А.Н. Мелентьева, то встает вопрос, было ли производящее хозяйство в раннем неолите. Д.Я. Телегин, опираясь на данные А.И. Юдина, высказывает предположение о том, что домашние животные в Прикаспии появляются уже в раннем неолите [Телегин, 1996. С. 72], что характеризовало данный регион как один из центров производящего хозяйства.

Появление лошади в степном Заволжье А.И. Юдин определяет датой $6980 \pm 200 \text{BP}$, полученной для 3-его слоя Варфоломеевской стоянки, в котором найдены её многочисленные останки (31% от общего числа копытных), или 23% от количества особей всех представленных в слое животных [Юдин,

2002. С. 9], стеологическое определение которых было выполнено И.Е. Кузьминой и А.К.Каспаровым.

А.И. Юдин при исследовании Варфоломеевской стоянки отмечал факторы, позволяющие говорить о начале доместикиции еще в позднем неолите. В слое 2А состав фаунистических остатков изменяется (Таблица 4). Основой хозяйства продолжают оставаться рыбная ловля и охота на кулана (34,5%), лошадь (23,5%), сайгу (21%), тура или бизона (14%). В слое определены кости собаки, кабана, волка и лисы. Обнаружены кости птиц: утки, гуся и тетерева. Наиболее важной находкой в слое 2А являются кости одной особи овцы, что фиксирует начало перехода к производящему хозяйству [Юдин, 2003]. В данном случае следует обратить внимание на стратиграфию памятника. Жилища из верхнего слоя стоянки нарушили культурные слои, находящиеся ниже [Юдин, 2004. С.18], что могло приводить к перемешиванию артефактов. Появляются кости, определенные И.Е. Кузьминой как «корова или мелкий тур» (7%), то есть идет измельчение стада характерное для начала одомашнивания.

О начале перехода к производящему хозяйству имеется еще два косвенных свидетельства – находка наверхия булавы подтреугольной формы и обломка круглой булавы. В.Н. Даниленко связывает появление каменных наверхий булав с переходом к производящему хозяйству и началом господства патриархальных отношений [Даниленко, 1974. С. 104]. Данные находки относятся, скорее, не к неолиту, а к верхнему, энеолитическому слою, что отвергает термин о производящем хозяйстве в неолите.

В нижнем слое доля кости лошади составляет 31%, в слоях 2А и 2Б – 23%, в верхнем слое, где количество костей овцы возрастает до 10%, доля лошади, сокращаясь до 14%, сохраняя её значение в хозяйственной жизни населения стоянки (табл. 4) [Юдин, 2002]. Сложно согласиться с А.И Юдиным в том, что сокращение численности лошади к верхнему слою отражает процесс начала одомашнивания. В количественном отношении кости овцы не замещают лошадиные. На памятнике отмечается снижение количества особей животных, что может быть связано с оттоком населения стоянки или переходом на другую

пищевую базу, например, рыбу. На момент исследования нельзя сделать однозначных выводов по результатам остеологического анализа о степени развития производящего хозяйства, так как было обработано не более 5% коллекции.

Автор раскопок Варфоломеевской стоянки отмечает ряд жертвенников из передних резцов лошади, аккуратно разложенных в кучи. Часть зубов украшена короткими насечками. В центре одного жертвенника находилось медное изделие, представленное тонкой медной пластинкой. По мнению А.И. Юдина, это проявление древнейшего в степном Заволжье культа лошади, который мог сформироваться лишь в случае большого значения лошади в хозяйственной жизни древнего населения. Однако это наблюдение не дает оснований предполагать начало одомашнивания лошадей в неолите.

Тщательный анализ при последующих раскопках позволил сделать А.И. Юдину более объективные выводы: в слое 2Б Варфоломеевской стоянки содержалась фауна лишь диких особей. В слое 2А определена лишь одна особь овцы и нет данных о доместикации лошади [Юдин, 1995. С. 8–9]. Если данный поздненеолитический слой датируется второй четвертью V тыс. до н.э., то оснований для предположений о Нижнем Поволжье как одном из центров появления скотоводства в эпоху неолита и его влиянии на лесостепные культуры остается совсем мало.

П.А. Косинцев и А.И. Баров не включают лошадь из неолитических памятников Волго-Уралья в состав домашних животных, так как нет надежных морфологических признаков, которые позволяют отличить костные остатки диких и домашних лошадей. Поэтому предлагается рассматривать вопрос о доместикации лошади в культурно-историческом контексте каждого конкретного памятника.

Предположение Д.Я. Телегина о том, что в Прикаспии домашние животные появляются уже в раннем неолите [Телегин, 1996. С. 72] получил поддержку и у П.М. Кольцова. Характеризуя хозяйство обитателей поселения Джангар, исследователь отмечает, «что не вызывает сомнений и наличие у них домашнего

скота, хотя остеологический материал не дает пока достаточных оснований судить о его удельном весе» [Кольцов, 1984. С. 90].

По данным И.Н. Наумова, кости лошади в нижнем горизонте Джангара представлены 6% из 16% домашнего стада, то есть 40% особей; в среднем горизонте они возрастают до 10% из 15% общего числа; в верхнем 16% из 33% домашнего стада [Наумов, 2003. С. 83–84]. При этом, по данным П.А. Косинцева, сокращение численности останков тарпана, кулана, тура и сайги на памятниках неолита связана не с переходом к скотоводству, а с изменением природных условий и переходом на рыбную пищу. [Гасилин, Косинцев и др., 2008].

В работах начала XXI в. П.М. Кольцов конкретизирует, что «первые свидетельства принципиально нового этапа в развитии местного первобытного общества отмечены в верхнем слое, где (по устному сообщению А.Г. Петренко) зафиксированы кости овцы, быка и лошади, близкие к домашним особям» [Кольцов, 2004. С. 135]. Вместе с тем ряд моментов усложняют принятие окончательного решения. Затрудняет процедуру исследования то, что в верхнем слое стоянки Джангар крайне мало костей животных и в первых определениях кости овцы отсутствуют.

По мнению П.М. Кольцова, domesticiрованная фауна связана с верхним слоем Джангара. Однако гомогенность этого слоя вызывает большие сомнения, особенно в связи с информацией автора о том, что в верхнем слое поселения Джангар, помимо неолитической, обнаружена воротничковая керамика с накольчатым орнаментом [Кольцов, 2005. С. 317], которая, вероятнее всего, стыкуется с двустороннеобработанными наконечниками, трапецией со струганой спинкой и костями домашних животных. Подобное сочетание больше присуще раннеэнеолитическому периоду. В этом случае Северо-Западный Прикаспий в неолитическую эпоху не может претендовать на роль одного из центров производящего хозяйства.

Фауна поселения Джангар определенная П.А. Косинцевым весьма разнообразна: сайга (103 экз.), кулан (28 экз.), газель (24 экз.), тарпан (15 экз.), тур

(9 экз.), корсак (7 экз.), благородный олень (6 экз.), лисица (3 экз.), кабан (2 экз.), заяц (1 экз.). При этом домашних особей исследователем не обнаружено.

На поселении Джангар следует отметить большое количество костей газели, в то время как на стоянках Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья этот вид животного отсутствует. Судя по фаунистическим останкам, население памятника Джангар охотилось в основном на сайгу, на памятниках Нижнего Поволжья ее гораздо меньше, а в Северном Прикаспии совсем немного. Вероятнее всего это вызвано тем, что памятник находился на правом берегу р. Волги и через него проходили пути миграции сайги и газели [Барацков, 2015а].

По новым данным П.А. Косинцева, на текущий момент из всей коллекции Варфоломеевской стоянки определено около 3000 костных остатков, при этом отсутствует материал с глубины 120—160 см. Несмотря на это, изученная часть коллекции позволяет охарактеризовать всю толщу культурного слоя, кроме горизонта 120–160 см, а так же верхнего слоя – 40 см (по причине недостаточности объема выборки). Изученный материал достаточно полно характеризует фауну крупных млекопитающих степного Поволжья в атлантический период. Домашние животные представлены только собакой (табл. 4). В публикации, со ссылкой на определения И.Е. Кузьминой и А.К. Каспарова [Юдин, 2004. С. 162], указаны находки костей овцы [Юдин, 2004. С. 195] в слое 1 (3 особи) и 2А и 2Б (1 особь). Как отмечает П.А. Косинцев, «среди изученного нами материала останков овцы не найдено» [Косинцев, 2008. С. 93]. Исследована археозологическая коллекция значительного размера, что позволяет с полной уверенностью говорить об отсутствии даже зачатков животноводства у населения Варфоломеевской стоянки на протяжении всего времени ее существования [Косинцев, 2009. С. 93]. Однако из-за недостаточности материала для слоя 1 Варфоломеевской стоянки, сейчас невозможно с полной уверенностью говорить об отсутствии костей овцы в первом слое. Не исключено, что население верхнего слоя Варфоломеевской стоянки могло начать заимствование элементов животноводства у населения сопредельных регионов.

На данный момент фаунистические останки Варфоломеевской стоянки, по данным П.А. Косинцева, представлены: тарпан (21 экз.), кулан (19 экз.), сайга (17 экз.), тур (11 экз.), волк (7 экз.), собака (5 экз.), кабан, лисица и корсак (4 экз.), благородный олень и черепаха (2 экз.), барсук (1 экз.), птицы (21 экз.) и рыбы (6 экз.)

Соотношение долей останков различных видов копытных на протяжении атлантического периода непостоянно. Судя по материалам Варфоломеевской стоянки, доля тарпана на протяжении атлантического периода уменьшается почти в 2 раза: 41% – 28% – 30% – 23%. Доля кулана увеличивается в 3 раза: 12% – 24%; – 28%; – 35%. Доля тура постепенно снижается, а сайги постепенно растет. Учитывая количество выборки и масштабы изменений, П.А. Косинцев предполагает, что эти пары являются видами–антагонистами, различно реагирующими на изменения в природных условиях [Косинцев, 2009. С. 95].

За исключением собаки, в изученном костном комплексе Варфоломеевской стоянки представлены только дикие виды, очевидно, хозяйство было присваивающим [Косинцев, 2009. С. 96].

Эти выводы подтверждает исследование нового неолитического памятника Нижнего Поволжья – стоянки Алгай, исследованной в 2014 году [Выборнов, Юдин и др., 2015]. Ее материалы соотносятся по времени существования со слоями 2Б и 2А Варфоломеевской стоянки [Барацков, 2015]. В сохранившемся культурном слое П.А. Косинцевым определены находки только диких видов, среди которых преобладают: тарпан (38 экз.), кулан (37 экз.), тур (31 экз.), сайга (21 экз.), благородный олень и кабан (2 экз.), заяц (1 экз.) и лишь собака (3 экз.) достоверно относится к домашним видам (таблица 5). Стоит отметить, что на памятниках Нижнего Поволжья значительно больше тарпана и тура, что подтверждает выводы о более мягком, степном климате в данном регионе. При этом, по сравнению с Северным Прикаспием, в Нижнем Поволжье меньше кулана, который проще переносит засушливые условия [Барацков, 2015а].

Для стоянки Байбек остеологический анализ был сделан П.А. Косинцевым. Судя по полученным данным (табл. 3), на стоянке выявлены лишь дикие особи:

кулан (91 экз.), корсак (7 экз.), сайга (7 экз.), благородный олень (5 экз.), лисица и волк (4 экз.), кабан, тур, заяц и собака (2 экз.), птица (1 экз.). Останки домашних животных не обнаружены. Исключением могут считаться кости собаки, найденные как в норе, так и в культурном слое стоянки. Поэтому маловероятно, что они попали на памятник несколько позже, принесенные дикими животными. Кости собаки определены И.Е. Кузьминой на стоянке Каиршак II и Каиршак III [Козин, 2004. С. 221]. По данным П.А. Косинцева, единичные кости собаки обнаружены как в коллекциях тентексорского типа (Жеколган I), так и хвалынской культуры (Каиршак VI). В более северных степных районах они встречаются в минимальном количестве и только в нижнем слое Варфоломеевской стоянки. По сути, это единственное домашнее животное в раннем неолите интересующего региона [Гречкина, Кутуков, Выборнов, 2014. С. 82].

На стоянке Байбек также обнаружено большое количество рыбных костей, что не свойственно для территории Северного Прикаспия. Основными промысловыми видами были: лещ, судак, щука, сом, сазан, реже встречаются осетровые (севрюга и стерлядь) [Яниш, 2014. С. 225]. Следует отметить, что на стоянке Байбек основным объектом охоты был кулан, он составлял около 80% рациона населения. Вероятнее всего это связано с тем, что Байбек была летней стоянкой и другие виды животных мигрировали севернее, в более прохладные степные районы Нижнего Поволжья. На стоянках Северного Прикаспия фактически отсутствуют останки тарпанов, зато в Нижнем Поволжье они встречаются в достаточном количестве [Барацков, 2015a].

На левобережье Волги неолитические памятники развитого (каиршакского) и позднего (тентексорского) этапов, по определению И.Е. Кузьминой, содержат фаунистические останки лишь диких животных. Так, по Каиршаку III: кулан – 55%, благородный олень – 17%, сайга – 13%; по Каиршаку II: кулан – 67%, благородный олень – 16%, сайга – 8%. Что же касается более поздних памятников, то в Тентексоре I кулан представлен – 69%, сайга – 12%, тур/бизон – 7%, лошадь – 3,5%. На Жеколгане I – одна особь тура/бизона и одна сайги. В

нижнем слое Варфоломеевской стоянки обнаружены кости лошади (36%), сайги (30%), тур/бизона (18%), кулана (11%), благородного оленя (5%). В слое 2Б видовой состав таков: сайга – 34%, кулан – 31%, лошадь – 20%, тур/бизон – 9%, кабан – 3%. Слой 2А содержит: кулан (37%), лошадь (26%), тур/бизон (18%), сайга (8%), овца (3%). Что же касается поселения Джангар, то здесь, по определениям В.И. Данильченко, в третьем (нижнем) слое обнаружено: лошадь (2 особи), кулан (6 особей), сайга (3 особи); 2 (средний): лошадь (4 особи), кулан (6 особей), бык (2 особи), сайга (16 особей), благородный олень (2 особи), кабан (1 особь), а в верхнем: лошадь – (1 особь), кулан (1 особь), бык (1 особь), сайга (2 особи), благородный олень (1 особь).

П.А. Косинцевым на стоянке Тентексор I была обнаружена 1 кость овцы (доклад 2011 г. в г. Самаре). Но, учитывая плохую сохранность культурного слоя, отсутствие шифра на кости и единичный фрагмент керамики, отличающийся от основного комплекса (наиболее близкие аналогии встречены в полтавкинской культуре), говорить о наличии производящего хозяйства нет веских оснований. Подтверждением этому служит дата, полученная по кости домашней овцы на УМС в лаборатории университета г. Хельсинки профессором М. Ойноненом, 4555 ± 30 BP (3555 BC) или середина III тыс. до н.э. [Выборнов, Юдин, Васильева и др., 2015]. Серия радиоуглеродных дат по различным материалам стоянки Тентексор фиксирует середину V тыс. до н.э. Иначе говоря, данная кость не принадлежит к поздненеолитическому комплексу и, соответственно, у нас нет веских аргументов в пользу наличия скотоводства у местного населения в это время. Вероятнее всего кость овцы попала на памятник вместе с поздним фрагментом керамики и не имеет отношения к комплексу стоянки.

В решении вопроса о появлении производящего хозяйства большое значение приобретают материалы стоянки с сохранившимся культурным слоем – Орошаемое I в Саратовской области. Данный памятник относится к прикаспийской культуре, которую большинство авторов [Котова, 2002; 2015; Ставицкий, 2013] считают переходной нео-энеолитической культурой. Ряд исследователей рассматривали прикаспийскую культуру в рамках позднего

неолита [Меленьтьев, 1977, 1980]. На данном памятнике кроме костей диких животных были обнаружены останки домашних овцы и козы [Выборнов, Юдин, Васильева и др., 2015]. По костям животных со стоянки Орошаемое I была получена радиоуглеродная дата 5667 ± 100 BP. В целях верификации на АМС были продатированы кости непосредственно домашней овцы – 5807 ± 26 BP. Важно отметить, что дата по керамике со стоянки Орошаемое – 5890 ± 120 BP, полностью совпадает с датой по костям животных. Таким образом, новейшие материалы неолита и энеолита по Нижнему Поволжью, а также современные методики их изучения позволяют сделать вывод о том, что признаки производящего хозяйства достоверно фиксируются в материалах прикаспийской культуры и датируются первой четвертью V тыс. до н.э. [Барацков, 2016. С. 151].

Данные о доместикации животных для поселения Джангар и Варфоломеевской стоянки относились исследователями к верхним слоям памятников. Как уже говорилось, в них содержатся материалы прикаспийской культуры. Радиоуглеродные определения верхних слоев данных памятников совпадают с определениями, полученными для прикаспийской культуры, которые сливаются с датировками со стоянки Орошаемое I (5800 BP), на которой были обнаружены кости домашней овцы (5807 ± 26 BP). Датировки верхних слоев стоянки Алгай также соответствуют времени существования прикаспийской культуры. Полученные данные ставят вопрос о возможности сосуществования или взаимодействия орловской и прикаспийской культур и появлении производящего хозяйства в степном Поволжье.

Для памятника Орошаемое I в 2014 г. получена дата по кости – 5667 ± 100 BP. Судя по материалам раскопок 2016 г., вероятнее всего датировка относится к верхнему слою, в котором представлены артефакты хвалынской культуры [Выборнов, Юдин, Косинцев и др., 2017]. Материалы среднего культурного слоя относятся к прикаспийской культуре, что подтверждается не только типологически, но и датами по керамике (5890 ± 120 BP), костям домашней овцы (5806 ± 26 BP) и коллагену из слоя (5934 ± 100 BP).

В таком случае, если признать слой с материалами прикаспийской культуры поселения Орошаемое I поздним неолитом, то это будет единственная стоянка в степном Поволжье с сохранившимся культурным слоем и достоверным производящим хозяйством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении подводятся основные итоги исследования, обозначаются наиболее остро стоящие вопросы и намечаются пути их решения.

Приведенные в работе результаты реконструкции палеогеографического фона степного Поволжья в период 8000–6000 л.н., позволяют выявить важные изменения в функционировании неолитических памятников данного региона.

В интервале 7800–7500 л.н. при благоприятных условиях, функционируют древнейшие неолитические памятники типа Кугат IV, Кулагайси, Каиршак III, Варфоломеевской стоянки (нижнего уровня). Ситуацию ухудшает резкая аридизация и похолодание климата в период 7500–7300 л.н. Это объясняет почти полное отсутствие памятников в Северном Прикаспии, где условия наиболее неблагоприятные. Природно-климатическая ситуация стабилизируется лишь с конца VI тыс. до н.э. Благодаря этому в финале VI – начале V тыс. до н.э. на территории степного Поволжья увеличивается количество неолитических памятников. В Северном Прикаспии – Каиршак I, II, IV, Байбек, Качкарстау, Тентексор в Северо-Западном Прикаспии – Джангар, в Нижнем Поволжье – 2Б слои Варфоломеевской стоянки и поселение Алгай, которые отражают возможную аридизацию климата произошедшую период 6300–6100 BP.

Целенаправленные и систематические разведки стоянок мезолита и неолита на территории Северного Прикаспия в середине 60-х годов XX века позволили А.Н. Мелентьеву выделить сероглазовскую культуру. Начало 80-х годов XX века являлось переломным в истории изучения памятников неолита степного

Поволжья. В 80–90-е годы изучались памятники с сохранившимися культурными слоями и стратиграфией, это дало возможность создания как региональных схем развития неолита степного Поволжья, так и составить картину в целом. В эти годы ученые на базе накопленных материалов начали формирование первых концепций по неолиту степного Поволжья. В 90-х гг. формируются три подхода в изучении неолитических памятников степного Поволжья. На рубеже веков ряд спорных вопросов оставался не решенным. С появлением новых памятников источниковедческая база увеличивалась, позволяя создавать более полную и точную периодизацию, а также выстраивать хронологические модели развития региона. Большое количество открытых стоянок и памятников вызывало ряд спорных вопросов. Дискуссии относительно периодизации и культурной принадлежности ряда памятников продолжаются и сейчас. Периодизация, предложенная А.А. Выборновым (с незначительными поправками), актуальна и по сей день, а проблема единства каиршакского и тентексорского типа до сих пор вызывает ряд вопросов.

Анализируя материалы неолита степного Поволжья можно сделать вывод о неравнозначности источников. На ряде памятников количество находок для достоверного анализа и верных заключений недостаточно. Развешанный культурный слой и смешанный характер материалов памятников приводили исследователей к ошибочным предположениям. Тем не менее, существование опорных памятников с сохранившимися слоями: Каиршак III, Тентексор, Джангар, Варфоломеевка позволили исследователям получить достоверный материал и создать рабочие модели периодизации и хронологии региона. Исследования новых неолитических стоянок Байбек, Алгай и Орошаемое I дали качественно новый материал и позволили внести ясность в ряд спорных вопросов. Проработка старых коллекций новыми методами исследования позволила получить новые данные и решить ряд полемических вопросов. Было опровергнуто предположение А.В. Вискалина о мезолитической примеси на стоянках Степного Поволжья, а также типологически и хронологически подтвержден более архаичный возраст стоянки Каиршак III по сравнению с Каиршаком I.

Неолитические памятники степного Поволжья объединяются в каиршакско-тентексорскую и джангаро-варфоломеевскую культуры в рамках нижеволжской культурно-исторической области.

На левобережье р. Волги выделяется каиршакско-тентексорская культура, которая прошла три этапа развития. Хронологически первый этап выделяется по комплексам стоянок Кугат IV, Кулагайси и Каиршак III. Средний (развитой) этап данной культуры в Северном Прикаспии представлен памятниками: Байбек, Каиршак I, а поздний этап каиршакско-тентексорской культуры Северного Прикаспия представлен стоянками Качкарстау, Тентексор, Жекалган I.

Джангаро-варфоломеевская неолитическая культура в своем развитии также прошла три этапа. Хронологически ранний этап представляют памятники типа Тубузгухудук I и нижней границей 3 слоя Варфоломеевской стоянки. Ко второму (развитому) этапу относятся материалы 3-его и 2-ого слоев поселения Джангар, а так же верхней границы 3-его слоя Варфоломеевской стоянки, нижний слой стоянки Орошаемое I и Алгай (7200 BP). К позднему этапу отнесены материалы 1-ого (верхнего) слоя поселения Джангар, слоя 2Б Варфоломеевской стоянки и нижний слой стоянки Алгай (6800 BP).

Результаты исследования каменных индустрий синхронных памятников показывают, что в материалах стоянки Тентексор геометрические микролиты представлены лишь трапециями со струганой спинкой, как и в синхронном ему слое 2А Варфоломеевской стоянки. Эволюционную смену сегментов с гелуанской ретушью на трапеции со струганой спинкой мы можем наблюдать на стоянке Алгай. В отличие от приведенных примеров в верхнем слое стоянки Джангар совместно с трапециями со струганой спинкой залегают сегменты с гелуанской ретушью. Отличаются и заготовки для изготовления орудий. Изученные материалы различных районов степного Поволжья фиксируют своеобразие развития каменных индустрий.

Примеры особенности развития встречаются и в технологии изготовления керамики степного Поволжья. На стоянках Северного Прикаспия от ранних памятников типа Кугат IV и Каиршак III, до поздних – стоянка Тентексор – для

создания посуды использовался исключительно ил. В Нижнем Поволжье технология изготовления сосудов отличается от Северного Прикаспия, что фиксируется в материалах Варфоломеевской стоянки. Вышесказанное подтверждает неравномерность перехода к новому сырью, даже в границах одной культуры, что свидетельствует об эволюционном своеобразии керамических индустрий в разных районах степного Поволжья.

В данной работе рассмотрен вопрос противоречия дат середины 90-х и 2000-х годов. Столь раннее значение последних определений могло быть связано с тем, что сосуды Северного Прикаспия изготавливались из озерного ила, который содержит естественную примесь раковин моллюсков, а значит, возможен резервуарный эффект. Однако проведенные исследования опровергли наличие резервуарного эффекта [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 200].

Подробно проанализирован вопрос, связанный с омоложением дат по костям стоянки Каиршак III [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 200]. Возможно, даты по костям омолаживают возраст на несколько сотен лет, либо они относятся к тентексорской культуре [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012].

Для эталонного неолитического памятника – Варфоломеевской стоянки получено достаточно большое количество дат по разным материалам в различных лабораториях. Эти даты позволили предположить возраст нижнего слоя – 7700–7600 ВР, определить наиболее вероятный интервал функционирования слоя 2Б от 7100 до 6900 ВР, приемлемый интервал существования слоя 2А – от 6700 до 6400 ВР, также предположить, что наиболее поздние даты для верхнего слоя относятся к прикаспийской культуре [Выборнов, Андреев, Барацков и др., 2013. С. 256].

Для решения ряда культурно–хронологических вопросов неолита степного Поволжья крайне важны материалы нового неолитического памятника Байбек. Полученные данные отрицают возможность существования памятника на протяжении 1000 лет и устанавливают весьма четкие хронологические рамки бытования стоянки (7000–6850 лет ВР). Пересмотр прежних материалов и появление новых позволили подтвердить вывод о единстве каиршакско-тентексорского типа. Одновременное залегание геометрических микролитов и

керамики в ямах стоянки Байбек опровергает теорию о том, что микролиты являются мезолитической примесью на стоянках Северного Прикаспия.

Благодаря радиоуглеродному датированию различных материалов (нагар, органика, уголь и кости) степного Поволжья мы получаем функциональную хронологическую модель изучаемого региона. На настоящий момент можно предполагать время развития каиршакских и тентексорских неолитических комплексов в Северном Прикаспии со второй четверти VI тыс. до н.э. и до середины V тыс. до н. э., где памятники тентексорской культурной традиции появляются с начала V тысячелетия до н.э. [Барацков, 2014.] На правом берегу р. Волги развитие неолитической культуры на поселении Джангар проходило в период с последней четверти VI тысячелетия до середины V тысячелетия до н.э. Получили подтверждение хронологические рамки развития слоев 3 (от 7700 до 7600), 2Б (от 7100 до 6900 ВР.) и 2А (от 6700 до 6400 ВР.) Варфоломеевской стоянки. Верхний слой этого памятника датируется началом IV тысячелетия до н.э.

Исследование материалов стоянки Алгай позволило типологически и хронологически соотнести их с артефактами Варфоломеевской стоянки. В материалах стоянки Алгай обнаружена керамика изготовленная из ила, что еще раз подтверждает предположение о более раннем возрасте технологии изготовления посуды Северного Прикаспия. Если радиоуглеродные датировки по костям, углю, керамике, нагару точны, то стоянка Алгай, является уникальным памятником, который существовал от 7200 до 5700 ВР. Судя по стратиграфии и хронологии стоянки Алгай можно предположить, что в период – 6300–6100 лет ВР стоянка не посещалась из-за аридизации климата, что находит подтверждение и в датировках стоянки Варфоломеевская. Изучение остеологических материалов памятника выявило наличие лишь диких особей, исключением являются несколько особей собаки. Изучение жилища на стоянке Алгай позволит получить качественно новую информацию и возможно выявить более древний слой.

Ряд исследователей выдвигал предположение, что производящее хозяйство появилось в степном Поволжье уже в неолите. Однако в случае с Варфоломеевской

стоянкой достоверность залегания материалов вызывает ряд вопросов. Данные о доместикации животных для поселения Джангар относились только к верхнему слою памятника, а в нем, как и в верхнем слое Варфоломеевской стоянки были обнаружены артефакты прикаспийской культуры. Радиоуглеродные значения верхних слоев памятников совпадают с датировками прикаспийской культуры. Исследования материалов новых стоянок (Байбек и Алгай) позволили выявить лишь дикие виды животных. Единственным доместичированным животным является собака. Изучение остеологических коллекций, проведенное П.А. Косинцевым на памятниках степного Поволжья, свидетельствует либо об отсутствии костей домашних животных, либо указывает на отсутствие четких диагностических отличий домашних и диких видов.

Если признать слой с материалами прикаспийской культуры поселения Орошаемое I поздним неолитом, то это будет единственная стоянка в степном Поволжье с сохранившимся культурным слоем и достоверным производящим хозяйством.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГИМ – Государственный исторический музей
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КСИА – Краткие сообщения Института Археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ПГСГА – Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской Академии наук
СГПИ – Самарский государственный педагогический институт
СГПУ – Самарский государственный педагогический университет
AA – Индекс радиоуглеродной лаборатории Университета г. Аризона (США)
AAR – Индекс радиоуглеродной лаборатории Университета г. Орхус (Дания)
BC (calBC) – Before Christmas (дата до Рождества Христова или до нашей эры)
BP – Before Present (дата до настоящего времени или лет назад)
Gin – Индекс радиоуглеродной лаборатории геохимии изотопов и геохронологии г. Москва (Россия)
Ki – Индекс радиоуглеродной лаборатории института геохимии окружающей среды НАН г. Киев (Украина)
Le – Индекс радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН г. Санкт – Петербург (Россия)
Poz – Индекс радиоуглеродной лаборатории Университета им. Адама Мицкевича г. Познань (Польша)
Srb – Индекс радиоуглеродной лаборатории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена г. Санкт – Петербург (Россия)
Ua – Индекс радиоуглеродной лаборатории Университета г. Уппсала (Швеция)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**Источники. Археологические коллекции**

1. Стоянки Истай I; IV; IVa; Ivб; V; Vб; Vв. Раскопки 1985-1987 гг. / Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., Комаров А.М. // Фонды хранения Самарского государственного социально-педагогического университета.
2. Стоянки Жол-Тюбе; Каиршак V; Комбак-тэ. Раскопки 1985-1987 гг. / Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., Комаров А.М. // Фонды хранения Самарского государственного социально-педагогического университета.
3. Стоянка Тентексор I. Раскопки 1981;1984 гг. / Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. // Фонды хранения Самарского государственного социально-педагогического университета
4. Стоянка Каиршак III. Раскопки 1986-1988 гг. / Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. // Фонды хранения Самарского государственного социально-педагогического университета.
5. Стоянка Каиршак II. Раскопки 1986-1988 гг. / Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. // Фонды хранения Самарского государственного социально-педагогического университета.
6. Стоянка Каиршак IV. Раскопки 1986-1988 гг. / Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. // Фонды хранения Самарского государственного социально-педагогического университета.
7. Стоянка Кугат IV. Раскопки 1985 г. / Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., Комаров А.М. // Фонды хранения Самарского государственного социально-педагогического университета.
8. Стоянка Кулагайси. Раскопки 1985 г. / Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., Комаров А.М. // Фонды хранения Самарского государственного социально-педагогического университета.
9. Стоянка Каиршак I. Раскопки 1986-1988 гг. / Выборнов А.А., Козин Е.В. // Фонды хранения Самарского государственного социально-педагогического университета.
10. Стоянка Качкарстау. Раскопки 1987 г. / Выборнов А.А., Козин Е.В. // Фонды хранения Самарского государственного социально-педагогического университета.
11. Стоянка Алгай. Раскопки 2014-2016 гг. / Выборнов А.А., Юдин А.И. // Фонды хранения Энгельского краеведческого музея.
12. Стоянка Орошаемое I. Раскопки 2014-2016 гг. / Выборнов А.А., Юдин А.И. // Фонды хранения Энгельского краеведческого музея.
13. Стоянка Байбек. Раскопки 2013-2016 гг. / Гречкина Т.Ю. Выборнов А.А. // Фонды хранения Астраханского государственного историко–культурного музея–заповедника.
14. Стоянка Жеколган. Раскопки 1986 г. / Козин Е.В. // Фонды хранения Самарского государственного социально-педагогического университета.

15. Поселение Джангар. Раскопки 1979-1982 гг. / Кольцов П.М. // Фонды хранения Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова.
16. Стоянка Ту-бузгу-худук. Раскопки 1984 г. / Кольцов П.М. // Фонды хранения Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова.
17. Стоянка Орловка. Раскопки 1968 г. / Мамонтов В.И. // Фонды хранения Энгельского краеведческого музея.
18. Стоянка Варфоломеевская. Раскопки 1987-1990 гг. / Юдин А.И. // Фонды хранения Энгельского краеведческого музея.

Литература

19. Абрамова, Т.А. Изменение увлажненности Каспийского региона в голоцене по палинологическим данным / Т.А.Абрамова // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене: сб.ст./М.: Наука, 1980. – С. 71-74.
20. Амирханов, Х.А. Чохское поселение / Х.А.Амирханов.- М.: Наука, 1987. – С. 224.
21. Амирханов, Х.А. К проблеме истоков мезолита Северного Прикаспия / Х.А.Амирханов // Кавказ и степной мир в древности и в средние века: Материалы м.н.к. – Махачкала, 1999. – С.12-13.
22. Амирханов, Х.А. Северокаспийский регион – специфический очаг мезо-энеолитических культур / Х.А.Амирханов // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: сб. / Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1990. – С.12-13.
23. Андреев, К.М. Кремневая индустрия раннеэнеолитической елшанской культуры лесостепного Поволжья / К.М. Андреев // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. Казань: Отечество, 2014. – С. 195-198.
24. Андреев, К.М. Некоторые дискуссионные вопросы изучения контактов населения степного и лесостепного Поволжья в неолите / К.М. Андреев // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Элиста: Изд-во Калм. Ун-та, 2016. –С. 6-9.
25. Андреев, К.М. Новые радиоуглеродные даты неолитических и энеолитических памятников Поволжья и Подонья / К.М. Андреев, А.В. Барацков, А.А. Выборнов, М.А. Кулькова, М. Ойнонен, Г. Посснерт, Д. Медоуз, Й. ван дер Плихт, Б. Филиппсен // Известия Самарского научного центра РАН. Том 18. № 6. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2016. – С. 148-152.
26. Аникович, М.В. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования / М.В. Аникович // Советская археология. – М., 1989. – № 4. – С. 115-126.

27. Антимонов, Н.П. К вопросу о специфике контекста расположения стоянки каменного века Байбек / Н.П. Антимонов // Самарский научный вестник. №3(8). Самара, 2014. – С. 18-19.
28. Артамонов, М.И. Археологическая культура и этнос / М.И. Артамонов // Проблемы истории феодальной России. – Л.: Изд-во Лен. Ун-та, 1971. – С. 16-32.
29. Астафьев, А.Е. Оюклинская неолитическая культура полуострова Мангышлак / А.Е. Астафьев // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 4: сб.ст. / Самарского гос.пед.ун-т. Уральск, 2005. – С.103-146.
30. Барацков, А.В. О возможности механического смешения комплексов каменного века Северного Прикаспия / А.В. Барацков // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии. Самара, 2011.
31. Барацков, А.В. Проблема нового метода датировки по неолитической керамике Северного Прикаспия / А.В. Барацков // Новые материалы и методы археологического исследования. Москва, 2011а.
32. Барацков, А.В. О возможности механического смешения комплексов каменного века Северного Прикаспия / А.В. Барацков // XLIII Международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Оренбург, 2011б.
33. Барацков, А.В. Планиграфический и стратиграфический анализ распределения керамики стоянки Каиршак III / А.В. Барацков // Археология восточно-европейской степи. Вып. 10. Саратов, 2013.
34. Барацков, А.В. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия / А.В. Барацков // Новые материалы и методы археологического исследования. Москва, 2013а.
35. Барацков, А.В. О соотношении памятников каиршакского и тентексорского типов / А.В. Барацков // Самарский научный вестник № 3(8). Самара, 2014. – С. 19-23.
36. Барацков, А.В. Итоги радиоуглеродного датирования материалов неолита степного Поволжья / А.В. Барацков // Известия Самарского научного центра РАН. Том 17. № 3. – Самара: Изд-во СИЦ РАН, 2015. – С. 228-233.
37. Барацков, А.В. Экологические ниши и специфика хозяйства неолита степного Поволжья / А.В. Барацков // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Санкт-Петербург, 2015а. – С. 65-68.
38. Барацков, А.В. Дискуссионные вопросы изучения неолита степного Поволжья / А.В. Барацков // Известия Самарского научного центра РАН. Том 18. № 6. – Самара: Изд-во СИЦ РАН, 2016. – С. 148-152.
39. Барацков, А.В. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия / А.В. Барацков, А.А. Выборнов, М.А. Кулькова // Известия Самарского научного центра РАН. Том 14. № 3. – Самара: Изд-во СИЦ РАН, 2012. – С. 200-204.
40. Барацков А.В. Новая стоянка степного неолита Алгай / А.В. Барацков, А.А. Выборнов, А.И. Юдин, И.Н. Васильева, М.А. Кулькова, П.А. Косинцев, Т. Гослар, Б. Филиппсен. // Традиции и инновации в изучении Древнейшей керамики. СПб, 2016.– С. 49-50.

41. Барынкин, П.П. Основные итоги исследования памятников каменного и бронзового веков в Северном Прикаспии / П.П. Барынкин, И.Б. Васильев, А.А. Выборнов, Е.В. Козин, Ю.И. Колев, П.Ф. Кузнецов // Археологические исследования в зонах мелиорации. Итоги и перспективы их интенсификации: сб.ст. / Изд-во Наука. Л., 1985. – С. 33-34.
42. Барынкин, П.П. Мезолит и неолит Северного Прикаспия / П.П.Барынкин, И.Б. Васильев, А.А. Выборнов, Е.В. Козин. // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: сб. научных трудов / Оренбургский гос.пед.ин-т. - Оренбург, 1986. – С.14 -16.
43. Барынкин, П.П. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене / П.П.Барынкин, Е.В. Козин // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: сб. научных статей / Самарский гос.пед.ун-т. – Самара, 1998. – С. 66-82.
44. Белановская, Т.Д. Керамика с накольчатым орнаментом по материалам неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону / Т.Д. Белановская // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья: сб. научных статей / Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1976.
45. Белановская, Т.Д. Орнаментированные изделия из кости и рога неолитического поселения Ракушечный Яр. / Т.Д. Белановская // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л, 1983.
46. Белановская, Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времен неолита и энеолита Ракушечный Яр / Т.Д. Белановская // СПб.: СПбГУ, 1995.
47. Белановская, Т.Д. Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы / Т.Д. Белановская, В.И.Тимофеев // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. – СПб: ИИМК РАН, 2003. – С. 14-29.
48. Бобринский, А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения / А.А. Бобринский. – М: Наука. 1978. – 272 с.
49. Бобринский, А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения / А.А. Бобринский // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). – Самара: Изд-во СГПУ, 1999. – С. 5-109.
50. Бобринский, А.А. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства / А.А. Бобринский, И.Н. Васильева // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
51. Болиховская, И.С. Палиноиндикация изменения ландшафтов Нижнего Поволжья в последние 10 тыс. лет / И.С. Болиховская // Каспийское море. Вопросы геологии и геоморфологии. – М.: Наука, 1990. – С. 52-68.
52. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху / А.Я. Брюсов. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 263.
53. Васильев, И.Б. Северный Прикаспий в эпоху мезолита, неолита и энеолита / И.Б.Васильев // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: КГПИ. – Куйбышев, 1990. – С.6-11.

54. Васильев И.Б. Поздненеолитическая стоянка Тентексор с Северном Прикаспии / И.Б.Васильев, А.А. Выборнов, А.А. Козин // Древние культуры Северного Прикаспия, сб.ст. / Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1986. – С. 6–31.
55. Васильев, И.Б. Взаимосвязь человека и природной среды в Северном Прикаспии / И.Б.Васильев, И.В.Иванов // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: сб.ст. / Оренбург. Гос.пед.ин-т. Оренбург, 1986. – С. 16–20.
56. Васильев, И.Б. Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы / И.Б.Васильев, А.А. Выборнов // Древняя и Средневековая история Нижнего Поволжья сб.ст./Сарат.ун-т. – Саратов, 1986а. – С. 3–20.
57. Васильев, И.Б. Неолит Поволжья / И.Б. Васильев, А.А. Выборнов. – Куйбышев: КГПИ, 1988. – С.112.
58. Васильев, И.Б. Мезолитические памятники Северного Прикаспия / И.Б.Васильев, А.А. Выборнов, А.М. Комаров // Археологические культуры Северного Прикаспия: сб.ст. / Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1988. – С. 3-41.
59. Васильев, И.Б. Исследование неолитической стоянки Каиршак III / И.Б. Васильев, А.А. Выборнов, Е.В. Козин // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев: КГПИ, 1989. – С. 18–45.
60. Васильев, И.Б. Мезолит Северного Прикаспия / И.Б. Васильев, А.А. Выборнов, А.М. Комаров – Препринт. – ИИА УО АН СССР – СГПУ. – Свердловск–Самара, 1991. – С. 3–32.
61. Васильева, И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита / И.Н.Васильева // Вопросы археологии Поволжья: сб.ст. вып. 1 / Самарский гос.пед.ин-т. - Самара, 1999. – С. 72–96.
62. Васильева, И.Н. Технология керамики могильника у с. Съезжее / И.Н. Васильева // Археологические памятники Оренбуржья: сб.ст. вып. 3 / Оренбургский гос.пед. ун-т. – Оренбург, 1999а. – С. 191–216.
63. Васильева, И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье / И.Н. Васильева // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. – Самара: СГПУ, 2006. – С. 426-439.
64. Васильева, И.Н. О происхождении гончарства / И.Н. Васильева // Современные проблемы археологии России. Том 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2006а. – С. 243–245.
65. Васильева, И.Н. О технологии изготовления керамики Орловской стоянки / И.Н. Васильева // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара :СОИКМ, СамГПУ, 2008. – С. 40-47.
66. Васильева, И.Н. Об эволюции представлений о пластичном сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) / И.Н. Васильева // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург, 2009. – С. 65-77.
67. Васильева, И.Н. Технология керамики Варфоломеевской стоянки / И.Н. Васильева // Археология восточно-европейской степи. Вып.9. Саратов, 2012.

68. Васильева, И.Н. О времени и характере взаимодействия неолитического населения степного и лесостепного Поволжья / И.Н. Васильева, А.А. Выборнов // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. Санкт-Петербург, 2009. – С. 164-169.
69. Васильева, И.Н. Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства в Самарском Поволжье / И.Н. Васильева, Н.П. Салугина // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. 15. – Самара: ООО «Офорт», 2010. – С. 135-154.
70. Васильева, И.Н. Новые подходы к изучению неолитизации в Среднем Поволжье / И.Н. Васильева, А.А. Выборнов // Самарский край в истории России. Вып. 4. – Самара: Изд-во Самарский областной краеведческий музей, 2012. – С. 61-68.
71. Васильева, И.Н. Новые подходы к изучению неолитических культур степей Поволжья / И.Н. Васильева, А.А. Выборнов, Г.И. Зайцева // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. – СПб: ИИМК РАН, «Периферия». 2012. – С. 370-375.
72. Васильева, И.Н. «Очаги»/центры раннеолитического гончарства в европейской части России / И.Н. Васильева, А.А. Выборнов // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. СПб, 2016. – С. 45–49.
73. Виноградов, А.В. Неолитические памятники Хорезма / А.В. Виноградов. – М.: Наука, 1968. – С.180.
74. Виноградов, А.В. Первобытный Лявлякан / А.В.Виноградов, Э.Д. Мамедов. – М.: Наука, 1975. – 287 с.
75. Виноградов, А.В. О распространении наконечников стрел кельтеминарского типа / А.В.Виноградов // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
76. Виноградов, А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья / А.В.Виноградов. – М.: Наука, 1981. – С.173.
77. Вискалин, А.В. Рец. На книгу А.А. Выборнова Неолит Волго-Камья. Самара. 2008 // Российская археология. – 2010. - № 4. – С.166.
78. Вискалин, А.В. К вопросу о приемственности позднемезолитического и раннеолитического населения волго-уральской степи / А.В.Вискалин // Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.1.- М. 2008. – С. 186-191.
79. Вискалин, А.В. Контакты лесостепного и степного Поволжья начальной поры неолита / А.В. Вискалин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37). Ч. 2. – С. 39-42.
80. Вискалин, А.В. Проблема контактов степного и лесостепного Поволжья в раннем неолите // Самарский научный вестник № 3(8). Самара, 2014. –С. 54-58.
81. Вискалин, А.В. Загадочные признаки в оформлении елшанской раннеолитической керамики Волго-Уральской лесостепи / А.В. Вискалин // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк: ЛГПУ, 2014а. – С. 146-150.

82. Вискалин, А.В. Культурные процессы на Средней Волге в раннеолитическую эпоху / А.В. Вискалин // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. СПб., 2015. С.26-28
83. Выборнов, А.А. Неолитическая стоянка Каиршак I в Северном Прикаспии / А.А. Выборнов, Е.В. Козин // Археологические культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев: КГПИ, 1988. – С. 92-105.
84. Выборнов, А.А. Соотношение культурных зон и миров, историко-культурных и этнокультурных областей в эпоху неолита / А.А.Выборнов // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР: сб. ст./Удмурт.ин.ИЯЛ УО АН СССР. Ижевск, 1988а. – С. 11-21.
85. Выборнов, А.А. Неолит Северного Прикаспия и его соотношение с культурами сопредельных территорий / А.А.Выборнов // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: сб.ст. Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1990. – С. 21-24.
86. Выборнов, А.А. Спорные вопросы в изучении неолита Нижнего Поволжья / А.А.Выборнов // Исторические исследования вып. 1: сб.ст. / Сам.гос.пед.ун-т. – Самара, 1997. – С. 3-10.
87. Выборнов, А.А. О сероглазовской культуре / А.А.Выборнов // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: - Саратов, 2000. – С. 26-28.
88. Выборнов, А.А. Неолит Прикамья / А.А. Выборнов // Российская археология: достижения XX в. И перспектива XXI: сб.ст. к 75-летию В.Ф. Генинга / «Удмуртский ун-т». – Ижевск, 2000а. – С. 62-69.
89. Выборнов, А.А. Хронологические аспекты изучения неолита Поволжья / А.А. Выборнов // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. – СПб.: ИИМК РАН, 2000б. – С. 15-16.
90. Выборнов, А.А. Некоторые вопросы изучения нижневолжского неолита / А.А. Выборнов // Новые гуманитарные исследования: сб.ст. / Известия СНЦ РАН. – Самара, 2003. – С. 57-65.
91. Выборнов, А.А. О раннем неолите Поволжья / А.А. Выборнов // Новые гуманитарные исследования: сб.ст. // Известия Сам.науч.центр РАН. – Самара, 2005. – С. 152-159.
92. Выборнов, А.А. Проблемы изучения неолита Волго-Камья / А.А. Выборнов // Актуальные проблемы история, археологии, этнографии: сб.ст. / Известия Сам.науч.центр РАН. – Самара, 2006. – С. 277-286.
93. Выборнов, А.А. Неолит Волго-Камья / А.А. Выборнов. – Самара: СГПУ, 2008. – С. 490.
94. Выборнов, А.А. Корректировка радиоуглеродной хронологии неолита Нижнего Поволжья / А.А. Выборнов // Известия Самарского научного центра РАН. № 4 т.10 (26) – Самара, 2008а. – С. 1249-1255.
95. Выборнов, А.А. Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья / А.А. Выборнов // Автореферат дисс.... докт. Ист. наук. – Ижевск, 2009. – С. 44.

96. Выборнов, А.А. О радиоуглеродных датах по керамике и другим материалам / А.А. Выборнов // Проблемы истории, археологии, образования. – Самара: ПГСГА, 2012. – С. 15-31.
97. Выборнов, А.А. Радиоуглеродное датирование керамики неолита Волго-Камья: критерии надежности / А.А. Выборнов // Археология озерных поселений IV-II тыс. до н.э. СПб, 2014. – С.46.
98. Выборнов, А.А. К вопросу о выделении «очагов» ранненеолитических керамических традиций в Волго-Донском междуречье / А.А. Выборнов // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. СПб, 2016. – С.43–44.
99. Выборнов, А.А. Проблемы хронологии неолита Волго-Камья: типология и радиоуглерод / А.А. Выборнов, А.Е. Мамонов // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб: Теза, 2007. – С. 188–198.
100. Выборнов, А.А. Стоянка Качкар-Стау в Северном Прикаспии / А.А. Выборнов, И.В. Горащук // Вестник Прикаспия. Археология, история, этнология. №1. Элиста, 2008. – С. 76-87.
101. Выборнов, А.А. Новые радиоуглеродные определения неолита лесостепного Заволжья / А.А.Выборнов, Н.Н. Ковалюх, А.А. Ластовский, А.Е. Мамонов, Н.Л. Моргунова, В.В. Скрипкин // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 2: сб.ст./Пенз. Гос. краев.музей. – Пенза, 2008. – С. 96-105.
102. Выборнов, А.А. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия / А.А. Выборнов, Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале: сб.ст. / И-т арх. РАН Т.1. – М., 2008. – С.191-193.
103. Выборнов, А.А. К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: восточный регион / А.А. Выборнов, Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин // Российская археология. 2009, №3.
104. Выборнов, А.А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья / А.А. Выборнов, К.М. Андреев, А.В. Барацков, М.А. Кулькова, П.М. Кольцов, А.И. Юдин, Т. Джалл, Т. Гослар, М. Ойнонен, Г. Посснерт, Б. Филиппсен // Известия Самарского научного центра РАН. Том 15. № 5. – Самара: СНЦ РАН, 2013. – С. 254-260.
105. Выборнов, А.А. Новые радиоуглеродные данные для материалов неолита – энеолита Волго-Камья / А.А. Выборнов, К.М. Андреев, А.В. Барацков, Т.Ю. Гречкина, Е.Л. Лычагина, А.Г. Наумов, Г.И.Зайцева, М.А. Кулькова, Т. Гослар, М. Ойнонен, Г. Посснерт // Известия Самарского научного центра РАН. Том 16. № 3. – Самара: СНЦ РАН, 2014. – С. 242-248.
106. Выборнов, А.А. Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите Нижнего Поволжья / А.А. Выборнов, А.В. Барацков, Т.Ю. Гречкина // Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2014. – С.31-34.
107. Выборнов, А.А. Раскопки поселения Орошаемое в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2014 году / Выборнов А.А., Юдин А.И. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2015.– С.3-33.

108. Выборнов, А.А. Новые данные по неолиту-энеолиту Нижнего Поволжья / А.А. Выборнов, А.И. Юдин, И.Н. Васильева, П.А. Косинцев, М.А. Кулькова, Т. Гослар, Н.С. Дога // Известия Самарского научного центра РАН. Том 17. № 3. – Самара: СНЦ РАН, 2015. – С. 235-241.
109. Выборнов, А.А. О хронологическом аспекте происхождения производящего хозяйства в Нижнем Поволжье / А.А. Выборнов, М. Ойнонен, Н.С. Дога, М.А. Кулькова, А.С. Попов // Вестник ВолГУ. Серия 4. Волгоград, 2016. Т.21. №3.
110. Выборнов А.А. Хронология стоянки Байбек в Северном Прикаспии / А.А. Выборнов, Т.Ю. Гречкина, М.А. Кулькова, Г.И. Зайцева, Г. Посснерт // Известия Самарского научного центра РАН. Том 18. №6 – Самара: СНЦ РАН, 2016.
111. Выборнов, А.А. Новые данные по неолиту-энеолиту Нижнего Поволжья / А.А. Выборнов, А.И. Юдин, И.Н. Васильева, П.А. Косинцев, М.А. Кулькова, Н.С. Дога, А.С. Попов // Известия Самарского научного центра РАН. Том 19. № 3. – Самара: СНЦ РАН, 2017. – С. (в печати).
112. Гасилин, В.В. Фауна неолитической стоянки Варфоломеевская в степном Поволжье / В.В. Гасилин, П.А. Косинцев, М.В. Саблин // Фауна и флора северной Евразии в позднем кайнозое. Екатеринбург – Челябинск: 2008. – С. 25 – 100.
113. Гиря, Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий / Е.Ю. Гиря // Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. Вып. 44. – СПб: ИИМК РАН, 1997.
114. Гольмстен, В.В. Доисторическое прошлое Самарского края / В.В. Гольмстен // Краеведение. Ч.1: сб.ст. / Самара, 1924. – С. 159-173.
115. Гольмстен, В.В. Археологические памятники Самарской губернии / В.В. Гольмстен // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.: Т. 4. 1928. – С.125-137.
116. Горащук, И.В. Итоги изучения памятников истайского типа / И.В. Горащук // Вопросы археологии Поволжья. Вып.4: сб. // Самарский гос.пед.ун-т, Самара, 2006. – С. 93-107.
117. Горащук, И.В. Каменные орудия мезолита – раннего неолита Северного Прикаспия: автореф. Дис... канд. Ист. наук / И.В. Горащук. – Екатеринбург, 2007. – С. 24.
118. Горащук, И.В. О северных связях мезолита Северного Прикаспия / И.В. Горащук // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. №2. Элиста, 2010. – С. 6-29.
119. Гречкина, Т.Ю. Керамика неолитической стоянки Байбек / Т.Ю. Гречкина // Неолитические культуры Восточной Европы. СПб, 2015. – С.79-83.
120. Гречкина, Т.Ю. Неолитическая стоянка Байбек / Т.Ю. Гречкина, Д.В. Кутуков // Народы Прикаспийского региона: диалог культур. Элиста: КалмГУ, 2009. – С. 20-23.
121. Гречкина, Т.Ю. Раннеэнеолитическая стоянка Байбек в контексте неолита Северного Прикаспия / Т.Ю. Гречкина, А.А. Выборнов, Д.В. Кутуков //

Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани, Том 1. Казань, 2014. – С. 240-242

122. Гречкина, Т.Ю. Новая неолитическая стоянка Байбек в Северном Прикаспии / Т.Ю. Гречкина, Д.В. Кутуков, А.А. Выборнов // Самарский научный вестник № 3(8). Самара, 2014. – С. 79-90.

123. Гурина, Н.Н. О некоторых методах обработки неолитической керамики / Н.Н. Гурина // КСИА. Вып.193. – М., 1988.

124. Даниленко, Т.А. Костяной инвентарь поселения Ботай / Т.А. Даниленко // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.

125. Деревянко, А.П. Палеолитоведение: введение и основы. / А.П. Деревянко, С.В. Маркин, С.А. Васильев // Новосибирск: СО Наука, 1994. – С.94.

126. Деревягин, Ю.В. Раскопки и разведки в Саратовской области // АО-1970. – 1971.

127. Деревягин, Ю.В. Неолитическое поселение Алтата в Саратовской области. / Ю.В. Деревягин, В.П. Третьяков // Советская археология, - №4. 1974. – С. 249-253.

128. Долбунова, Е.В. Результаты комплексного исследования глиняной посуды из слоев 23-14 поселения Ракушечный Яр (по материалам раскопок Т.Д. Белановской) / Е.В. Долбунова, М.А. Кулькова, А.Н. Мазуркевич // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии: материалы международной научной конференции. Самара, 17-18 июня 2011. – Самара: ПГСГА, 2011. – С. 18-24.

129. Долбунова, Е.В. Древнейшие керамические традиции в Днепродвинском междуречье (7–6-го тыс. до н. э.) / Е.В. Долбунова // Автореферат дисс... канд. Ист. наук. – Санкт-Петербург, 2015. – С. 18.

130. Долуханов, П.М. К статистике радиоуглеродной хронологии раннего неолита юга Восточной и Центральной Европы / П.М. Долуханов, А.В. Шукуров, Д. Гроненборн, Г.И. Зайцева, В.И. Тимофеев, Д.Д. Соколов // Археологические записки. Вып. 3: сб.ст. / Ростов-на-Дону, 2003. – С. 76-81.

131. Долуханов, П.М. Неолитизация Восточной Европы. Радиоуглеродная хронология и моделирование / П.М. Долуханов, К. Дэвисон, Г. Сарсон Г.И. Зайцев, Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин // Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.1. – М. 2008. – С. 209-212.

132. Дубягин, П.С. Новые материалы неолита-бронзы из Северного Прикаспия/П.С.Дубягин, Ф.Д. Чикризов, В.А. Чуринов, И.Б. Васильев, А.А. Выборнов // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1982. – С. 95-134.

133. Еремин, В.И. Неолитические стоянки Нижнего Поволжья / В.И.Еремин // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья: сб.ст. / Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1976. – С.19-20.

134. Зайцева Г.И. Радиоуглеродные датирования в ИИМК РАН: история, состояние, результаты, перспективы / Г.И. Зайцева, В.И. Тимофеев, А.А. Семенцов // Российская археология. – М., 1999. – № 3. – С. 44-52.

135. Зайцева, Г.И. Корректное представление радиоуглеродных и калиброванных дат в литературе / Г.И. Зайцева // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействие неолитических культур в Восточной и Средней Европе). – СПб.: ИИМК РАН, 2004. – С. 11-13.
136. Зайцева, Г.И. Радиоуглеродное датирование керамики памятников неолита Евразии: проблемы и перспективы / И.Г.Зайцева, В.В. Скрипкин, Н.Н. Ковалюх, А.А. Выборнов, П.М. Долуханов, Г. Посснерт // Материалы II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале Т.1. сб.ст./ИА РАН. Суздаль, 2008. – С. 217-219.
137. Зайцева, Г.И. Органическое вещество керамики: природа, органические компоненты и достоверность радиоуглеродных дат / Г.И. Зайцева, Е.Д. Скаковский, Г. Посснерт, А.А. Выборнов, Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин // Труды III Всероссийского археологического съезда. Т. II. – СПб.-М. – В.Новгород: ИИМК РАН, 2011. – С. 383-385.
138. Иванов, И.В. Изменение климатических условий степной зоны в голоцене / И.В. Иванов // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: сб.ст./Оренбургский гос.пед.ин-т, Оренбург, 1986. – С.20-22.
139. Иванов, И.В. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене / И.В. Иванов, И.Б. Васильев // М: Изд-во Интеллект. 1995. – С. 257.
140. Иванов, И.В. Палеологические условия обитания племен эпох неолита и энеолита в песках Волго-Уральского междуречья / И.В. Иванов, И.Б. Васильев // Самарский научный вестник № 3(8). Самара, 2014. – С. 108-115.
141. Килейников, В.В. Костяные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки / В.В. Килейников, А.И. Юдин // Археологические вести. Вып.1. Саратов, 1993.
142. Клейн, Л.С. Проблема определения археологической культуры / Л.С. Клейн // Советская археология. – М., 1970. – № 2. – С. 37-51.
143. Клейн, Л.С. Археологическая типология/Л.С.Клейн. – Л.,1991. – С. 448.
144. Ковалюх, Н.Н. Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтилляционным методом / Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб: ИИМК РАН, 2007. – С. 120-126.
145. Козин, Е.В. Неолитические стоянки Северного Прикаспия /Е.В. Козин // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Оренбург, 1986. – С. 30-31.
146. Козин, Е.В. Новые материалы по неолиту Северного Прикаспия и некоторые вопросы его периодизации // Проблемы археологии степной Евразии. Ч. 1. Кемерово, 1987.
147. Козин, Е.В. Новые материалы по неолиту Северного Прикаспия // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989.

148. Козин, Е.В. Хронология памятников неолита Северного Прикаспия / Е.В.Козин // Хронология Восточной Европы: сб.ст. / ИИМК РАН. - СПб., 2000. – С. 31-33.
149. Козин, Е.В. Неолит Северного Прикаспия: автореф. Канд. Дис.... ист. наук / Е.В.Козин. — Ижевск. 2002. – С.27.
150. Козин, Е.В. Модель динамики культурно-демографических процессов в неолите Нижнего Поволжья / Е.В. Козин // Историко-археологические изыскания. Вып. 6. Самара, 2004. – С. 220-222.
151. Козин, Е.В. Памятники ранненеолитического времени в южной части Волго-Уральских песков / Е.В.Козин, А.М. Комаров // Неолит и энеолит Северного Прикаспия: сб.ст. / Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1989. – С. 6-17.
152. Кольцов, П.М. Результаты археологических разведок 1976-1980 гг. на территории Калмыцкой АССР / П.М.Кольцов // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков: сб.ст. / Калмыцкий НИИ ИФЭ. – Элиста, 1982. – С. 100-107.
153. Кольцов, П.М. Поселение Джангар в Сарпинской низменности / П.М.Кольцов // Эпоха меди юга Восточной Европы: сб.ст. / Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1984. – С. 79-91.
154. Кольцов, П.М. Мезолитическая стоянка Харба на территории Сарпинской низменности / П.М.Кольцов, У.Э. Эрдниев // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа: сб.ст. / Орджоникидзе, 1985. – С. 132-139.
155. Кольцов, П.М. Неолитическое поселение Джангар / П.М.Кольцов // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: сб.ст. / Оренбургский гос.пед. ин-т. – Оренбург, 1986. – С. 28-30.
156. Кольцов, П.М. Неолитическое поселение Джангар / П.М.Кольцов // Археологические культуры Северного Прикаспия: сб.ст. / Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1988. – С. 52-92.
157. Кольцов, П.М. Неолит Северо-Западного Прикаспия: автореф. Дисс. ...канд. Ист. Наук / П.М. Кольцов. – М., 1988а. – С. 20.
158. Кольцов, П.М. Ранненеолитическая стоянка Ту-Бузгу-Худук в Северо-Западном Прикаспии / П.М.Кольцов // Неолит и энеолит Северного Прикаспия: сб.ст./Куйбышевский гос.пед. ин-т. – Куйбышев, 1989. – С. 89-105.
159. Кольцов, П.М. Хронология неолитических памятников Северо-Западного Прикаспия /П.М.Кольцов // Вопросы археологии юга Восточной Европы: сб.ст./Калмыцкий гос.ун-т. – Элиста, 1990. – С. 27-50.
160. Кольцов, П.М. О культурной принадлежности неолитических памятников Северного Прикаспия / П.М.Кольцов // Вопросы археологии юга Восточной Европы: сб.ст./ Калмыцкий гос.ун-т. – Элиста, 1990а. – С. 62-71.
161. Кольцов, П.М. Некоторые итоги изучения памятников каменного века Северо-Западного Прикаспия / П.М.Кольцов // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий № 3. Элиста, 2001. – С. 126-135.
162. Кольцов П.М. Поселение Джангар / П.М.Кольцов // Человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия: «Новый хронограф». – М., 2004. – С. 156.

163. Кольцов, П.М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия / П.М.Кольцов. М.:ГЖО «Воскресенье». 2005. – С. 352.
164. Кольцов, П.М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия: автореф. Дис. ... докт. Ист. наук / П.М.Кольцов. – Махачкала, 2005а. – С. 46.
165. Кольцов, П.М. Неолитические культуры северокаспийского региона / П.М. Кольцов // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Санкт-Петербург, 2012. – С. 66-71.
166. Кольцов, П.М. Мезолитические культуры североприкаспийского региона / П.М. Кольцов // Вестник Саратовского Государственного социально-экономического университета № 3. Элиста, 2012а. – С. 121-124.
167. Кольцов, П.М. Процесс неолитизации на Евразийском пространстве / П.М. Кольцов // Известия Саратовского университета. Т.12. №3. Саратов, 2012б. – С. 69-73.
168. Кольцов, П.М. Неолит североприкаспийской области в пространстве / П.М. Кольцов // Теория и практика общественного развития № 4. Саратов, 2012в. – С. 174-178.
169. Кольцов, П.М. Неолит Калмыкии / П.М. Кольцов // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013. – С.122-126.
170. Кольцов, П.М. Джангарская культура Северо-Западного Прикаспия / П.М. Кольцов // Неолитические культуры Восточной Европы. Санкт-Петербург, 2015. –С. 76-78.
171. Кольцов, П.М. Мезолитическая стоянка Харба на территории Сарпинской низменности / П.М. Кольцов, У.Э. Эрдниев // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа: сб.ст. / Орджоникидзе, 1985. – С. 132-139.
172. Комаров, А.М. Мезолит Северного Прикаспия: автореф. Дисс. ... канд. Ист. наук / А.М.Комаров. – Ижевск, 2000. – С. 20.
173. Костылева, Е.Л. Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской раннеолитической культуры: автореф. Дисс. ... канд. Ист. наук / Е.Л. Костылева. – М., 1987. – С. 24.
174. Костылева, Е.Л. Основные вопросы неолитизации центра Русской равнины / Е.Л. Костылева // Неолит–энеолит юга и неолит севера Восточной Европы: сб.ст. / ИИМК РАН. - СПб., 2003. – С. 213-218.
175. Котова, Н.С. Неолитизация Украины / Н.С.Котова. - Луганск: «Шлях».- 2002. – С.268.
176. Котова, Н.С. Древнейшая керамика Украины / Н.С.Котова. – Киев, Харьков: Майдан, 2015. – С.115.
177. Крупнов, Е.И. Археологические работы на Северном Кавказе / Е.И. Крупнов // Краткие сообщения института истории и материальной культуры. Вып. 27. М.: Наука, 1949. – С. 11-20.
178. Крупнов, Е.И. Археологические работы в Карабаде и Грозненской области / Е.И. Крупнов // Краткие сообщения института истории и материальной культуры. Вып. 32. М.: Наука, 1950. – С. 85-100.

179. Крупнов, Е.И. Прикаспийская археологическая экспедиция / Е.И. Крупнов // Краткие сообщения института истории и материальной культуры. Вып. 55. М.: Наука, 1954. – С. 90-105.
180. Крупнов, Е.И. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья / Е.И. Крупнов // Советская археология. №2. 1957. – С.154-173.
181. Кулькова, М.А. Климатические катастрофы в раннем и среднем голоцене и их влияние на древние сообщества / М.А. Кулькова // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб.: ИИМК РАН, 2007. – С. 316-333.
182. Кулькова, М.А. Радиоуглеродное датирование древней керамики / М.А. Кулькова // Самарский научный вестник № 3(8). Самара, 2014. – С. 115-122.
183. Лаврушин, Ю.А. Геолого-палеологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет / Ю.А.Лаврушин, Е.А. Спиридонова, Л.Д. Сулержицкий // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: сб.ст. / Самарский гос.пед. ун-т. - Самара, 1998. – С. 40-65.
184. Ластовский, А. А. Памятники с микролитическим инвентарем низовьев реки Малый Узень. / А.А. Ластовский, А.М. Комаров // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1988. – С.42-51.
185. Левковская, Г.М. Заключение по результатам спорово-пыльцевого анализа образцов из разрезов стоянок Ивановского микрорайона на р.Ток/Г.М.Левковская // Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья: сб.ст. / Оренбургский гос.пед.ин-т, Оренбург, 1995. – С. 173-176.
186. Лозовский, В.М. Технологический аспект изучения каменных индустрий периода перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье / В.М. Лозовский // Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.1.- М., 2008. – С. 236-238.
187. Мазуркевич, А.Н. Керамические традиции валдайской культуры в ранне-неолитических комплексах Верхнего Подвинья / А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. Санкт-Петербург, 2009. – С. 108-110.
188. Мазуркевич, А.Н. Распространение керамических традиций в раннем неолите на территории Восточной Европы / А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. Санкт-Петербург, 2009а. – С.80-82.
189. Мазуркевич, А.Н. Древнейшие керамические традиции Восточной Европы / А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова, М.А. Кулькова // Российский археологический ежегодник. СПб, 2013. – С. 27-108.
190. Мазуркевич, А.Н. Древнейшая глиняная посуда Восточной Европы: технология, морфология и орнаментация (по материалам 23-14 слоев поселения Ракушечный Яр) / А.Н. Мазуркевич Е.В. Долбунова // Краткие сообщения института археологии. Вып. 227. Москва, 2012. – С. 286-298.
191. Мамонтов, В.И. Поздне-неолитическая стоянка Орловка / В.И.Мамонтов // СА. - № 4. 1974. – С. 254-258.

192. Манько, В.А. Перспективи датування кераміки радіокарбонним методом / В.А. Манько // Кам'яна доба України. Вып.10. – Луганск: Шлях, 2007. – С. 168-177.
193. Манько, В.А. Вопросы абсолютной хронологии неолита Украины / В.А. Манько, Н.Н. Ковалюх // Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.1. М. 2008. – С. 238-240.
194. Манько, В.А. Начало распространения технологии изготовления геометрических микролитов с плоской дорсальной ретушью / В.А. Манько // Самарский научный вестник № 3(8). Самара, 2014. – С. 136-144.
195. Мацкевой, Л.Г. Мезолит и неолит Восточного Крыма / Л.Г. Мацкевой // Киев: Наук. Думка, 1977. – С. 163.
196. Мелентьев, А.Н. Разведки в Волго-Уральском междуречье / А.Н. Мелентьев // АО-1967. – 1968. – С.112.
197. Мелентьев, А.Н. Разведка памятников древности в Западном Казахстане. / А.Н. Мелентьев // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. – С. 170.
198. Мелентьев, А.Н. Новые памятники Северного Прикаспия / А.Н. Мелентьев // АО -1972–1973: Изд-во Наука. М., 1973 – С. 181
199. Мелентьев, А.Н. Работы в Северном Прикаспии / А.Н. Мелентьев // АО-1969 – 1970. М., – С. 125.
200. Мелентьев, А.Н. Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия) / А.Н. Мелентьев // КСИА. – 1975. – Вып. 141. – С. 112-117.
201. Мелентьев, А.Н. К вопросу о времени и генезисе раннего неолита Северного Прикаспия / А.Н. Мелентьев // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья: сб.ст. / Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1976. – С. 11-13.
202. Мелентьев, А.Н. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) / А.Н. Мелентьев // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья: сб.ст. / Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1976а. – С. 13-14.
203. Мелентьев, А.Н. Мезолит Северного Прикаспия. / А.Н.Мелентьев // Краткое сообщение института археологии. Вып.149. М.: Наука, 1977. – С. 100-108.
204. Мелентьев, А.Н. О хронологии раннего неолита Северного Прикаспия. / А.Н. Мелентьев // КСИА. Вып.153. 1978.
205. Минаева, Т.М. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях/ Т.М. Минаева // Краткие сообщения института истории и материальной культуры. Вып. 59. М.: Наука. 1955. – С. 43-56.
206. Морган, Л.Г. Древнее общество или исследование человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Л.Г. Морган // Л., 1935. – С. 350.
207. Моргунова, Н.Л. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области / Моргунова, Н.Л. // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

208. Наумов, И.Н. К вопросу о становлении неолита Нижнего Поволжья / И.Н.Наумов // История России: на перекрестке мнений: сб.ст. / Волгоград, гос. пед. ун-т. – Волгоград, 1997. – С. 90-92.
209. Наумов, И.Н. Проблемы хронологии и периодизации неолитических и энеолитических памятников Волго-Донского района / И.Н. Наумов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1: сб.ст. Волгоград. Гос. ун-т. – Волгоград, 1998. – С. 9-16.
210. Наумов, И.Н. Происхождение древнейшей керамики Нижнего Поволжья / И.Н. Наумов // Вопросы краеведения. Вып. 4-5: сб.ст./ Волгоград. Обл. краеведческий музей. Волгоград, 1998а. – С. 10-12.
211. Наумов, И.Н. Время и факторы появления и распространения прочерченной и накольчатой керамики в Нижнем Поволжье / И.Н. Наумов // Вопросы краеведения. Вып. 8: сб.ст. / Волгоград. Обл. краеведческий музей. – Волгоград, 2003. – С. 15-20.
212. Наумов, И.Н. Неолит Поволжско-Донских степей (проблемы хронологии, периодизации и культурно-хозяйственного развития): автореф. Дис.... канд. Ист. наук / И.Н.Наумов. – Воронеж, 2004а. – С. 24.
213. Наумов, И.Н. Факторы культурно-хозяйственных взаимодействий Восточно-Европейского степно-лесостепного населения в неолите и переходное к эпохи бронзы время / И.Н. Наумов // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013. – С.191-193.
214. Наумов, И.Н. Культурно-хозяйственные трансформации переходного неолито-энеолитического периода в нижневолжском регионе / И.Н. Наумов // Самарский научный вестник № 3(8). Самара, 2014. – С. 144-148.
215. Наумов, И.Н. Время, факторы становления и специфика производящего хозяйства степного Поволжья / И.Н. Наумов // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Санкт-Петербург, 2015. – С. 61-64.
216. Никитин, В.В. Неолитические культуры лесной полосы Средней Волги в системе неолита Урала и Поволжья / В.В.Никитин // XV Уральское археологическое совещание: сб.ст. / Оренбургский гос.пед.ун-т. - Оренбург, 2001. – С. 53-54.
217. Никитин, В.В. Ранний неолит Волго-Камья / В.В.Никитин // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: сб.ст. / Удмуртский гос.ун-т. – Ижевск, 2002. – С. 181-186.
218. Никитин, В.В. Общие черты и специфические элементы раннеэнеолитической посуды лесного Поволжья, степных и лесостепных районов Волго-Донского междуречья / В.В.Никитин // Археологическое изучение Центральной России: сб.ст. / Липецкий гос.пед.ун-т, Липецк, 2006а. – С. 97-102.
219. Никитин, В.В. Ранний неолит лесной полосы Среднего Поволжья (по материалам Марийской археологической экспедиции) / В.В. Никитин // Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.1.- М., 2008.– С. 255-259.

220. Нехорошев, П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня Среднего Палеолита / П.Е. Нехорошев. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 113.
221. Праслов, Н.Д. Новые памятники с микролитическим инвентарем в Северо-Восточном Прикаспии. / Н.Д. Праслов, Г.Б. Постников, Е.В. Ротшильд // Краткие сообщения института археологии. Вып. 117. М.: Наука, 1969. – С. 54-60.
222. Праслов, Н.Д. Памятники каменного века южных Ергеней. / Н.Д. Праслов // КСИА. Вып.126. 1971.
223. Поплевко, Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий / Поплевко, Г.Н. // Автореферат дисс.... канд. Ист. наук. – Санкт-Петербург, 2000.
224. Рыков, П.С. Отчет об археологических работах произведенных в Нижнем Поволжье в 1929г. / П.С.Рыков // Известия ижне-Волжского института краеведения. Т.IV: сб.ст. / Саратов, 1931. – С. 53-59.
225. Сеницын, И.В. Кремневые орудия с дюнных стоянок Калмыцкой области / И.В.Сеницын // Известия ижне-Волжского института краеведения. Т.4 : сб.ст./ Саратов, 1931. – С. 81-96.
226. Сеницин, И.В. Древние памятники Приморского района Калмыцкой области / И.В. Сеницин // Известия Нижневолжского института краеведения. Т.6. Саратов, 1933. – С. 89-102.
227. Сеницын, И.В. Изучение родового общества бронзовой эпохи на территории Нижнего Поволжья / И.В.Сеницын // Научная конференция, 1946 г. СГУ. Серия историко-филологическая: сб.ст. /Саратовский гос.ун-т, Саратов, 1947. – С. 23-34.
228. Сеницын, И.В. Археологические памятники по р. Малый Узень (Саратовская область и Западный Казахстан) / И.В. Сеницын // КСИИМК. – 1950. – XXXII. – С. 101-112.
229. Сеницын, И.В. Археологические памятники Северно-Западного Прикаспия / И.В. Сеницин // Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 3. Саратов, 1960. – С. 133-152.
230. Сеницын, И.В. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР / И.В. Сеницин, У.Э. Эрдниев. Калм. Книж, 1966. – С. 184.
231. Спиридонова, Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене / Е.А.Спиридонова // Изд-во Наука, М., - 1991. – С. 222.
232. Спиридонова, Е.А. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа. / Е.А.Спиридонова, А.С. Алешинская // Российская археология. – 1999. - № 1. – С. 23-33.
233. Ставицкий, В.В. Актуальные проблемы изучения первобытной археологии Поволжья / В.В.Ставицкий // Материалы XXXVI Урало-Поволжской археологической студенческой конференции: сб.ст./Пензен. Гос.пед.ун-т, Пенза, 2004. – С. 16-62.
234. Ставицкий, В.В. Дискуссионные вопросы изучения Нижневолжского неолита / В.В. Ставицкий // Историко-археологические изыскания. Вып. 6: сб.ст. / Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 2004а. – С. 205-218.

235. Ставицкий, В.В. Проблема происхождения прикаспийской культуры / В.В. Ставицкий // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013.– С. 205-212.
236. Ставицкий, В.В. К вопросу о единстве критериев неолитической эпохи для культур Севера и Юга / В.В. Ставицкий // Самарский научный вестник № 3(8). Самара, 2014. – С. 171-178.
237. Ставицкий В.В. К вопросу о хронологии раннего неолита степного и лесостепного Поволжья / Ставицкий В.В. // История и археология. 2014а. № 10 [Электронный ресурс].
238. Ставицкий В.В. К вопросу о взаимодействии неолитического населения степной и лесостепной зоны в Поволжье / Ставицкий В.В. // Самарский научный вестник № 4(9). Самара, 2014б. – С. 117-120
239. Сурков, А. В. Неолитические памятники Среднего Похоперья / А.В.Сурков. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2007. – С. 122.
240. Телегин, Д.Я. К методике составления типологическо-статистической таблицы кремневых изделий мезо-неолитической эпохи / Д.Я. Телегин // Орудия каменного века. – Киев: «Наукова Думка», 1978. – С. 35-57.
241. Телегин, Д.Я. Неолит Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья / Д.Я. Телегин // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
242. Третьяков, В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР / В.П. Третьяков – М.: Наука, 1972. – С. 136.
243. Третьяков, В.П. К вопросу об «археологической непрерывности» / В.П.Третьяков // СА. -№2. 1982.
244. Третьяков, В.П. Неолитическая керамика и археологические культуры / В.П.Третьяков // Советская археология. – М., 1984. – № 1. – С. 66-76.
245. Третьяков, В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы / В.П.Третьяков. – Л.: Наука, 1990. – С. 198.
246. Федоров, П.В. О некоторых вопросах голоценовой истории Каспия и Арала / Федоров, П.В. // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене: сб. ст. М.: Наука, 1980. – С. 19–22.
247. Формозов, А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке / А.А.Формозов. – М.: Наука, 1959. – С. 126.
248. Формозов, А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР / А.А.Формозов. – М.: Наука, 1977. – С. 143.
249. Фосс, М.Е. О терминах «неолит», «бронза», «культура» / М.Е. Фосс // КСИИМК. № 29. – Л., 1949. – С. 33-47.
250. Фосс, М.Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР / М.Е. Фосс // МИА. – 1952. - № 29. – С. 280.
251. Хужаназаров, М. Неолитическая стоянка Аякагитма (внутренние Кызылкумы) / М. Хужаназаров, К. Шимчак, Ф. Брунет, Х. Хошимов // Самарский научный вестник № 3(8). Самара, 2014. – С. 171-178.
252. Цыбрий, В.В. Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья / В.В. Цыбрий / Ростов-на-Дону: АПСН, 2008.
253. Шнайдштейн, Е.В. Исследования в Калмыкии. / Е.В. Шнайдштен // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977. – С. 182-183.

254. Юдин, А.И. Варфоломеевская неолитическая стоянка / А.И.Юдин // Археологические культуры Северного Прикаспия: сб.ст. / Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1988. – С. 142-172.
255. Юдин, А.И. Неолит и энеолит степного Заволжья: автореф. Дисс. ... канд. Ист. Наук / А.И.Юдин. – М., 1995. – С. 16.
256. Юдин, А.И. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья / А.И.Юдин // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: сб.ст./Самарский гос.пед.ун-т. – Самара, 1998. – С. 83-105.
257. Юдин, А.И. Культурные контакты и связи населения Нижнего Поволжья в неолитическое время / А.И.Юдин // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3: сб.ст. / Волгоград.гос.ун-т, Волгоград, 2000. – С. 41-57.
258. Юдин, А.И. О чертах сходства орловской и волго-уральской неолитических культур: контакты или миграции? / А.И.Юдин // XV Уральское археологическое совещание: сб.ст. / Оренбургский гос.пед.ун-т. – Оренбург, 2001. – С. 62-63.
259. Юдин, А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья / А.И. Юдин – Саратов: СГУ, 2004. –С. 200.
260. Юдин А.И. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья / А.И. Юдин // Автореферат дисс. докт. Ист. наук. – Ижевск, 2006. – С. 46.
261. Юдин, А.И. Закономерности и общие тенденции культурно-исторических процессов в Нижнем Поволжье на протяжении неолита и энеолита / А.И.Юдин // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4: сб.ст./Саратов, 2006а. – С. 45-57.
262. Юдин, А.И. Культурное развитие населения Нижнего Поволжья в неолите и энеолите / А.И.Юдин // Археологические наследие Саратовского края. Вып. 7: сб.ст. / «Научная книга». Саратов, 2006б. – С. 3-22.
263. Юдин, А.И. Неолит. / А.И. Юдин // Археология Нижнего Поволжья. Т. 1. Каменный век. Глава III: сб.ст. / Волгоград.науч.изд-во, Волгоград:, 2006в. – С. 333-452.
264. Юдин, А.И. Нижневолжский неолит: культурно-историческая область или общность / А.И.Юдин // Пензенский археологический сборник. Вып. 1: сб.ст. / Пензенский гос. пед.ун-т. Пенза, 2007. – С. 6-17.
265. Юдин, А.И. Нижневолжская неолитическая культурно-историческая общность / А.И.Юдин // Человек, адаптация, культура: сб.ст. М., 2008. – С. 362-373.
266. Юдин, А.И. Хронология неолита степного Поволжья в свете новых данных/А.И. Юдин // Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.1.- М., 2008а. – С. 282-285.
267. Юдин, А.И. Соотношение данных стратиграфии и радиоуглеродных определений для памятников позднего неолита-энеолита Нижнего Поволжья / А.И. Юдин // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. Санкт-Петербург. 2009. – С. 169-171.
268. Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья / А.И. Юдин. – Саратов: Научная книга, 2012. – 213 с.

269. Юдин, А.И. Нижнее Поволжье в эпохи неолита и энеолита: состояние проблемы / А.И. Юдин // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013. – С. 218-230.
270. Юдин, А.И. Орловская культура в свет новых данных по хронологии неолита степного Поволжья / А.И. Юдин // Самарский научный вестник № 3(8). Самара, 2014. – С. 215-220.
271. Юдин, А.И. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье / А.И. Юдин, А.А. Выборнов, И.Н. Васильева, П.А. Косинцев, М.А. Кулькова, Т. Гослар, Б. Филиппсен, А.В. Барацков // Самарский научный вестник №3 (16). Самара, 2016. С.61-69.
272. Юдин, А.И. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье / А.И. Юдин, А.А. Выборнов, И.Н. Васильева, П.А. Косинцев, М.А. Кулькова, Т. Гослар, Б. Филиппсен, А.В. Барацков // Самарский научный вестник № 3(16). Самара, 2016. – С. 61-69.
273. Яниш, Е.Ю. Результаты таксономических определений остатков рыб из раскопок археологического памятника Байбек / Е.Ю. Яниш // Самарский научный вестник № 3(8). Самара, 2014. – С. 220-224.

Литература на иностранных языках

274. Skripkin, V. Recent Developments in the Procedures Used at the SSCER Laboratory for the Routine Preparation of Lithium Carbide / V. Skripkin, N. Kovalyukh // Radiocarbon. Vol. 40. 1998. – № 1. – P. 211-214.
275. Vybornov, A. Time and palaeoenvironment in the Neolithisation of the Povolzhye forest – steppe / A. Vybornov // Documenta Praehistorica XXXVIII. Ljubljana: University Press, 2011. – P. 267-274.
276. Vybornov, A. Chronological problems with neolithization of the Northern Caspian Sea area and the forest – steppe Povolzhye region / A. Vybornov, G. Zaitseva, N. Kovaliukh, M. Kulkova, G. Possnert, V. Skripkin // Radiocarbon. Vol. 54. 2012. – № 3-4. – P. 795-799.
277. Vybornov, A. The problem of the neolithisation process chronology in Povolzhye / A. Vybornov, M. Kulkova, T. Goslar, G. Possnert // Documenta Praehistorica XL. – Ljubljana: University Press, 2013. – P. 13-20.
278. Vybornov, A. Interdisciplinary research of the Neolithic Volga-Kama pottery / A. Vybornov, I. Vasilyeva // Documenta Praehistorica XL. – Ljubljana: University Press, 2013. – P. 165-173.
279. Vybornov, A. The Origin of Farming in the Lower Volga Region / A. Vybornov, P. Kosintsev, M. Kulkova // Documenta Praehistorica XLII. Ljubljana, 2015. P.67-75
280. Zaitseva, G. Radiocarbon dating of Neolithic pottery / G. Zaitseva, V. Skripkin, N. Kovaliukh, G. Possnert, P. Dolukhanov, A. Vybornov // Radiocarbon. Vol. 51. 2009. – № 2. – P. 795-801.

281. Dolukhanov, P.M. The spread of the neolithic in the south east European plain: radiocarbon chronology, subsistence, and environment / P.M. Dolukhanov, A. Shukurov, K. Davison, G. Sarson, N.P. Gerasimenko, G.A. Pashkevich, A.A. Vybornov, N.N. Kovalyukh, V.V. Skripkin, G.I. Zaitseva, T.V. Sapelko // Radiocarbon. Vol. 51. – Arizona, 2009. – № 2. – P. 783-793.

282. Philippsen, B. Freshwater reservoir effect in food crust on Mesolithic pottery / Philippsen B. // Progress and Pitfalls: New archaeometric research of Stone Age remains in the Baltic Sea region. Abstracts. Helsinki, 2012.